
ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Обсуждая решения XIX съезда партии, коллектив работников Трехгорной мануфактуры имени Ф. Э. Дзержинского принял новые, повышенные обязательства. На снимке: делегат XIX съезда директор комбината А. А. Северьянова (в центре) беседует с лучшими ткачихами — В. А. Кузнецовой (слева) и З. Г. Булановой.

Фото Дм. Бальтерманца

НА ВЕЛИКОЙ ТРАССЕ

В решении XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза записано: «...приступить к строительству оросительных и обводнительных систем в зоне Сталинградской гидроэлектростанции, Главного Туркменского, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов».

Главный Туркменский канал еще не прорезал пустыню, и живительная влага пока не идет на выжженные солнцем земли. Но меняется жизнь в этом некогда пустынном крае! Года два назад путешественник мог в течение недели не встретить здесь ни одного человека: кругом пески да высохшие соленые озера.

А сегодня вдоль всей трассы, через каждые 30—40 километров, встречаешь временные поселки строителей, палатки топографов и археологов, походные лаборатории геологов и гидрографов, опытные станции растениеводов. Проснулась, ожила пустыня. Там, где еще недавно царила вековая тишина, слышен рокот моторов, многоголосый шум стройки. Тысячи людей ведут изыскания, бурят скважины, сооружают кирпичные и известковые заводы, прокладывают автомобильные дороги, линии связи и электропередач, испытывают на опытных участках сорта хлопчатника.

Люди трудятся для того, чтобы оросить и сделать плодородными один миллион триста тысяч гектаров и обводнить до семи миллионов гектаров земель; чтобы в три раза увеличилась площадь посевов хлопчатника в Туркмении и Кара-Калпакии; чтобы сбор хлопка возрос по сравнению с нынешним в шесть — семь раз; чтобы шли корабли по бывшей пустыне, превращенной в цветущий край, где все богатством и обильем дышит...

На трассе работают и местные жители и приезжие из других республик нашей страны. Члены великой многонациональной семьи, они дружно живут и трудятся. На строительстве Тахиа-Ташского гидроузла наш фотокорреспондент заснял старшего геолога экспедиции Гидропроекта Б. П. Самарцева (справа) и бурового мастера И. Джалджанова, обсуждавших условия бурения очередной скважины (первая страница обложки).

На последней странице обложки: группа топографов в районе строительства Тахиа-Ташского гидроузла.

Фото И. Тункеля

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 50 (1331)
7 ДЕКАБРЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МЫ СТОИМ ЗА МИР И ОТСТАИВАЕМ ДЕЛО МИРА

Академик И. Г. Петровский выступает с докладом.

С великой надеждой прислушиваются к голосу советских людей народы всего земного шара. Они видят в нашей стране неприступную крепость мира, они видят в каждом советском человеке неутомимого борца за дружбу народов.

Состоявшаяся 2—4 декабря в Москве Четвертая Всесоюзная конференция сторонников мира еще и еще раз показала готовность народов Советского Союза к международному сотрудничеству, к сотрудничеству со всеми, кто искренне хочет мира, кто стремится покончить с угрозой новой войны и выступает против темных сил агрессии. Конференция показала также непреклонную решимость советских людей отстаивать дело мира, разоблачать коварные козни поджигателей новой войны, пытающихся за лживыми фразами о миролюбии скрыть свои преступные замыслы.

— Мы хотим мира не потому, что мы слабы,— говорили делегаты конференции,— а потому, что считаем всякую агрессивную войну преступлением против человечества. И если на нас нападут, то мы сумеем на удар ответить сокрушительным ударом.

Доклад академика И. Г. Петровского и выступления делегатов — рабочих, хлеборобов, инженеров, писателей, ученых — людей, вся жизнь и деятельность которых посвящены мирным делам,— это могучий голос миролюбивой Советской державы. От имени нашего народа великий Сталин сказал на XIX съезде партии: «Что же касается Советского Союза, то его интересы вообще неотделимы от дела мира во всем мире».

Конференция избрала делегатов на открывающийся 12 декабря Конгресс народов в защиту мира, дав им наказ вместе со всеми людьми доброй воли сплачивать единство народов в их стремлении найти совместные пути ликвидации уже ведущихся войн и предотвращения новой войны, независимо от того, в какой части света и между какими государствами она угрожает возникнуть.

В зале конференции.

Фото Дм. Бальтерманца

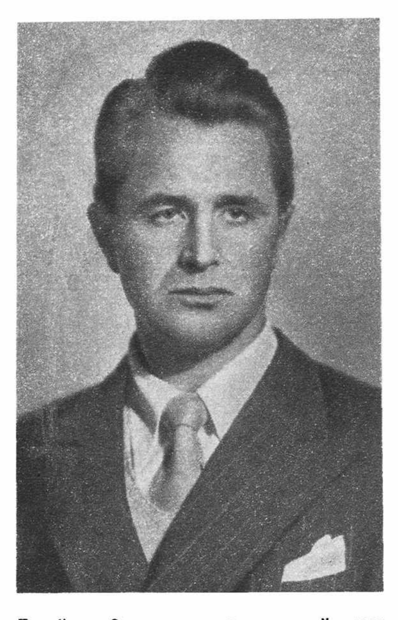
ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ

Это и есть патриотизм

Джеймс ОЛДРИДЖ

В один из теплых, обычных для осени в Англии дней я отправился с моим маленьким сыном на Южное побережье, чтобы показать ему при восходе солнца чудеснейшую на наших островах гряду холмов — Южный Даунс.

Мой сын еще слишком мал, чтобы самому оценить всю прелесть природы, но мне сознательно хотелось поближе познакомить его с красотами нашего Сассекса. Я хотел пробудить в нем чувства, которые позднее могли бы вылиться в глубокое ощущение, что родина — самое драгоценное из всего, что когда-либо будет ему принадлежать. Это отнюдь не чувство, которого можно было бы стесняться: это — чувство патриотизма. И все же, как бы оно ни было всем нам присуще, в наши дни англичанин редко говорит о нем теми словами, каких оно заслуживает.

Джеймс Олдридж — известный английский писатель, автор книг «Морской орел» и «Дипломат».

В нашем «высшем» обществе принято считать, будто любовь к родине хотя и допустима, однако ее не следует громко выражать. И именно поэтому светские бездельники считают вообще излишним, чтобы народ испытывал и проявлял патриотическое чувство. Такого же взгляда придерживается и желтая пресса, которая при этом еще почему-то считает себя хранительницей нашего патриотизма. Впрочем, едва ли такого рода «патриотизм» нуждается во внешнем выражении...

Но мне кажется, в то утро я вновь с какой-то особой силой ощутил это чувство. Перед моими глазами лежала во всей своей прелести природа Англии, ее прекрасные города и деревни. И мне вдруг подумалось: в случае войны эти густо населенные и близко расположенные друг от друга города и села, наши острова — удобный объект для атомных бомбардировок. Стоило только представить себе, как мало останется после нескольких атомных взрывов от всей этой красоты и человеческого уюта — и любой из этих очаровательных пейзажей вдруг приобретал угрюмую, трагическую окраску, словно напоминая, что только в борьбе за сохранение мира на нашей земле мы можем обрести свой подлинный патриотизм; что людей, которые сознательно ставят под удар свои народы и свою страну, надо заклеймить как предателей.

В этих мыслях нет ничего из ряда вон выходящего, и это не проявление излишней чувствительности. По всей Англии мы видим сегодня, как идея мира ломает политические перегородки, как в наше широкое и многообразное движение за мир вливается все больше честных патриотов, которые независимо от их личных взглядов и убеждений хотят одного: чтобы страна не была отдана в жертву войне.

На примере Англии наилучшим образом подтверждается правота главной идеи Воззвания Всемирного Совета Мира: движение за мир должно стать всеобъемлющим, если оно хочет стать убедительным и действенным.

Идея мира ни с чем не сравнима по величию. И нам нечего стесняться того, что мы присоединяемся к этой идее, исходя из наших кровных, жизненных интересов. Мы все едины в вопросе мира. Кто, кроме потерявших рассудок, хочет войны? Кто, кроме пресыщенных негодяев и профессиональных обманщиков, откажется от мира?

Конечно, это слово всячески поносят в официальных речах, называют пропагандистским трюком, словно кто-то извне советует народам не желать и избегать войны. Но ни один советский «пропагандист» не стоял со мной этим утром на косогоре в Сассексе, и никто ничего не шептал мне на ухо. Рядом со мной был мой сын, и его маленькие ножки доверчиво опирались на родную землю.

То, что я переживал в это утро,— не ощущение отдельного человека, отца семейства. Не раз в течение дня у многих из нас ясно встает перед глазами картина нашей земли, наших людей, ввергнутых в разрушение и смерть.

Именно потому, что мы так реально представляем себе это, мы начинаем спешно искать каких-то действенных путей, ведущих к миру. И наши поиски не остаются тщетными. Мы видим, что верную дорогу настойчиво ищут все народы. В этом мировом размахе движения за мир мы обретаем первую прочную надежду и на спасение собственной нашей страны.

Мир победит потому, что побеждает патриотизм, побеждает чувство человечности. Любя свою собственную страну, мы учимся любить все другие страны и хотеть мира для всех.

Венский конгресс народов в защиту мира — выражение всеобщей надежды всех народов, и это обеспечивает ему успех.

Италия готовится к Конгрессу народов

Альберто ЯКОВЕЛЛИ

Подготовка к Конгрессу народов в эти дни достигает в Италии кульминационного пункта. Широко развернувшееся обсуждение проблем, поставленных Воззванием Всемирного Совета Мира, было облегчено тем, что миллионы итальянцев приняли участие в съездах важнейших отраслевых профсоюзов и палат труда, собравшихся в связи с подготовкой съезда Всеобщей итальянской конфедерации труда в Неаполе.

Огромное, невиданное в истории нашей страны число граждан, подлинных творцов национального богатства, участвует в глубоком, всестороннем обсуждении проблем, жизненно важных для судеб республики.

Как известно, Итальянская всеобщая конфедерация труда насчитывает свыше 6 миллионов членов. Но число трудящихся Италии, активно участвующих в обсуждении, значительно выше, так как на съездах отраслевых профсоюзов и палат труда часто присутствуют трудящиеся, примыкающие к другим профсоюзам или вообще не члены профсоюза, а также интеллигенты, политические деятели и деятели культуры, до последнего времени не имевшие непосредственной связи с крупнейшим объединением итальянских трудящихся.

Живущие под постоянной угрозой безработицы и кризиса, в тисках жесточайшей эксплуатации и низкой заработной платы, трудящиеся Италии, думая о перспективах лучшего будущего итальянского народа, знают, что они не могут быть осуществлены без достижения цели, стоящей перед Конгрессом народов в защиту мира,— без обеспечения национальной независимости, без политики, содействующей разоружению и разрядке международного напряжения. Вот почему наряду с серьезными проблемами внутреннего кризиса, наряду с требованием политических мероприятий, способных превозмочь этот кризис, на каждом съезде профсоюзов или палат труда итальянские рабочие, крестьяне, ремесленники, интеллигенты обсуждают и одобряют Воззвание о созыве Конгресса народов.

Естественно, что подготовка к Конгрессу народов не ограничивается обсуждениями и дискуссиями, будь они даже столь разносторонни и серьезны, как это имеет место на съездах профсоюзов и палат труда.

Все больший размах принимают сотни других начинаний. Это — распространение «Тетрадей Ринашита», посвященных экономике некоторых районов страны и требующих, чтобы расходы на гражданские нужды превышали военные расходы; это сбор лент для знамен Мира, предназначенных для Конгресса в Вене; это доклады о разоружении Германии и распространение 300 тысяч экземпляров доклада Ива Фаржа о бактериологической войне; это телеграммы протеста против зверств, чинимых над корейскими военнопленными в американских концентрационных лагерях, и собрания представителей городов, оккупированных американцами; это демонстрации молодежи против призыва на военную службу и 20 тысяч женских делегаций, которым поручено информировать жителей всех кварталов о Конгрессе народов в защиту мира и о вопросах, которые будут на нем обсуждаться во имя блага всего человечества.

Все эти начинания, вместе взятые, могут дать более полную картину масштаба разъяснительной работы о целях Конгресса. Естественно, что нынешние правители Италии делают все возможное, чтобы сорвать популяризацию Конгресса; очевидно, они, а еще больше их американские «боссы» серьезно обеспокоены успехом этой кампании.

Но никто не может помешать девушкам Пизы собирать среди жителей своего города разноцветные ленты с подписями тех, кто их принес в дар. И уж, конечно, никто не сможет помешать сшить эти ленты и сделать из них столько знамен в подарок Конгрессу в Вене, сколько общин в провинции Пиза.

Никому не удастся помешать группам из трех — четырех женщин Пренестинского района Рима или районов других городов Италии сообщать своим друзьям и знакомым, лавочникам и аптекарям, врачам и ремесленникам о предстоящем Конгрессе народов.

Никому не удастся помешать рабочим Флоренции передать свой двухчасовой заработок в фонд, обеспечивающий проезд итальянской делегации на Конгресс народов.

Никто не сможет в Италии помешать всему этому, так как все это происходит в самой гуще народных масс. В этом секрет успеха в Италии кампании в защиту мира и, в частности, подготовки к Конгрессу народов, принимающей все больший и больший размах.

ДЛЯ МИРА

Девиз честных людей Мексики

Исмаэль Косио ВИЛЬЕГАС,
член Всемирного Совета Мира, врач

Организованный несколько лет тому назад Мексиканский комитет мира с энтузиазмом работает во имя достижения стоящих перед ним прекрасных целей.

Недавно Комитет понес тяжелую утрату — умер его первый председатель, Энрике Гонсалес Мартинес, — один из наиболее крупных современных поэтов, пишущих на испанском языке. Литературный мир прекрасно знал его имя. Все уважали его за честность и благородство, за прогрессивные убеждения как в искусстве, так и в любом другом проявлении жизни. Эти убеждения привели его в ряды сторонников мира.

Теперь председателем Мексиканского комитета мира стал генерал Эриберто Хара — достойный преемник Э. Гонсалеса Мартинеса.

Генерал Хара — старый революционер. Он прошел долгий славный жизненный путь и одним из первых стал в ряды борцов за мир. В дни революционной борьбы против безжалостно эксплуатировавшего мексиканский народ диктатора генерала Диаса он получил самое высокое воинское звание в Мексике. На многих важных постах побывал генерал Хара, отдавая все силы служению народу: он был послом на Кубе, губернатором в штате Веракрус и в Столичном округе, был военно-морским министром.

В прошлом году ему присудили международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами».

Кроме Эриберто Хара, в Мексиканский комитет мира входят такие достойные люди, как лидер мексиканских рабочих и рабочих Латинской Америки Ломбардо Толедано, профессор Эфраин Уэрта — генеральный секретарь Комитета, советник профсоюза шахтеров Рафаэль Лопас Мако, профессора Гортари и Мансисидор, врач Карлос Нобле и другие выдающиеся борцы за мир, отдающие все свои силы этому прекрасному делу.

Активно сотрудничая со Всемирным Советом Мира, наш Комитет организует и проводит конференции, собрания, передачи по радио, издает свой журнал. Основные усилия мы направляем на то, чтобы значительно расширить ряды сторонников мира и увеличить радиус действия Комитета, создавая местные комитеты по всей территории Мексиканской республики, в городах и селах.

Самой крупной победой сторонников мира в нашей стране было, на мой взгляд, то, что нам удалось придать такую силу общественному сопротивлению политике войны, которая заставила правительство Мексики отказаться заключить военный пакт, предложенный правительством Соединенных Штатов. Известно, что США выдвинули вопрос о заключении военных пактов между всеми странами Латинской Америки и с каждой из них в отдельности. Путем политического и экономического давления госдепартаменту удалось добиться заключения таких пактов почти со всеми латиноамериканскими государствами, исключая Мексику и Гватемалу. В Мексике также начались было разговоры о необходимости заключения такого рода пакта, однако Комитет мира приложил все силы к тому, чтобы восстановить общественное мнение против пакта. Американский проект был разоблачен как чисто военное соглашение, противоречащее мирным традициям мексиканского народа, как очередная попытка подчинить мексиканское правительство приказам правительства США. Посылка Колумбией войск против корейского народа, который героически защищает свою национальную независимость, — убедительный пример того, что следует за подобными «оборонительными» соглашениями. Общественность Мексики протестовала против пакта до такой степени единодушно, что даже самые реакционные газеты вынуждены были присоединиться к этому протесту, и правительству пришлось «вежливо» отклонить домогательства Соединенных Штатов.

Мексиканский комитет мира, несмотря на множество — иногда довольно значительных — трудностей, принял участие во всех международных конференциях сторонников мира. Наши делегации были в Стокгольме, Варшаве, Пекине. На Конгресс в Пекин была послана делегация в составе 16 человек. Этой делегации из-за препятствий, чинимых правительством США, по-своему понимающим «демократию», пришлось совершить долгое путешествие. С точки зрения географии, ее путь кажется совершенно нелогичным.

Большое значение наш Комитет придает делу привлечения в ряды сторонников мира врачей, ибо их профессией является борьба против болезней и смерти — этих двух главных последствий войны. Сегодня мы можем сказать, что с нами все прогрессивные врачи страны. Совершенно очевидно, что Мексиканский комитет с энтузиазмом начал уже несколько месяцев назад работу по подготовке Конгресса народов. Я думаю, что никакие трудности не помешают нам послать в Вену большую и авторитетную делегацию.

Венский конгресс народов должен убедить мировое общественное мнение в том, что мир возможен, что война не является неизбежной, как об этом твердят газеты воинствующих стран. Мы ведем борьбу за самый прекрасный идеал человечества: за мир, без которого люди не могут жить, без которого все материальные и духовные ценности человечества могут оказаться разрушенными. Поэтому девизом Мексики является девиз многих других стран: «Мы добьемся мира, если будем за него бороться!»

Открытое письмо Пабло Пикассо

Это письмо написано в ответ на обращение молодого художника, живущего в истерзанной, но непокоренной Испании. Оно явилось одновременно ответом многим молодым представителям испанской интеллигенции, обращающимся к Пабло Пикассо как к знаменитому соотечественнику и борцу за великое дело мира.

Я получил ваше письмо. Из него я узнал о трудностях, которые стоят на пути художника, начинающего жизнь в искусстве. Я узнал и о вашем упорстве в преодолении этих трудностей и о ваших надеждах на лучшее будущее.

Для вас — молодого художника, — как и для всякого писателя или музыканта во франкистской Испании, материальные трудности и отсутствие свободы выражать чувства, порожденные нынешним положением нашего народа, многократно увеличивают трудности творчества.

Но сколь бы велики ни были помехи, они не остановят нашего дела. Испании нужен наш голос...

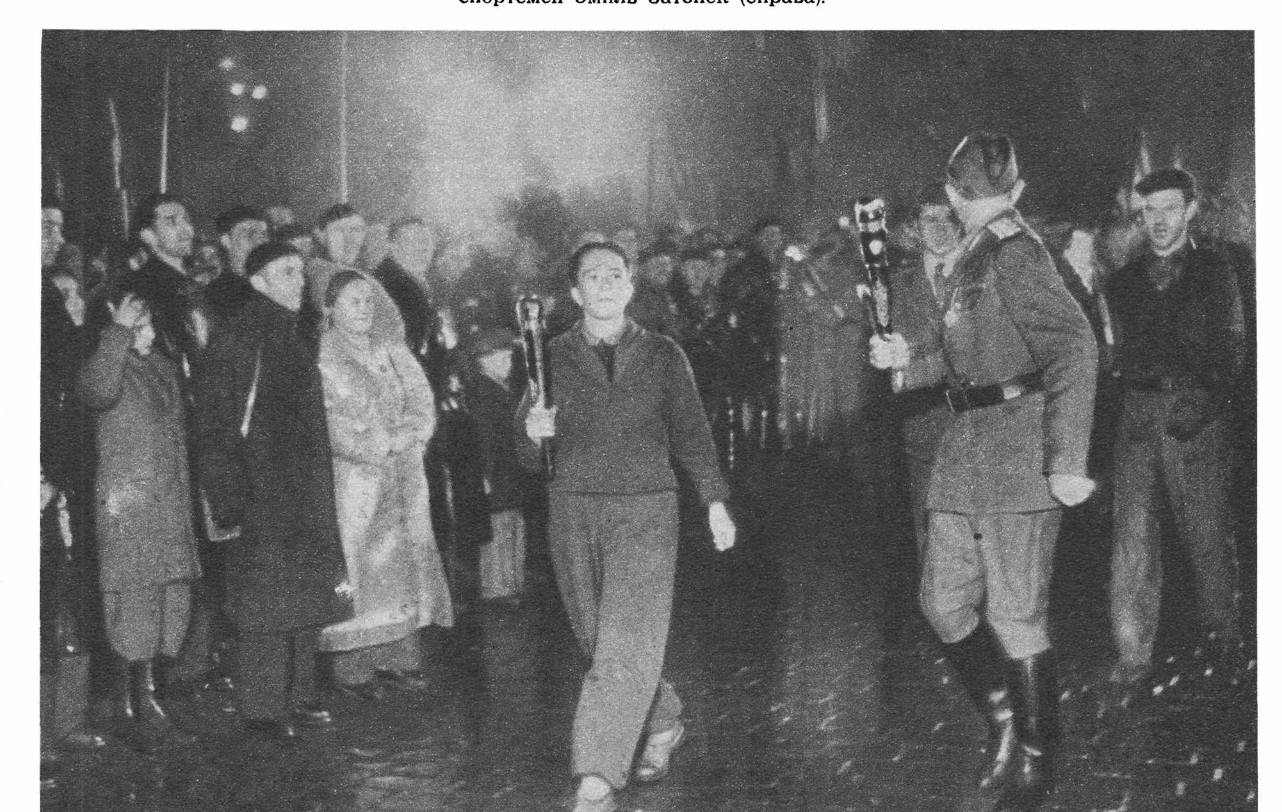
Надо глубоко познать сердце народа, для того чтобы выразить его чувства, показать его в борьбе, воспеть его героизм. Проблемы, которые встают перед молодым представителем интеллигенции, хорошо известны и молодому рабочему, умирающему с голоду, и молодому крестьянину, который трудится от зари до зари ради куска хлеба.

Но народ наш восторжествует. Есть на земле миллионы мужчин и женщин, которые защищают дело мира. Сейчас голубь мира уже берет перевес над вороном войны.

Ваше место, молодой художник, на стороне народа. Он защищает свободу и тем самым художественное и все культурное достояние Испании.

Нет более благородной цели для нового поколения интеллигенции, чем спасение Испании от фашизма и войны.

В ноябре трудящиеся Чехословакии провели Эстафету мира и дружбы с Советским Союзом. Старт был дан в Праге, откуда эстафета пошла по двум направлениям через всю страну, вплоть до границы с Советским Союзом. На фото: старт эстафеты на Староместской площади в Праге. Одним из первых эстафету несет знаменитый спортсмен Эмиль Затопек (справа).

НАД КАРТОЙ МОСКВЫ

М. В. ПОСОХИН,
заместитель начальника Архитектурно-планировочного управления города Москвы, член-корреспондент Академии архитектуры СССР

Неузнаваемой стала Москва за годы четырех сталинских пятилеток. В течение ближайшего десятилетия она изменится еще разительнее.

Горячими аплодисментами встретила Московская X областная партийная конференция слова товарища Н. С. Хрущева о том, что по указанию товарища Сталина принят генеральный план реконструкции Москвы на 1951—1960 годы. На XIX съезде партии председатель исполкома Моссовета товарищ М. Яснов рассказал об основных положениях плана.

Каждая графа, каждая строка плана увлекает своими масштабами и дерзанием. Вместе с тем план основан на точных расчетах, на непрерывно растущих индустриальных возможностях СССР, в нем учтен опыт советских градостроителей.

Сравним прошлое с настоящим, заглянем в ближайшее будущее.

До революции Москва «накопила» двенадцать миллионов квадратных метров жилья. Значительная часть его приходилась на деревянные домишки. О размахе жилищного строительства в советской Москве знает весь мир. Только в послевоенные годы тут введено в эксплуатацию свыше двух миллионов квадратных метров. Генеральный план предусматривает строительство десяти миллионов квадратных метров. Мы уже близки к тому, чтобы ежесуточно столица в среднем получала стоквартирный дом со всеми удобствами.

До войны в Москве сооружались главным образом пяти — шестиэтажные дома. По плану предполагается строить на магистралях восьми — четырнадцатиэтажные здания, в первых этажах которых разместятся магазины, кафе, рестораны, кинотеатры и т. д. Чтобы успешно реализовать такую невиданную в мировой практике программу, необходимо индустриализировать строительство, превратить строительные площадки в монтажные. С этой целью в Москве и под Москвой возводятся и частично уже введены в строй десятки заводов железобетонных изделий, керамической облицовки, карбонизированных блоков, минеральной ваты и т. д.

Вереницы автомашин проносятся по глади столичных магистралей. Москва — город с самым оживленным в Европе уличным движением. В ближайшие годы оно станет еще более оживленным. Генеральный план предусматривает удвоение троллейбусного и автобусного парка, увеличение числа легковых таксомоторов в два с половиной раза. Характерное сопоставление: в Париже за истекшие три года количество автобусов сократилось на одну треть.

Уже в начале будущего года откроются две последние станции Большого кольца метро — «Киевская» и «Краснопресненская»,— после чего двадцатикилометровое кольцо замкнется. Сооружаются новые вестибюли «Арбатской», «Смоленской», «Киевской-радиальной». Впереди строительство новых линий.

Генеральный план реконструкции Москвы определяет дальнейший расцвет города.

Значительно возрастут энергетические ресурсы и водный баланс столицы. С окончанием строительства Куйбышевской ГЭС и линии электропередачи Куйбышев — Москва применение электричества в быту москвичей расширится неизмеримо. Потребление воды на душу населения (оно и сейчас несравненно выше, чем в главных городах капиталистического мира) заметно превзойдет нынешние нормы.

Уже сейчас газ подается в 350 тысяч квартир. 88 процентов москвичей пользуются дешевым топливом. Скоро газификация станет сплошной. Ни один большой город Западной Европы не может даже мечтать об этом.

Четыреста школ соорудят в Москве за 1951—1960 годы. Не менее трех школ каждый месяц!

Построить больницы на 26 тысяч коек — так намечает генеральный план. 26 тысяч коек — это многочисленные, прекрасно оснащенные лечебные корпуса, часть которых построят за городом, ближе к сосновым лесам. Впервые начинается сооружение восьми — десятиэтажных больниц, где отделения располагаются не по горизонтали, как раньше, а по вертикали — одно над другим. Первую такую больницу мы увидим на шоссе Энтузиастов, в тенистом саду.

Нельзя при этом не вспомнить сообщение одной американской газеты о владельце крупной нью-йоркской больницы. Сей торгаш от медицины так рекламировал свое заведение: «Тот, кто не может уплатить трех тысяч долларов за операцию, пусть не обращается в мою клинику...»

Сталинский генеральный план реконструкции Москвы — еще одно яркое проявление заботы партии о советских людях. Решено построить много специальных зданий для детских садов и яслей. Детские учреждения предусмотрены в проектах крупных жилых домов.

В столице появятся новые кинотеатры, их залы вместят 25 тысяч зрителей. Вступят в строй гостиницы на 4 тысячи номеров. За этими цифрами скрываются десятки таких кинотеатров, как «Родина» или «Ударник», и, по крайней мере, пять таких гостиниц, как «Москва».

Когда смотришь на карту столицы и мысленно представляешь ее в недалеком будущем, тебя охватывает чувство большой радости.

...Мы попадаем в Москву со стороны Ленинграда. На горизонте возникают очертания белокаменных великанов — высотных зданий. Вдоль Ленинградского шоссе протянулись ряды фруктовых деревьев. Вот площадь Развилки, где расходятся дороги на Москву и Тушино. На ней высятся монументальные общественные сооружения, многоэтажные здания научных институтов и союзных учреждений.

Едем дальше, минуя новое здание Московской областной партийной школы, закрытый плавательный бассейн «Динамо», равного которому по размерам нет в Европе, заново отстроенный ипподром...

Улица Горького — парадная магистраль столицы. Позади остались полностью реконструированные площади — Белорусского вокзала, Маяковского, Пушкина и Советская. Четыре памятника выдающимся сынам русского народа стоят на них — памятники Максиму Горькому, Владимиру Маяковскому, Александру Пушкину, Юрию Долгорукому. Позади остался огромный жилой дом, занявший весь участок от Центрального телеграфа до гостиницы «Националь». Перед нами древнее, но вечно молодое творение русского зодчества — Кремль. Рядом с ним тридцатишестиэтажное административное здание в Зарядье. Сияет на солнце государственная эмблема СССР, установленная на высоте 275 метров.

Ленинградское шоссе, улица Горького — это не исключение. Десятки улиц, площадей, набережных в течение 1951—1960 годов должны быть коренным образом реконструированы.

До сих пор речь шла о старых улицах. В Москве появятся и новые магистрали, названия которых еще не внесены в официальные справочники.

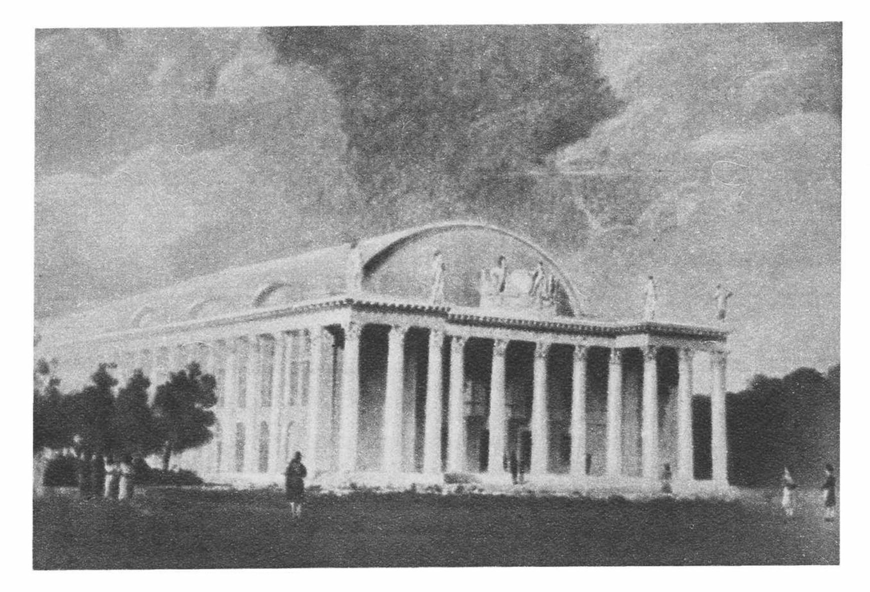
Автострада Москва — Симферополь на подходах к столице вольется в создаваемую ныне единую магистраль «Север — Юг». Эта трасса пролегает через Варшавское шоссе, Люсиновскую улицу, Добрынинскую площадь и Большую Ордынку, которую намечено расширить.

От площади Ногина к автозаводу имени Сталина протянется магистраль «Солянка — ЗИС». От площади Дзержинского по направлению к Комсомольской площади — Ново-Кировский проспект. Две магистрали пройдут от нового здания университета на Ленинских горах к площади, где в будущем поднимется к небу грандиозный Дворец Советов.

В Москве рождаются не только новые улицы, но и целые районы. Генеральный план уделяет большое внимание юго-западным территориям столицы, в центре которых на Ленинских горах здание университета имени М. В. Ломоносова. В течение ближайших лет на юго-западе столицы построят до двух миллионов квадратных метров жилой площади.

На юго-западе уже заложены первые здания. Тут быстрыми темпами возводят шестисотквартирный дом для преподавателей и сотрудников МГУ. По соседству растут этажи средней школы. В 1953 году начнется строительство двух самых вместительных в столице жилых зданий. В каждом из них пятьдесят тысяч квадратных метров жилой площади, свыше тысячи квартир. Все дома юго-запада будут иметь просторные озелененные дворы.

Волею Коммунистической партии преображается Москва. Черты ее будущего отчетливо вырисовываются в десятилетнем генеральном плане реконструкции столицы. И мы имеем возможность сегодня представить себе светлое завтра города — знаменосца советской эпохи.

Проект водного бассейна на стадионе «Динамо».

Шестисотквартирный дом, который будет выстроен на Ленинских горах.

У КОВРОВСКИХ КОНСТРУКТОРОВ

Вас. ФЕДОРОВ

Ковровский экскаватор — не шагающая махина. Но мал, да удал, говорят о нем всюду.

Фото Б. Вдовенко

По окнам вагона хлестал крупный дождь. Время от времени в темноте вспыхивали молнии и с треском раскраивали крепкую ночь. Раскатистый гром будил даже пассажиров дальнего следования, а те, кому нужно было выходить на ближних станциях, тянулись к окнам. Не спал и Анатолий Петрович Никитин, главный конструктор Ковровского экскаваторного завода.

До Коврова было уже недалеко. Необычайный дождь и гроза, бушевавшие за окном, вызвали на его немолодом сухощавом лице скупую улыбку. В вагоне было тепло, и Никитину верилось, что за вагоном действительно лето, а не холодный октябрь. Когда у человека с математически точным воображением, какое бывает у конструкторов, появляется такое чувство, значит, на это есть особенные причины.

Несколько дней назад он и главный технолог Рогов были вызваны в министерство для разговора об улучшении некоторых узлов экскаватора «Э-505», проектированием и внедрением которого они занимались. Ковровский экскаватор — не шагающая махина, затмившая своих скромных собратьев. Но мал, да удал, говорят о нем всюду. Недаром его творцы получили Сталинскую премию. А появился он во всех концах Советского Союза: на строительстве городов, на прокладке дорог, на разработке карьеров, на всех великих стройках — от Днепра до Ангары. Ковровскую машину хорошо приняли на стройках Китая, Румынии, короче — во всех демократических странах.

У каждой стройки были свои требования к экскаватору. Одни требовали одно, другие другое, поэтому завод ни на один день не переставал заниматься модернизацией машины. Пока программа была сравнительно небольшой, конструктивные изменения не встречали возражений. Но теперь, когда увеличилась программа, дело усложнялось. Правда, главный технолог Рогов не возражал против улучшений, но он приходил в ужас от новых затрат.

— Надо думать о модернизации узлов в этом году,— сказал заместитель министра.— Спрос на ваши машины растет. Программа будет увеличиваться. Освоение новых узлов затягивать нельзя.

Тут же решили, что делать в первую очередь, что во вторую. Никитин хотел повести речь о новой электромагнитной муфте, но, посмотрев на погрустневшее лицо Рогова, промолчал.

Умолчал он о ней не случайно. Новая муфта Анатолию Петровичу нравилась. Она увеличит долговечность машины в два раза. Но был у нее один недостаток, который мог оказаться для нее роковым. Она требовала дополнительного расхода цветного металла. Надо сначала доказать всем, что она очень уж необходима, а потом ставить вопрос о ее внедрении. Да, главному конструктору надо уметь защищать свои идеи. Об этом-то он и думал теперь, подъезжая к Коврову.

...Когда, Никитин пришел в отдел, почти все были уже на своих местах.

Всем хотелось узнать, с чем вернулся из Москвы их руководитель. И в его кабинет один за другим следом стали входить конструкторы.

— Ну, как, будем вводить новые узлы или нет?

— Будем, будем! — ответил Никитин.

Улучшение экскаватора «Э-505» — это еще не все, что беспокоило Анатолия Петровича. В соседней комнате работала группа проектировщиков. Созданная при поддержке директора завода Гречина, эта группа разрабатывала экскаватор нового типа, берущего энергию от индивидуального электропривода. Он будет иметь свою маленькую электростанцию, три мотора, приводящие в движение все механизмы.

Машина еще не создана, а проектировщики этой группы к старому экскаватору уже относятся свысока. Большинство из них, в том числе и руководитель Вадим Панюхин, закончили институты совсем недавно, во всем у них много студенческого задора. Панюхин работал в отделе всего два года, но за это время успел выказать недюжинные способности. Скромный, выдержанный, беспощадный в суждениях, он более всех подходил для руководства работой проектировщиков.

— Ну как, Вадим Иванович? — спросил Никитин.

— Ничего. Закончили электросхему, написал технические условия, а сейчас вот бьюсь над расстановкой моторов. Два встали хорошо, а третий не укладывается. Поставил пока вертикально, не знаю...— и Панюхин повернул голову в сторону чертежа.

Чертежная доска была сильно наклонена. На ватмане отчетливо вырисовывался корпус и лебединая шея электрического экскаватора. Никитин долго всматривался в платформу, представляя ее сделанной. Мотор поворотного механизма стоял неудобно.

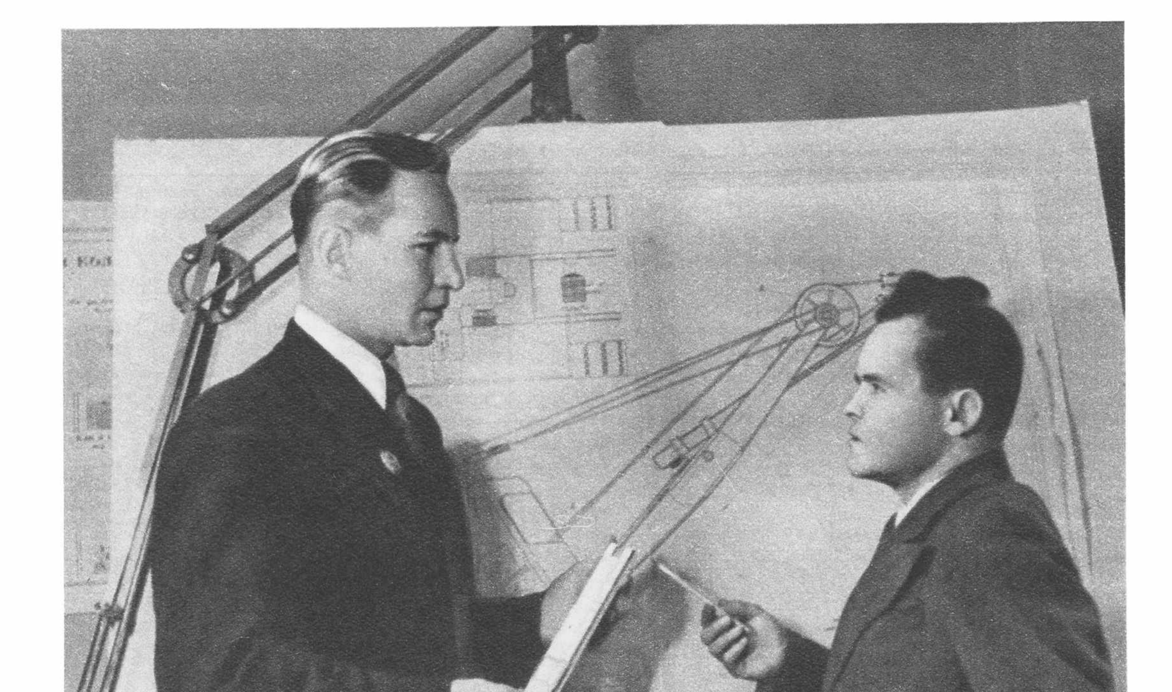
— Так, так, так... А почему бы не поставить его между балками поворотной рамы? Не будет мешать...

— Мешать-то не будет,— согласился Панюхин,— да к редуктору потом не подойдешь. Надо будет сначала снимать редуктор главной лебедки, а уж потом...

— Ну и что же?! Это будет редко.

Определив для мотора место, Анатолий Петрович решил познакомиться с техническими условиями новой машины, написанными молодым конструктором. Заглянул в таблицу экономических показателей. Будущий экскаватор сравнивался с нынешним. Стоимость каждого кубометра выемки грунта у электроэкскаватора была на десять копеек дешевле. «Для начала это хорошо!» — подумал Никитин и вернулся к тексту.

Технические условия вызвали у главного конструктора противоречивые чувства. Радуясь новой машине, он вдруг почувствовал отеческую жалость к нынешней, на которую привык смотреть как на гордость не только завода, но и свою собственную. А Панюхин с юноше-

Анатолий Петрович быстро определил место для третьего мотора, и Вадим Панюхин с ним согласился.

ской беспощадностью по косточкам перебирал все ее недостатки. Панюхинская логика перечеркивала почти все, чем многие годы жил он и весь завод. «Понимает ли он это?» — подумал Никитин, взглянув на Вадима. Лицо Панюхина было серьезно, серые глаза смотрели упорно. Дальше в записке говорилось, что дальнейшие перспективы работы конструкторов и рационализаторов на старой машине почти исчерпаны. Никитин возразил:

— Тут, Вадим Иванович, ты переборщил. Ну, сам посуди: машина все время обновляется, в цехах идет улучшение технологии. Расход металла на единицу сокращен почти на пять тонн. В сорок восьмом году на машину затрачивалось более одиннадцати тысяч часов, теперь же три тысячи с половиной. Взять хотя бы рационализацию технолога Кочеткова и бригадира Шумова. Полмиллиона рублей экономии в год! А ты говоришь...

— Может быть, и переборщил,— согласился Панюхин.

Анатолий Петрович вспомнил, что надо посмотреть в работе сконструированную отделом машину для центробежного литья, осваивать которую директор послал Павла Шумова.

— Ты это место смягчи,— посоветовал Никитин перед уходом.

— Буду отдавать на машинку,— поправлю,— ответил Панюхин чуть-чуть смущенно.

* * *

В последние годы завод не расширялся, а его производительность значительно выросла. Оказалось, что можно расти и на ограниченной территории.

«Центробежка», как ее называют рабочие, была поставлена в сталелитейном цехе. Во время обеденного перерыва сюда приходили, как на веселое представление. Анатолий Петрович протиснулся к барьеру и тоже стал смотреть. Оригинальный агрегат походил на огромный цветок. Занимал он только угол цеха.

Десять металлических форм, круглых и продолговатых, были поставлены на поворотный круг звездообразно. Из сердцевины, образованной ими, поднималось десять электроламп, напоминающих тычинки огромного цветка, а формы были его лепестками. Когда во вращающуюся форму заливался горячий металл и образовывал цилиндр нужной толщины, одна из тычинок вспыхивала ярким светом. Тем временем огненный цветок начинал поворачиваться. Красиво и экономно. Десять форм, поставленных отдельно, заняли бы в десять раз большее место.

Павел Шумов стоял около стального ковша, из днища которого вырывался жидкий металл и освещал его разгоряченное лицо. Временами казалось, что от этого нестерпимого света вспыхнет его пшеничный чуб, выбившийся из-под фуражки, но он не вспыхивал. Шумов держал в руке коробочку с контактами и наблюдал то за вспышками тычинок, то за выемкой готовых деталей. Видимо, он чувствовал, что весь этот тяжелый цветок он держит в своей пятерне.

Но вот стальной ковш отделился от машины, стал уплывать в другой конец цеха, и необычайный цветок как-то сразу поблек. Анатолий Петрович подошел к разгоряченному Шумову, стиравшему с лица выступивший пот.

Ему хотелось узнать его мнение о центробежной машине.

— Что машина! Машина хорошая! — При этом откровенные глаза бригадира говорили: «Сейчас я буду говорить о ней неприятные вещи и, может быть, ты будешь за это сердиться. Но я все-таки скажу».— Машина-то ничего... Но ведь сам видел: детали из гнезда вынимаются плохо. Неужели нельзя было придумать? Паром, что ли, их оттуда выколачивать или как... Еще думать надо! — сказал Шумов недовольно, от чего Никитину стало немного не по себе. После шумовской критики красота «центробежки» с ее «лепестками» и «тычинками» не вызывала уже такой гордости.

— Сделаем и это! — сказал на прощанье Никитин, приняв решение дать срочное задание одному из конструкторов.

На дворе было попрежнему сыро. Дождь перестал. Старательный уборщик-ветер заметал в темный угол неба мелкие грязноватые тучки. Очистив солнце, ветер начал возиться в другом темном краю неба — за Клязьмой, и оттуда на чистое небо выплывало белое-белое облачко...

Около сборочного широким полукругом стояли экскаваторы. Издали казалось, что, вытянув длинные шеи и сойдясь головами, они разговаривали о том, куда их направят — на великие стройки или в какие-нибудь маленькие карьеры. Из цеха начал выходить их только что «обутый» и «одетый» товарищ. Сначала показался приподнятый ковш, потом выступили тяжелые гусеницы, которые осторожно ощупывали сырую землю, словно хотели увериться в ее твердости, после чего заиграла на солнце нарядная кабина. Войдя в широкий круг, он поворачивался и делал поклоны то одному экскаватору, то другому.

Зная, что на одной из этих машин поставлена новая электромагнитная муфта, Никитин направился в их сторону. Ему уже звонили, что опробованная муфта работает хорошо, просили зайти и посмотреть. Не дойдя до сборочного, он встретил главного технолога Рогова. После разговора у заместителя министра они еще не виделись.

Поздоровавшись, Никитин спросил:

— Ты что задержался в Москве?..

— Спрашиваешь?! Ты добился своего — и домой, а мне все эти новые узлы делать надо. Выпросил у заместителя министра два специальных станка. Пообещал дать. Вот иду приглядывать для них место...

Они вошли в механический цех, и Рогов начал рассказывать, как ему удалось убедить, что станки нужны заводу вот так, позарез.

Поддакивая Рогову, Никитин думал: «Он нынче в настроении. Хорошо бы вот теперь же показать ему в работе новую муфту».

Механический цех всегда считался одним из лучших цехов завода. Высокий, светлый, просторный, он был построен и оборудован совсем недавно. В группе тяжелых станков обрабатывались самые громоздкие части экскаватора. На столе одного из них стояла цельнолитая ходовая рама, еще недавно бывшая составной. Рогов гордился, что новую конструкцию, сберегавшую триста килограммов ценного проката, предложил технолог.

Тем временем из глубины цеха выкатился мостовой кран. Неподалеку от них он выпустил длинную гремящую цепь, рабочий закрепил ею ходовую раму, и через минуту, поднятая на высоту, она поплыла в сторону сборочного цеха. Никитин пригласил главного технолога посмотреть на работу новой муфты.

Опытная машина стояла в стороне, у стены каменного корпуса. Машинист, производивший испытания, вертел ее в разные стороны, стараясь как можно резче опустить и поднять ковш. Когда экскаватор успокоился, Никитин подошел к машинисту и спросил:

— Хорошо поворачивается?

Машинист высунулся из окна кабины и улыбнулся.

— Хоть в Москву — постовым милиционером! Повороты быстрые, плавные... Ну просто балерина...

Все трое засмеялись. Машинист для примера в одно мгновение проделал весь рабочий цикл. Никитин довольно поглядывал на Рогова.

— Хороша муфта! Честное слово, хороша! Никакой перегрузки, никакого ухода, а чистота? Нет, ты загляни,— тащил он Рогова к муфте!..

Главный технолог старательно осматривал машину, стараясь найти какой-нибудь недостаток, но не нашел и сказал:

— А цветной металл? Шутка ли — пятьдесят килограммов. Э-э, батенька, эта муфта нас подрежет.

Никитин перешел в атаку:

— А долговечность? Неужели ты не соглашаешься на такой расход, зная, что проработаешь на ней лишний год?

Они заспорили. Один наступал, другой защищался. Не заметили, как начали резко размахивать руками. Машинист пошутил:

— Для уменьшения резкости вам обоим нужна эта муфта...

Шутка понравилась. Посмеявшись, Никитин спросил уже спокойно:

— Скажи честно, муфта хороша?

— Хороша, хороша! — ответил Рогов примирительно.

— Вот и все. Пока мне от тебя ничего не надо.

Никитин и Рогов распрощались с машинистом и пошли к проходным воротам. Машинист проводил их веселым взглядом и включил мотор.

* * *

С давних времен судьба Никитиных была связана с этим заводом. Когда Анатолий Петрович полуграмотным парнем пришел сюда, за плечами отца был уже сорокалетний производственный стаж. Это было в 1923 году.

Завод долго сохранял старое название — железнодорожных ремонтных мастерских. После гражданской войны здесь, кроме паровозов, появились старые путиловские экскаваторы, изготовленные еще до первой мировой войны. Анатолий Петрович до сих пор помнит эти громоздкие, неуклюжие машины. Он тогда был чернорабочим, и ему часто приходилось возиться с их тяжелыми деталями. В двадцать шестом году Никитин уехал учиться на рабфак, а из рабфака перешел в институт. Несколько лет спустя, вернувшись в Ковров, он узнал, что решили делать экскаватор, очень похожий на путиловский.

«Ковровец № 1» был первым советским экскаватором. Вначале завод делал лишь четыре машины в месяц. В то же время конструкторский отдел завода приступил к проектированию нового экскаватора, «ППГ-1,5» — парового, полноповоротного, гусеничного. Первый такой экскаватор был отправлен в Москву на строительство стадиона «Динамо». Привезенный в Москву и собранный в трех километрах от стадиона, он прошел это расстояние, как проходят от стола до печки годовалые дети.

Каждая новая машина, созданная ковровцами, становилась все совершенней и совершенней. И во-время! Начиналась эпоха великих строек.

Обойдя цехи и вернувшись в свой кабинет, Анатолий Петрович дал задание одному из конструкторов заняться «центробежкой», после чего попросил папку накопившихся писем и углубился в чтение. Писем было много. Писали отовсюду: с Волги, с Днепра, с Ангары... Машинист уральского карьера просит усилить стрелу, а вот машинист с Куйбышевской ГЭС требует: «Увеличьте ковш. Стыдно перед «шагающим». На первом письме сделал пометку: «Стрела усилена», второе отложил в сторону: новый ковш сделан, но как следует еще не испытан. «Всем нужно разное, а разве всем угодишь?» — подумал Никитин, берясь за третье письмо. Писал машинист из иркутской тайги. Машина прошла по тайге сто пятьдесят километров и с ходу приступила к работе. «Вертится, как змея!» — прочел Анатолий Петрович. Одного сравнения машинисту показалось мало. «Работает, как часики!» — добавил он двумя строчками ниже.

За чтением у Никитина возникла мысль поговорить с машинистами великих строек о новой машине. Никитин попросил позвать к себе Вадима Панюхина.

Молодой конструктор, видимо, думал, что Анатолий Петрович продолжит с ним прежний разговор, поэтому прихватил с собой и тетрадку с техническими условиями. Хмуря русые брови, он решил предупредить, что сделал маленькую поправку, менять которую уже не будет. Заговорил тихо, глуховато:

— Я тут ввел слово «почти», будет так: «Возможности рационализации почти исчерпаны, а возможности конструкторов «сужены».

Никитин засмеялся:

— Не об этом сейчас речь, Вадим Иванович. Садись, слушай. Надо посоветоваться со строителями, как они — примут нашу новую машину или нет.

— Они же ее еще не видели! — сказал Панюхин с недоумением.

— А мы пошлем им то, что ты написал. Они ее увидят: народ грамотный, с воображением. Для нас с тобой она уже существует, пусть существует и для них.— Говоря это, Никитин наблюдал за лицом Панюхина. Сдвинутые брови вдруг разошлись, глаза вспыхнули, на полных губах заиграла улыбка. «Какой он еще молодой!» — с завистью подумал главный конструктор.

А Панюхин встал и сказал:

— Это я сейчас...

За песцами

Вл. СОЛОУХИН

Фото Галины Санько

В 1948 году весна на берега Карского моря пришла рано. Уже в первых числах июня начали таять снега. Тундра, огромная, безмолвная, горела на солнце нестерпимо для глаз. Торосы на море кидали длинные густосиние тени. Когда солнце подходило почти к самому горизонту, тени становились зелеными, как соленые льды полярных морей, как вода, притаившаяся под торосами. Недолго осталось ей дремать. Скоро поднатужится и переломает льды. Покатятся на пустынные берега тяжелые валы прибоя, рассыпавшись от Архангельска до Чукотки.

Медленно, но верно шла весна к берегам моря. Шли теплые ветры, шли оленьи стада, продвигаясь из лесов все ближе и ближе к побережью. В это же время возвращался после долгой отлучки в амдерминскую тундру, в колхоз «Красный Октябрь», ненецкий парень Алеша Хатанзейский.

☆ ☆ ☆

Пожалуй, если не побывать в родных местах несколько лет, ветер особенно жжет лицо, а солнце особенно слепит глаза. Иначе не пришлось бы Алеше смахивать слезы так часто. Надо подождать подходить к чумам, а то подумают еще, что он плачет. Пусть глаза привыкнут.

Но чем ближе подходил Алексей к становищу, тем упорнее не хотели привыкать его глаза. Он присел на невысокой сопке и закурил папиросу.

Из глубины тундры мчалась к чумам упряжка. Запряженные веером лайки дышали тяжело, на ходу хватали снег. Видимо, издалека. Человек, сидевший в нартах, не был знаком Алексею. И был он русским, в малице, пимах, подпоясан ненецким поясом с медными бляхами, с болтающимся охотничьим ножом в ножнах из моржовой кости.

— Зачем сидишь? — окликнул Алешу русский. — Устал — подвезу.

— Теперь близко, везти не надо.

— Ну, тогда давай курить вместе. Моя фамилия — Кожевин, охоту в ваших местах налаживаю.

Ему, видимо, понравился крепкий парень Алеша Хатанзейский, и уже, видимо, мелькнула в голове у Кожевина своя мысль, потому что дальше он говорил так: «Да ведь и то сказать, как не охотиться, когда старик Батманов прямо к себе в избушку пять песцов загнал. Как собак, честное слово! Как-то раз самолет приземлился, так песцы с летчиком игру затеяли. Пилот не растерялся, палкой одного убил. Шутя деньги заработал».

Кожевин бросил окурок и втоптал его в хрустнувший наст.

— Да, песца сей год было хоть отбавляй. А вот охотников хороших мало.

При этих словах Кожевин посмотрел на Алешу вопросительно, но тот невозмутимо докуривал папиросу.

— Анна Вылка, может, знаешь такую, всю войну промышляла. Да как еще промышляла, даром что молодая девушка! А еще вот что послушай...

Кожевин страстно любил охоту, умел о ней рассказать, и поэтому вскоре Алеша дал твердое слово с будущего сезона уйти промышлять песца.

— Значит, будем считать, — сказал Кожевин, поднимаясь, — в нашем полку прибыло. Потом зайдешь, насчет участка обмозгуем...

☆ ☆ ☆

Этой же весной тронулся с места лемминг — тундровая мышь, несколько крупнее обычной, рыжеватая и почти без хвоста. Зачем ей хвост? Все равно отмерзнет.

Началось с того, что становище покинули все собаки. Почуяв лемминга, они устремились к нему навстречу. Они могли бы и не делать этого. Маршрут миграции проходил, видимо, прямо через становище. Вскоре негде стало поставить ноги. Воздух наполнился характерным тявканьем тундровой мыши.

Мышей грызли кошки, рвали собаки, а они все шли и шли сплошной массой, и казалось, не будет им ни конца, ни краю.

Около чума Хатанзейского собрались охотники: братья Ванукады, Петр и Никита, братья Тайбореи, Пегасий Хатанзейский, Худя, Валеев, Седый, опытнейший охотник Серафим Хозяинов. Собрались те, о ком далеко за пределами тундры говорят: карские охотники. Нет им равных в Ненецком округе.

Теперь к ним пришла беда — уходил лемминг. В самом переселении лемминга не было бы ничего страшного — пусть себе идет, куда нравится. Беда в том, что это основная пища песца. Уйдет лемминг, уйдет за ним и песец. Охотники бессильны остановить переселение, так же как

Охотник Петр Ванукан учит братишку Илью правильно ставить капкан.

Быть зверю воротником! На снимке: лучший охотник Алексей Хатанзейский.

Есть кому перенять опыт лучшего охотника! На снимке: Алексей Хатанзейский с сынишкой Мишей.

бессильны остановить или повернуть ветер.

— Я так полагаю,— заговорил Хозяинов,— весь песец за мышью не уйдет. А тот, что останется, впроголодь жить будет. Тогда его на приваду брать в самый раз. Нужно рыбы летом наквасить, да побольше. Мы его не мытьем, так катаньем!

Ненцы, хоть и не поняли пословицы, согласно закивали головами: так, так, верно, рыбу квасить...

☆ ☆ ☆

Немудреная вещь придумана человеком — капкан. Немудреная, да железная.

Тихо в тундре. Полярная ночь знаменита великим безмолвием. Почти в самом зените горит синей льдинкой Полярная звезда. Лунным светом мерцают утрамбованные ветрами снега. От мертвенного света луны жутко в тундре непривычному человеку. Жутко и торжественно. Зато раздолье зверю. Свободно бежит он от холмика к холмику. Такая уж у него повадка — двигаться по ориентирам. Белая шубка песца под луной кажется то голубой, то зеленоватой. Вот он привстал, грациозно приподняв переднюю лапку. Его голодное обоняние раздражает резкий вкусный запах.

Придется сделать крюк, свернуть с дороги. И когда лакомый кусок уже близко — нужно только раскопать снег,— происходит непонятное. Снег летит кверху, лязгает железо, страшная боль пронизывает лапу. Быть зверю воротником!

Заботливый охотник придет на другой же день. Ударит по черной пуговке носа деревянной лопаточкой, бросит тушку на нарты.

Незаботливый найдет в капкане или только лапку, отгрызанную самим же песцом, или одни косточки. Собратья ли песца опередили охотника, волки ли,— безмолвная полярная ночь хранит тайну маленькой трагедии.

☆ ☆ ☆

В первый год промысла не везло Алексею Хатанзейскому. Участок он выбрал не около моря, как все, а километрах в семидесяти от побережья. Расчет, казалось бы, правильный. Бывают годы, когда песец идет по берегу, бывают годы — по тундре. И в том и в другом случае он должен захватить участок Алеши. Первый сезон не оправдал этих расчетов. Кроме того мешали ветры. То они нанесут над капканом гору снега, то выдуют его и обнажат капкан. Добыл Алеша в ту зиму двадцать песцов. Что и говорить, мало. Но он был упрям. Участок свой бросать не хотел, неудачи объяснял своей неопытностью. Никто бы не сказал тогда, что станет он лучшим из карских охотников.

Оказалось, очень легко бороться с ветром. Для этого достаточно простого... пульверизатора.

Забросает охотник капкан снегом и спрыснет сверху водой. Образуется легкая корочка. Снег на ней не задерживается, скользит, а из-под нее не выдует ни снежинки. И, самое главное, за эти годы Алексей не научился, нет, почувствовал, где нужно ставить капканы. Два бугорка, казалось бы, одинаковы. Но посмотрит Алексей — и решит: не у того, у этого бугорка пройдет песец. «Душу песца понял»,— стали говорить про него охотники.

☆ ☆ ☆

Перед началом сезона охотников собрал председатель колхоза Иван Петрович Попов. Разговор предстоял короткий. Нужно было принимать социалистические обязательства.

— Ну, кто сколько?

Охотники долго и сосредоточенно думали, наконец начали называть цифры. Называли они не проценты, а число шкурок. Там сами, мол, разберетесь, сколько будет процентов.

Очередь дошла до Алексея, и он, глядя в сторону, обронил: 120.

Председатель поднял от блокнота глаза:

— Процентов?

— Зачем процентов? Песцов.

Иван Петрович против фамилии Хатанзейского поставил две цифры: 120 и в скобках 600 процентов.

Вскоре разъехались охотники. Братья Вануканы — на озеро Тохораты, Тайбореи ушли к реке Сапче, Алексей — на свою Заячью сопку. Течет по его участку речка Пороша. Прокопала она в земле узкую глубокую щель. Оттого на льду реки всегда лежит не тронутый ветрами пушистый снежок. Звериных следов по нему видимо-невидимо. Тут и зайцы набегали, и куропатки наследили, и дикий олень прошел. Возможно, ходила тут и черно-серебристая, но та хитра.

Особенно запомнился Алексею один объезд. Рыжий Пират, огненной масти Волна, Пуля да Жук — вот его транспорт. Собаки бежали весело — будет удача. Мороз стоял такой, что, кажется, ударь по воздуху — и зазвенит, как стекло, разлетится вдребезги. От самого горизонта до Полярной звезды размашисто змеилась по небу широкая лента северного сияния. По этой ленте сверху вниз начинали вдруг бежать цвета: красный, зеленый, желтый, фиолетовый. Потом лента распадалась на веерообразные пучки лучей, которые тоже не оставались неподвижными. Исчезая в одном месте, они вспыхивали в другом. Снега тускло мерцали, повторяя живую игру сияния. Вскоре природа порадовала Алексея еще одним зрелищем. Из-за горизонта ударил в небо широкий золотой прожектор. Правда, он погас, но это значило, что скоро солнце уже покажет свой краешек, веселее жить будет.

Из первого же капкана Алексей вынул песца. Ость чистая, длинная, наверняка первый сорт. Подъехал ко второму. Опять песец, да еще лучше первого. Не осмотрел Алексей и половины участка, пришлось возвратиться к чуму: шесть песцов лежало на нартах. А всего было двенадцать. Считай, из каждого второго капкана песец. Разве плохая добыча?

☆ ☆ ☆

Приятно возвращаться в колхоз с богатой добычей.

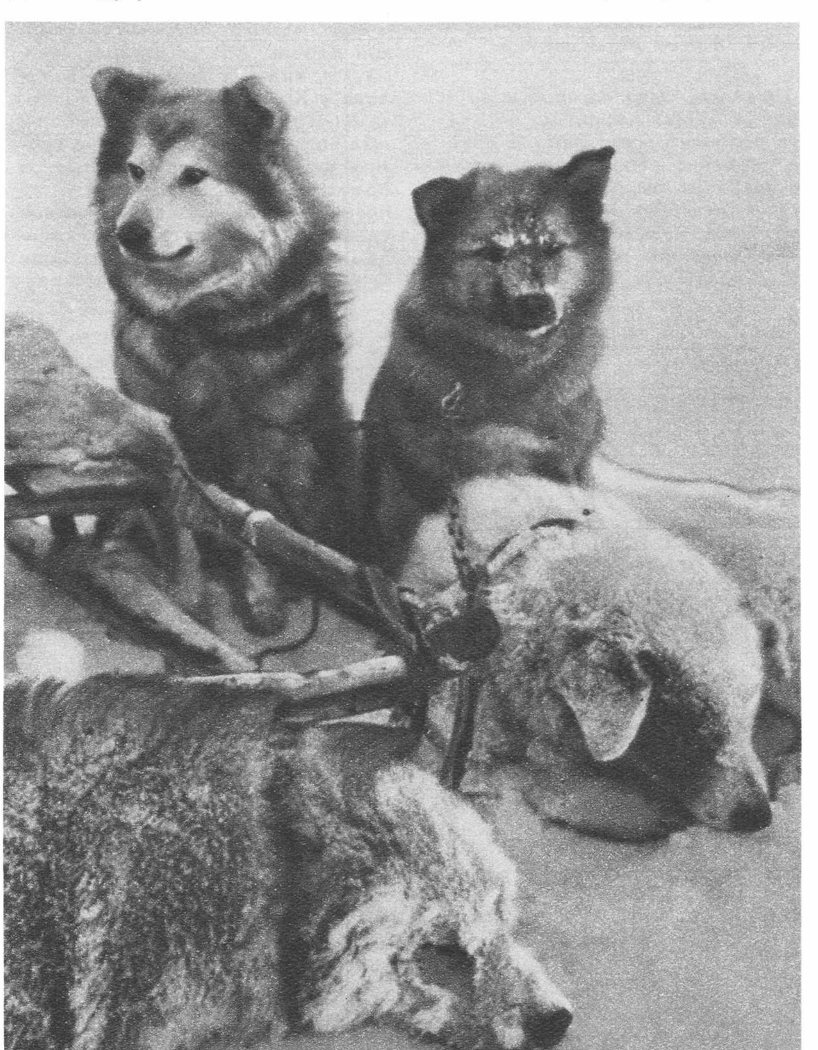
— А-эй, Пират! А-эй, Волна! С сопки в ложбинку, от речки до озера! А-эй!

Алексей хорошо знал, в какой стороне колхоз. Все же время от времени он вынимал из-за пазухи привезенный из армии компас. Глядя на компас, он поворачивал его туда и сюда. Жена заглядывала к нему через плечо и видела, как за стеклом дрожит какая-то железка.

«Может быть, она приносит мужу удачу?»

Колхоз «Красный Октябрь».
Ненецкий национальный округ.

Пока охотник осматривает капкан, собаки могут отдохнуть.

В. С. Климашин.

Поэт и общественный деятель Индии Хариндранат Чаттопадхайя.

В. С. Климашин. На дороге Бомбей — Дели.

— Большое ты дело затеяла, Нина Егоровна,— обращается к Нине Амельченковой браковщица Е. А. Васильева (справа).

Фото Б. Вдовенко

ПЕРВЫЙ СОРТ

Мягкие лучи ламп дневного света освещают пушистую ткань, всю испещренную разноцветными полосами, клетками. Оранжевые, голубовато-серые, темнокоричневые, красноватые — какие только тона не мелькают перед глазами браковщицы Е. А. Васильевой, пока готовые платки один за другим ползут перед ней по валикам! Елена Александровна проверяет плотность ткани, ловко перекидывая метр из руки в руку, измеряет длину и ширину каждого платка. Нет, придраться не к чему: сегодня, как и вчера, стандарт не нарушен, вся продукция идет первым сортом. И браковщица, повернувшись к стоящей рядом хрупкой темноволосой девушке, говорит:

— Не тревожься, Нина... Не подведут тебя подруги. Будут слово держать.

После минутной паузы Васильева продолжает разговор, и в голосе ее звучат нотки особенного почтения:

— Большое ты дело затеяла, Нина Егоровна.

Та, к которой обращены эти слова, еще не привыкла, чтобы ее звали по имени-отчеству. Невысокого роста, подвижная, худощавая, Нина Егоровна Амельченкова выглядит куда моложе своих двадцати шести лет и рядом с шестидесятипятилетней Е. А. Васильевой кажется совсем девочкой.

Елена Александровна помнит Нину и грудным ребенком, и школьницей, и начинающей ученицей в ткацком цехе. Здесь, в Обуховском поселке, под Ногинском, девушка выросла, получила образование, научилась трудиться, стала стахановкой. Всего пять лет назад поступила она на тонкосуконную фабрику имени В. И. Ленина. А сегодня, когда старая фабрика празднует свой столетний юбилей, Ниной Амельченковой гордится весь коллектив: это она выступила инициатором соревнования за повышение сортности тканей. И Елена Александровна Васильева, полвека отработавшая на фабрике, скажет по совести: никогда прежде не выпускалась здесь столь отличная продукция, как теперь!

«Северянка», «Камчатка», «Клязьма», «Обуховские» — по всей стране расходятся теплые шерстяные платки, изготавливаемые на фабрике имени В. И. Ленина. Немало благодарственных отзывов поступает в Обухово из Сибири, с Крайнего Севера, Дальнего Востока и других мест. Три года подряд фабрике присваивается звание предприятия отличного качества. Переходящее Красное знамя Совета Министров СССР присуждено коллективу за отличные итоги работы в III квартале 1952 года.

Но обуховские текстильщики полагают, что сделать можно еще больше и лучше. Рассуждают они резонно: если можно выпускать первым сортом 99,91 процента всей продукции вместо 99,85 процента по плану, — этого коллектив достиг в нынешнем году,— значит, можно добиться и того, чтобы вообще ни один платок не выходил из цеха вторым сортом.

Таков был ход мыслей Нины Амельченковой, когда она выступала на собрании рабочих, посвященном задачам фабрики в связи с решениями XIX съезда партии.

Ведь ткачихи-стахановки Мария Дуденина, Галина Дубина, Вера Никонова, Наталия Коробова, да и сама она, Нина Амельченкова, выпускают только первый сорт. Переняв их опыт, так может работать весь коллектив.

В директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану сказано: «Решительно внедрять государственные стандарты, отвечающие современным требованиям».

С трибуны общего собрания Нина Амельченкова, приведя эти строки, заявила:

— А наши стандарты отстают от современных требований. По-моему, нельзя допускать даже отдельных маленьких погрешностей в качестве тканей, даже небольших неточностей в размерах платков. Требования к первому сорту должны быть более жесткими, такими, чтобы наш товар радовал потребителя.

Большая забота рядового советского труженика, государственная забота о всенародном благе звучали в этих ее словах. И товарищи горячо поддержали Нину Амельченкову. В соревнование за выпуск отличной продукции вступили и прядильщицы и работницы других цехов.

Почин обуховцев всколыхнул текстильщиков всего Ногинского района. В просторном новом Дворце культуры фабрики имени В. И. Ленина собрались стахановцы и стахановки многих предприятий. Из Купавны познакомиться с опытом Нины Амельченковой прибыли лауреаты Сталинской премии Мария Рожнева и Лидия Кононенко. Участники совещания подсчитали, что повышение сортности тканей по одному только Ногинскому району даст экономии свыше 5 миллионов рублей в год.

На днях Н. Е. Амельченкова рассказала о своем начинании на заседании президиума ЦК профсоюза рабочих текстильной промышленности. Из различных уголков страны поступают сообщения о том, что стахановцы многих предприятий подхватывают почин подмосковных текстильщиков.

С. МЕСЯЦЕВ

В китайском порту

Моряки парохода «Аскольд» бережно хранят великолепный, вышитый шелком портрет товарища И. В. Сталина — подарок молодежи порта Дайрен.

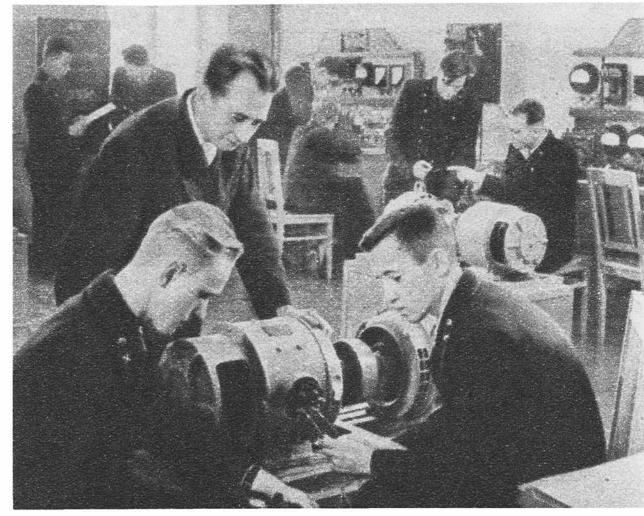
Суда советского торгового флота часто совершают рейсы в порты Китайской Народной Республики.

Каждый раз, как только трап соединяет советский корабль с причалом китайского порта, навстречу морякам несутся восторженные приветствия. Звучит китайская и русская речь.

На днях в Шанхай из Ленинграда прибыл наш океанский теплоход «Маршал Говоров». Первый помощник капитана товарищ В. Иова радирует:

— Теплым утром мы вошли в порт. Китайские грузчики, собравшиеся на причалах, восторженно приветствовали советский флаг на корме судна. Наш приход совпал с месячником китайско-советской дружбы. Город украшен флагами двух великих держав, всюду портреты товарища И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна. В кинотеатрах демонстрируются советские кинокартины. По приглашению китайских моряков мы побывали у них в клубе. На другой день мы пригласили китайских моряков на наш корабль. Гости с интересом осматривали машинное отделение и жилые помещения команды. Китайцы преподнесли экипажу в подарок шелковое знамя.

М. НИКИТИН,
редактор газеты «Советская Балтика»

Техникуму 250 лет

В декабре нынешнего года Нижне-Тагильскому горно-металлургическому техникуму исполняется 250 лет. Здесь когда-то учились и впоследствии преподавали строители первой русской железной дороги и паровоза — отец и сын — Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы.

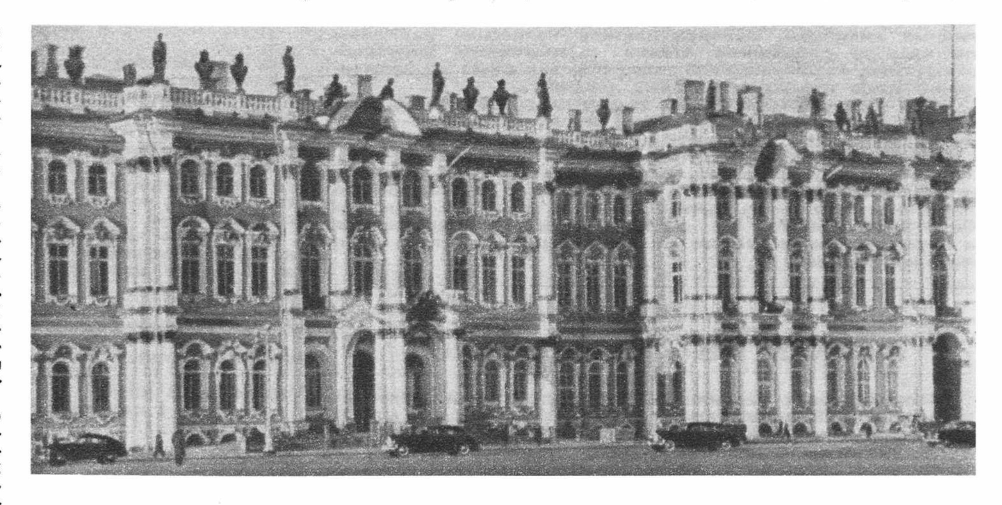
До Октябрьской революции техникум влачил жалкое существование. Заводчики и царское правительство не раз хотели закрыть его. Только при советской власти он стал подлинной кузницей технических кадров. За последние 30 лет техникум дал Родине около 3 тысяч техников — в три раза больше, чем в течение 100 лет до Октября.

Сейчас в техникуме учатся 1 800 человек, на вечернем отделении без отрыва от производства занимаются 350 рабочих и служащих.

На снимке: студенты 3-го курса на практических занятиях в лаборатории электрических машин. На переднем плане: Анатолий Яковлевич Симаков, Виктор Иванович Сухотин и заведующий лабораторией Николай Александрович Медведь.

И. ТЮФЯКОВ

Закончена реставрация Зимнего дворца

Зимний дворец.

Фото И. Фетисова

Закончены реставрационные работы по фасадам Зимнего дворца в Ленинграде. Разобраны конструкции лесов, и прекрасное творение великого русского зодчего Варфоломея Растрелли предстало во всем своем блеске и величии.

Зимний дворец поражает не только красотой внешнего и внутреннего убранства, но и своими масштабами. В нем 1 050 парадных и жилых покоев, 1 945 окон, 1 786 дверей, 117 лестниц.

Строительство дворца было закончено в 1762 году. После пожара 1837 года Зимний дворец был восстановлен под руководством выдающегося русского зодчего В. П. Стасова. В это время создан ряд новых интерьеров, в том числе знаменитая Галерея 1812 года, которой посвящены строки А. С. Пушкина:

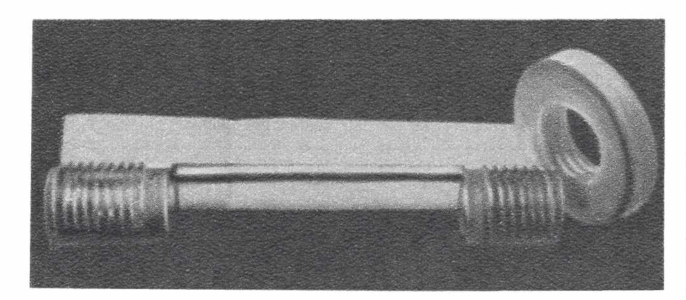
У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата...
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.

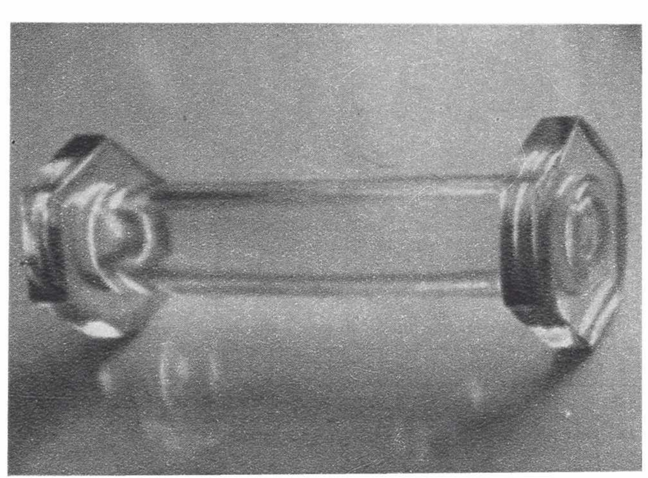
Чтобы подчеркнуть дистанцию между царем и его подданными, Николай I в 1844 году утвердил строительный устав, по которому ни один частновладельческий дом Петербурга не мог высотой своей соперничать с Зимним дворцом. Устав этот действовал вплоть до 1905 года.

В годы советской власти залы Зимнего дворца стали достоянием трудящихся. В них развернуты экспозиции Государственного Эрмитажа и Всесоюзного музея А. С. Пушкина. В Георгиевском зале в наши дни установлена выполненная из драгоценных камней гигантская карта Советского Союза. Большим успехом у ленинградцев пользуется устроенная в залах Зимнего дворца выставка искусства и культуры братского народа Китая.

П. ЯКОВЛЕВ

Стеклянные гайки

Токарь подводит к зажатой в патрон прозрачной болванке резец, протачивает торец, растачивает отверстие и нарезает резьбу. Большая гайка готова. Рабочий снимает ее со станка и осторожно кладет на подставку. Гайка сделана из обыкновенного стекла. Рядом с ней лежит выточенный токарем стеклянный валик с резьбой. Работа выполнена безукоризненно.

В лаборатории Московского научно-исследовательского института стекла давно уже научились точить, резать и сверлить стекло с такой же легкостью, как и металл. Как только был открыт новый метод обработки этого твердого и хрупкого материала, в лабораторию посыпались заказы. Институту физики потребовались для опытов точные стеклянные цилиндры, машиностроители попросили расточить по калибру стеклянные втулки с точнейшим конусным отверстием, карбюраторный завод прислал заказ на изготовление особо точных стеклянных деталей.

Точат стекло обыкновенным твердосплавным резцом, только его геометрия несколько иная, чем у инструмента, режущего металл. Долгое время в институте не могли найти способа заточки инструментов для нарезки стекла. Но в результате усилий кандидата технических наук В. А. Федотова и его помощников решена и эта проблема. Стекло, которое научились изготовлять давным-давно, в последние годы как бы открыто заново. Все шире начинает оно применяться в коммунальном хозяйстве, в строительстве, а теперь и в машиностроении.

Б. ПОПОВ

Зима на Волго-Доне

Рабочий стол с селекторной установкой, телефонные аппараты, микрофон, динамики. На стене схема Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина и Цимлянского водохранилища. Диспетчерская. Отсюда управляют движением флота по каналу.

На проводе начальник вахты 14-го шлюза И. Д. Харитонов. Главный диспетчер Волго-Дона инженер Л. И. Ершов спрашивает:

— Где находится пароход «Академик Быков»?

— Пришвартовался к причальной эстакаде. Команда производит бункеровку.

— Напомните капитану, что надо торопиться, — предупреждает главный диспетчер. — Ледостав не ждет.

«Академик Быков» ведет с Цимлянского моря последние баржи с лесом для судоремонтных заводов Нижнего Дона. Первая навигация на Волго-Доне закончена.

Главный инженер Управления эксплуатации Волго-Донского судоходного канала тов. В. Т. Иванов рассказывает:

— По Волго-Донскому водному пути прошло более двух тысяч судов. Из южных районов страны на север они доставили сотни тысяч тонн кубанского зерна, донецкого угля, сырья для промышленности, с севера на юг — лесоматериалы, химические удобрения, машины. Перевезено несколько сот тысяч пассажиров.

Навигация 1952 года явилась серьезным испытанием для всех волгодонцев. Подавляющее большинство эксплуатационников — молодые инженеры и техники. Но они хорошо справились с порученным делом. Шлюзование пассажирских пароходов, грузовых караванов и плотов с лесом осуществлялось значительно быстрее, чем это предусмотрено нормами.

Сейчас на канале развертывается подготовка к навигации будущего года. Осушаются камеры шлюзов, чтобы произвести ревизию гидротехнических сооружений и оборудования. Началась также подготовка к генеральным испытаниям агрегатов насосных станций.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

ВСТРЕЧА

Это произошло недавно в Центральном институте усовершенствования врачей. Когда председательствующий объявил: «Диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук защищает подполковник медицинской службы Павел Иванович Буренин», — по залу пронесся приглушенный шопот: «Врач-парашютист...»

Все присутствующие обратили внимание на то, что у диссертанта — молодого широкоплечего человека — на кителе красуется значок почетного полярника.

Члены Ученого совета единогласно высказались за присуждение П. И. Буренину ученой степени кандидата медицинских наук. Молодого врача тепло поздравила его научная руководительница полковник медицинской службы профессор В. В. Гориневская.

— Ну, Павел Иванович, — сказала она, — осуществилась ваша мечта, зародившаяся еще на далеком полярном острове...

— Да, — ответил Буренин, — остров этот останется мне памятным на всю жизнь...

Шесть лет назад во всех газетах промелькнуло имя врача Буренина, сбросившегося с парашютом над Землей Бунге в Арктике, чтобы оказать помощь пострадавшему зимовщику. Указом Президиума Верховного Совета СССР Павел Иванович был награжден тогда орденом «Красная Звезда».

Поэт С. Маршак посвятил свою стихотворную повесть «Ледяной остров» капитану медицинской службы П. И. Буренину.

На Севере северной нашей
земли,
За мшистою тундрой Сибири,
От самых далеких селений
вдали
Есть остров, неведомый
в мире.

На этом острове и произошел несчастный случай с восемнадцатилетним метеорологом Виктором Беляковым. Больному грозила слепота. Радист Котельников с тревогой сообщал в Москву, что необходимо вмешательство хирурга, но посадка самолета на лед невозможна.

В одной из частей Советской Армии служил в то время 25-летний врач капитан П. И. Буренин.

— Серьезное дело я вам
поручу! —
Начальник сказал молодому
врачу: —
Взгляните на карту
с маршрутом.

1946 год. Военный врач Павел Иванович Буренин вернулся в Москву с Земли Бунге, где он оперировал больного зимовщика В. А. Белякова.

Десять часов длился полет над тундрой и полярным морем, пока не открылась под крыльями долгожданная Земля Бунге. Буренин спрыгнул с самолета и дернул кольцо. Но раскрывшийся было парашют внезапно разорвался в воздухе. Не растерявшись, врач привел в действие запасной парашют. Однако расчеты на снос ветром оказались уже неверными, и, вместо того чтобы опуститься на лед, парашютист очутился в холодной воде. Промокший и окоченевший добрался он до зимовки и, отогревшись там, начал готовиться к операции. Порванный парашют врач использовал для обивки стен и потолка, превратив комнату в операционную.

Операция прошла удачно, зрение больного было сохранено. На 21-й день лечения Буренин записал в истории болезни:

«23.08.46. Больной Беляков В. А. лечение закончил и оставлен на зимовке с исполнением обязанностей метеоролога».

Для этого стоило прыгать
с высот
В седой океан, на
изрезанный лед,
На снег между темных
проталин, —
Куда молодого десантника
шлет
На помощь товарищу
Сталин.

Через несколько месяцев на шхуне, доставившей продовольствие зимовщикам, врач возвратился на Большую землю. Он увез с собой чувство глубокой дружбы к мужественным советским людям, покоряющим Арктику, и множество благодарственных телеграмм, полученных им с других полярных станций и от родных пациента.

На зимовке Буренин мечтал о продолжении образования, о совершенствовании своих знаний. Возвратившись на Большую землю, он стал адъюнктом, много и настойчиво занимался и наконец заслужил диплом кандидата медицинских наук.

...В эти радостные дни, когда друзья Буренина поздравляли его с успешной защитой диссертации, произошла неожиданная встреча врача и пациента с полярной станции.

Павел Иванович только что возвратился из операционной.

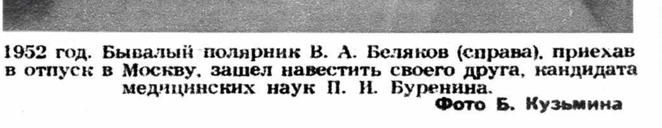
Вдруг дверь кабинета тихо раскрылась, и на пороге показался молодой человек с обветренным лицом.

— Виктор!

Беляков приехал в отпуск с зимовки и разыскал своего друга-врача.

За минувшие годы Виктор Беляков стал бывалым полярником и твердо решил навсегда связать свою судьбу с Арктикой. После учебы в Москве он снова вернется в полюбившиеся ему суровые края.

Друзья долго беседовали по душам, вспоминая дни, пережитые вместе на далеком острове, и делились планами на будущее.

1952 год. Бывалый полярник В. А. Беляков (справа), приехав в отпуск в Москву, зашел навестить своего друга, кандидата медицинских наук П. И. Буренина.

Фото Б. Кузьмина

Я. МИЛЕЦКИЙ

Жизненный подвиг писателя

К семидесятипятилетию со дня рождения народного писателя Латвийской ССР Андрея Упита

Есть писатели, в жизни и труде которых словно воплощается вся жизнь родного народа: его борьба, его заветные устремления к созданию нового, социалистического, справедливого мира на земле. Эти большие писатели всегда теснейшими узами связаны со своим народом, со своей Родиной—не только обстоятельствами своего рождения и воспитания, но и всем духом и характером своего труда. Таков латышский писатель Андрей Мартынович Упит.

Сын безземельного крестьянина из Видземе (родился 5 декабря 1877 года), сельский учитель в начальной школе Мангальской волости,

он силой своего таланта и труда стал всенародно известным писателем и ученым.

Свыше полувека тому назад взялся он за перо, чтобы рассказать о жизни трудового народа. Упит принес в литературу свою великую любовь к трудящемуся человеку, глубокое знание народной жизни. Он вступает в литературу в те годы, когда латышская социал-демократия становится одним из передовых отрядов общерусского революционного движения. Упит окончательно осознает себя художником рабочего класса в славных боях первой русской революции 1905 года.

На страницах произведений Упита выступают представители всех классов общества и всех социальных прослоек. Писатель создал целую галерею образов крестьян, пролетариев, интеллигентов, мелких буржуа, мещан, церковников.

Свыше двадцати романов написал Андрей Упит.

Важнейшими из них являются восемь романов, посвященных истории жизни крестьянской семьи Робежниеков. В этом цикле, который писатель создавал на протяжении почти четверти века (начиная с 1908 года), одним из главных героев является Мартин Робежниек, становящийся сознательным революционером.

Уже в советские годы, осваивая опыт всей литературы социалистического реализма, Упит пишет два новых фундаментальных произведения: «Земля зеленая» и «Просвет в тучах». В романе «Земля зеленая», удостоенном Сталинской премии, дана картина жизни латышской усадьбы конца прошлого века. Роман «Просвет в тучах», над которым Упит работал последние три-четыре года, является замечательным творческим достижением писателя. В этой книге воссоздана широкая эпопея борьбы рабочего класса со своими эксплуататорами, капиталистами, в годы, предшествовавшие первой русской революции, обрисовано зарождение первых марксистских революционных кружков на заводах Риги и показана огромная помощь, которую оказывали латышам передовые русские рабочие-ленинцы.

Творчество А. М. Упита развивалось, впитывая в себя идеи и пафос общерусского революционного движения, общерусской передовой культуры. Большое значение в идейном и художественном формировании выдающегося латышского писателя имело освоение опыта великой русской литературы. Многие классические произведения русской советской литературы стали известны латышскому читателю в переводах Упита.

Велик и неисчерпаем жизненный труд латышского писателя и ученого. А. М. Упит выступал во всех жанрах. Его перу принадлежат не только романы, но и повести, рассказы, комедии, драмы, лирические стихи, литературно-критические статьи и научные работы. А. М. Упит — автор четырехтомной истории мирового романа, автор двухтомного курса по истории латышской литературы и множества других научных работ в области истории литературы и теории социалистического реализма.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

И. К. Айвазовский. СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. 1884 год.

В доме Айвазовского

«...Будет буря: мы поспорим и помужествуем с ней...»

Этот поэтический образ Языкова хорошо определяет основное содержание искусства Айвазовского. Море то в бурю, то в штиль, борьба человека с разъяренной стихией — главная тема произведений великого мариниста, полных истинной поэзии и глубины чувства.

Есть еще одна область искусства Айвазовского — батальная живопись, своеобразная летопись русского флота, воплощенная великим мастером в художественных образах. Недаром он имел звание «художника Главного морского штаба».

«Мое искреннее желание,— писал в своем завещании Айвазовский, — чтобы здание моей картинной галереи в городе Феодосии... составляло полную собственность... моего родного города».

Феодосийская картинная галерея была основана Айвазовским в 1880 году. Это был первый в России периферийный музей, ставший очагом искусства для целого края.

Но только после Великой Октябрьской социалистической революции галерея начала расти с каждым годом. В 1922 году в ней было 49 художественных произведений, сейчас их уже 2 069. По экспозициям можно проследить все этапы творческого пути Айвазовского, начиная от его детских и академических опытов до последней неоконченной работы.

В годы войны коллекции галереи были вывезены и хранились в Ереване. После освобождения Крыма в большом доме Айвазовского осталась лишь одна уцелевшая комната. Областные партийные и советские организации и трудящиеся города добились того, что дом Айвазовского первым в Феодосии был восстановлен ко Дню Победы.

С 1923 года при галерее работает художественная студия, из которой вышло немало талантливых художников. В нынешнем году открылась детская художественная школа.

Картинная галерея в Феодосии пользуется большой популярностью. Ежегодно ее посещают тысячи людей со всех уголков нашей страны. Вот одна из записей посетителей в книге отзывов:

«Айвазовский — художник храбрых, и его произведения всегда, особенно в наше время, являются хорошим средством воспитания у молодежи чувства красоты и мужества...»

Н. БАРСАМОВ

XX шахматный чемпионат СССР

М. Ботвинник на жеребьевке вытащил номер один.

Советские шахматисты вообще не знают плохих лет. Но 1952 год был особенно успешным: победоносная весенняя поездка в Будапешт, завоевание кубка командного чемпиона мира и золотых медалей в Хельсинки, триумфальное возвращение из Стокгольма, успех наших шахматисток на Международном турнире в Москве — блестящие спортивные итоги!

Теперь москвичи видят наших знаменитых шахматистов на самом крупном шахматном турнире года — чемпионате СССР.

Еще не так давно, в 1945 году, М. Ботвиннику удалось на три (!) очка оторваться от второго призера — И. Болеславского. Но затем наши молодые мастера стали настолько быстро совершенствоваться, начали такое наступление по всему фронту, что теперь просто «не дают жить» шахматистам старшего поколения. Каждый наш чемпионат — напряженная, «конфликтная» шахматная драма в 19 действиях. Развязка наступает только в последнем туре.

У нас пока что не все шахматисты — гроссмейстеры. Их у нас «только» пятнадцать. В этом чемпионате играют 7 гроссмейстеров. Если бы несколько лет назад какой-либо гроссмейстер не попал в финал, он краснел бы от стыда: просто неудобно! А сегодня — ничего. Это уже стало «нормальным» явлением. Бондаревский, Левенфиш, Лилиенталь, Рагозин, Флор потерпели аварию в полуфиналах. Они хотели бы играть в финале, но не могут. Другие, победители в Стокгольме — Котов, Петросян, Авербах — могли играть, но, к сожалению, отказались. Но и так гроссмейстерская гвардия во главе с Ботвинником, пятью олимпийцами и вторым победителем в Стокгольме, Таймановым, представлена не плохо. Участвуют еще три «полугроссмейстера»: сильный Аронин, методичный Липницкий и темпераментный Толуш. Им надо занять одно из первых трех мест, и тогда обеспечен перевод в гроссмейстеры, поскольку они уже имеют по одному гроссмейстерскому баллу.

Наши шахматные любители не забыли, что в прошлом году Ботвинник занял скромное пятое место. Удастся ли ему взять реванш? Шахматист Запада, имея звание чемпиона мира, старался бы извлечь из этого звания побольше капитала, стал бы профессионалом. Ботвинник, несмотря на свой успех на шахматном фронте, не бросил свою основную работу инженера-электрика. Наша шахматная общественность рада была узнать, что Ботвиннику присвоена ученая степень доктора технических наук.

Теперь доктор технических наук Ботвинник приложит все усилия, чтобы вновь успешно сыграть и в шахматы.

На жеребьевке Ботвинник уверенно вытащил номер один. Правда, за это достижение в турнирную таблицу очко не вписывается, но кажется, что чемпион мира этим намекает: «На этот раз неплохо бы возглавить турнирную таблицу».

САЛО ФЛОР,
международный гроссмейстер

Замечания по поводу...

В своей книге «Армия без пафоса» бывший гитлеровский генштабист А. Вайнштейн, опираясь на слова фельдмаршала Монтгомери: «Солдаты должны научиться выполнять приказы, даже если это и претит им», пытается оправдать немецких военных преступников — фельдмаршала Листа, генерала Буссе и других.

Прославляя американскую военщину, буржуазный писатель Д. Маркенд называет героя своего одноименного романа — генерала Мелвилля Гудвина, карьериста и убийцу, «художником своего дела». «Его ни к какой обыкновенной категории не причислишь»,— умиляется автор.

Руки от крови еще не отмыв,
Кривляясь над стынущим
телом,
Они заявляют хвастливо:
«Мы —
Художники этого дела!»
Над селами сея микробы
чумы,
Бомбя города оголтело,
Они соловьем разливаются:
«Мы —
Художники этого дела!»

Но — кара грозит им.
Деваться куда?!
И тон изменяется сразу:
«Ну что же может поделать
солдат?!
Наш долг — подчиняться
приказу!»
Я вывод их барда не думал
оспорить:
Для них не подыщешь
людских категорий!

А. КРУТОВ

У ПОДНОЖЬЯ ГОРЫ ФУДЗИ

Фигура часового в американской форме, охраняющего запретную зону, — наиболее распространенная «достопримечательность» нынешнего пейзажа в окрестностях горы Фудзи.

Самый крупный из Японских островов, Хонсю, как бы поделен двумя непрерывными цепями гор. В центре острова, где горные цепи скрещиваются, возвышается самая высокая в стране гора — Фудзи.

Японцы часто называют ее Фудзи-сан (сан — значит гора). С ней связано много народных преданий. Она считается символом всего национального, самобытного. «Не побывав на Фудзи, нельзя считать, что посетил Японию», — говорят японцы.

Но сегодня побывать на Фудзи-сан — значит рисковать оказаться раздавленным одной из американских автомашин, снующих по всем дорогам, увидеть тяжелую картину надругательства американских оккупантов над японской землей, над ее народом.

Известно, что империалисты США всю Японию рассматривают, как свою вотчину. Но район Фудзи-сан стал как бы наглядным «образчиком» их колонизаторской политики. Около тридцати шести тысяч гектаров земли, в том числе значительная часть национального парка Фудзи-Хаконе, превращены в поле для маневров, плацы и стрельбища американских войск. Тысячи крестьянских семей лишились своих наделов. Но и те, кому удалось сохранить наделы, называют свою жизнь адом. Они не могут пасти скот, собирать в лесу хворост, жечь уголь, что издавна было большим подспорьем для местных жителей.

Недавно корреспондент «Токио симбун» посетил деревню Насигахара у подножья Фудзи. Вот что он пишет: «Крестьяне этой деревни сажали на вулканической почве сою, кукурузу, картофель. Они затратили огромный труд, чтобы поднять целину. Но сейчас их поля уродуют танки, над их головами пролетают снаряды и пули. Крестьяне вынуждены бросать свои участки».

«Даже по официальной статистике, — пишет журнал «Атарассии Сякай», — только в одной префектуре Яманаси отмечено 47 случаев убийств и увечий, много случаев гибели детей от осколков снарядов, здесь разрушено американцами четыре дома». Вот факты, приведенные журналом: в местечке Иосида семидесятилетний крестьянин Иноуэ Кацудзиро пытался защитить свою дочь, на которую набросились трое американских солдат. Солдаты убили старика. В районе Камино несколько американских вояк ограбили таверну, а потом приказали японскому шоферу доставить их к лагерю. У ворот лагеря они застрелили шофера. В одной из деревень семидесятилетняя крестьянка шла по улице; в это время сзади появился американский бульдозер. Старушка во-время отошла в сторону, но янки ради потехи направил на нее бульдозер и задавил женщину. Ради забавы же в деревне Инно американцы разрушили автомашиной ветхий крестьянский домишко. Находившиеся в нем четыре человека убиты.

Здесь приведено лишь несколько примеров. Их можно привести тысячи.

«Право экстерриториальности» избавляет оккупантов от всякой ответственности за совершенные преступления. Послушные им японские власти, прикрывая американцев, именуют убитых и раненых ими «жертвами уличного движения».

Деревни, прилегающие к военным базам, как свидетельствует печать, превращены в вертепы, куда сгоняют со всей страны девушек, скупленных у обнищавших крестьян. Почти все крестьянские жилища стали увеселительными заведениями с кричащими вывесками на английском языке. Хозяева же вынуждены ютиться в сараях и чуланах. «Эти деревни, — пишет корреспондент «Токио симбун», — имеют потрясающий вид. Они похожи теперь на макеты для съемок американских гангстерских фильмов».

В воскресные дни, когда свободные от учений американские вояки врываются в деревни, учителя вынуждены собирать детей в школах, чтобы те не видели всех гнусностей, которые творят на глазах у населения представители американской «цивилизации».

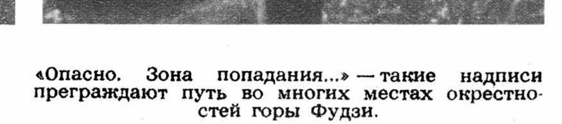
Такова жизнь в районе Фудзи — наглядный образец оккупационного режима, осуществляемого США на всей многострадальной японской земле.

Раньше японцы называли Фудзи-сан своей национальной гордостью и символом родины.

Теперь они называют ее символом горькой участи, постигшей Японию в результате американской оккупации.

А. КОЖИН

Токио. **Фото автора**

«Опасно. Зона попадания...» — такие надписи преграждают путь во многих местах окрестностей горы Фудзи.

Оккупанты маршируют по опустевшим улицам города.

Американские танки привели в негодность источник. Жителям этой деревушки приходится доставлять воду издалека.

КРУПП ПРЕДАЕТСЯ ВОСПОМИНАНИЯМ...

Максимилиан **ШЕЕР**

ПАМФЛЕТ

Рисунок Бор. Ефимова

МОЯ ВИЛЛА

...Ну вот, мне возвратили наконец виллу «Хюгель». Вы, конечно, знаете этот замок: он стоит над живописным озером. Там я родился, там вырос и провел немалую часть своей жизни.

Недавно, заехав в Эссен, я осматривал замок. Он поврежден войной, хотя не очень. Дело в том, что на жилые кварталы Эссена было сброшено много тяжелых бомб, и дома там все разрушены. Так вот, в окнах моей виллы взрывной волной тоже выдавило несколько стекол. И еще на крышу оранжереи в парке какой-то растяпа американский летчик уронил зажигательную бомбу. Представьте себе: стекла до сих пор не удосужились вставить! А ведь одно время в замке помещалась администрация по контролю над рурским углем. Я видел и парк: он донельзя запущен.

Про виллу «Хюгель» я расспрашивал американцев еще в Ландсбергской тюрьме, где просидел у них два с половиной года... Должен сказать, что мне там были предоставлены все удобства, чего, видимо, не имел мой друг и компаньон Адольф Гитлер, который сидел в этой же тюрьме в двадцатых годах. Американцы объяснили мне это различие в комфорте: Адольфа Гитлера посадили еще при Веймарской республике, тогда неясно было, на что он способен; иначе, мне кажется, с ним обошлись бы помягче. А я совсем другое. Про меня американцы знали все: и то, что я делал в прошлом, и на что могу пригодиться в будущем.

Но меня не тянет жить в вилле «Хюгель». Для меня она только воспоминание о прошлом, когда мы, Круппы, хотели стать первыми в мире пушечными королями и преуспели в этом. Наши пушки могли свободно покупать императоры, короли, президенты, генералы любой страны мира. Нашим принципом было: одинаковая доброжелательность ко всем клиентам! И бывали случаи, когда пушки Круппа стреляли друг против друга, с обеих сторон фронта, даже если на одной из сторон были немецкие солдаты.

Теперь времена другие, и мы уже не короли. Американские конкуренты сорвали корону с головы Круппов. Нам пришлось стать только принцами боковой линии при дворе заокеанских королей. Что поделаешь?! Трудно расстаться с мечтой — еще раз послужить благу человечества, как мы уже послужили в 1914 и в 1941 годах.

Что бы ни говорили о нас, Круппах, мы прирожденные дельцы. Эта традиция для меня священна с юности. Кстати сказать, я отдал ей дань совсем недавно, в мае 1952 года: женился на американке. Ее зовут Вера Вильгельмина Кнауэр, родом она из Калифорнии. Чтобы еще раз почтить незабвенную память моего компаньона и друга, Адольфа Гитлера, мы отпраздновали свадьбу в его поместье Берхтесгадене. Не правда ли, получается довольно выразительный символический треугольник: Эссен — Берхтесгаден — Калифорния? И вот теперь я строю себе новый дом в глубине большого леса, который окружает виллу «Хюгель». Дом будет в новейшем стиле, с американским баром в виде подземного бомбоубежища.

Но я, кажется, немного отвлекся в сторону. Я, собственно, хотел рассказать о том, почему господа из управления по контролю над рурским углем довели до такого запустения парк на вилле «Хюгель».

АМЕРИКАНСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ РОДСТВЕННИКИ

Как бы то ни было, раз я уже нарушил стройность рассказа, упомянув о недавней женитьбе, добавлю, что моя жена — отнюдь не единственная из американских родственников Круппов. Отец мой долгое время был советником немецкого посольства в Вашингтоне, потом состоял в нашем посольстве при Ватикане, и там-то он и попал, так сказать, в позолоченную стальную сеть Круппов. В 1906 году он женился на моей матери Берте Крупп, единственной наследнице состояния, оцененного по бухгалтерским книгам в 160 миллионов марок. Мать моя всегда вспоминается мне крупной, самоуверенной и властной дамой. Когда она входила через парадную дверь в вестибюль замка или в здание заводского управления, казалось, что огромный драгун вламывается в дом. И, надо сказать, правила делами в те времена мать, отец только числился царствующим.

Но дело не в этом. Я хотел сказать, что отец моего отца, носивший имя Гальбах, родился в Филадельфии и был коренным американцем. А его супруга, моя бабушка с отцовской стороны, была дочерью американского генерала Генри Болена.

Между прочим, из этой же американской семьи происходит и мой двоюродный брат, Чарльз Болен; в школьные годы у него была кличка «Чип». Так вот, Чип работает в американском государственном департаменте и издавна слывет там большим знатоком русского вопроса. Я ему весьма признателен за это, потому что антисоветская политика всегда была на пользу нам, Круппам.

...Теперь я вижу, что вовсе неплохо сделал,

когда увлекся рассказом о моих американских родственниках. Это поможет объяснить то, что случилось после окончания войны.

МОЙ ОТЕЦ И Я

Все, конечно, помнят: мой отец Густав Крупп фон Болен унд Гальбах был арестован вместе с рейхсмаршалом[1] и другими высокопоставленными господами, с которыми нашу семью связывали самые дружеские узы. Все мы, откровенно говоря, составляли одну голову, хотя руки и карманы были разные. Особенно теплой и интимной была дружба между отцом и главным уполномоченным по рекламе наших пушечных заводов — Адольфом Гитлером. Отрицать это даже перед судом казалось бессмысленным: есть слишком много улик.

Отец получил от Гитлера титул «фюрера военной экономики», потом — звание штандартенфюрера, потом — «почетного члена-соревнователя СС». По каждой должности ему было положено соответствующее жалованье. Отец же, как полагается, делал подарки руководящим лицам из правительства — он роздал им около двенадцати миллионов марок.

Конечно, подарки окупали себя. Я не говорю о таких вещах, как золотой значок члена нацистской партии, который поднесли отцу. Гораздо существеннее эти подарки отражались на наших балансах.

В 1945 году отцу явно приходил конец. Круппов со всех сторон честили как величайших преступников в истории. Тут отец догадался заболеть. Его тотчас выпустили из темницы, и он удалился вместе с матерью в наше очаровательное поместье Блюнбах возле Зальцбурга. Там он и окончил свое земное существование 80 лет от роду. Впрочем, это случилось только через пять лет после окончания войны.

Признаться, я был очень удивлен, когда меня не включили в первый список отборных обвиняемых на Нюрнбергском процессе. Я даже почувствовал себя немножко обиженным. Но потом поразмыслил, представил себя с петлей на шее, ощупал инстинктивно воротник — и утешился.

Теперь я могу уже говорить откровенно. Я, безусловно, должен был находиться в первом списке. В 1940 году отцу стукнуло 70 лет, и именно тогда он торжественно передал мне управление всеми нашими заводами. Я хорошо помню завтрак с родителями, во время которого старик в самых теплых и сердечных выражениях заявил, что сделал уже достаточно для имени и для наследия Круппов. Теперь дело за мной: от меня зависит сделать нашу фирму еще богаче и могущественнее.

Я обещал сделать все, что в моих силах. Мы обнялись. Даже мать моя была растрогана.

И я, кажется, сдержал данное слово. К началу перевооружения Германии отец мой за один только 1935 год сумел принести нашей фирме 57 миллионов марок прибыли. Я же в первый год моего управления предприятиями довел прибыль до 111 миллионов. Состояние фирмы Крупп к концу второй мировой войны составляло, с помощью божьей, 508 миллионов долларов, то есть около 2 миллиардов марок! И в значительной части это состояние было делом моих рук.

ОБВИНЕНИЕ В ГРАБЕЖЕ, УБИЙСТВАХ И ПЫТКАХ

И вот был торжественно объявлен особый процесс, в котором подсудимыми были я и одиннадцать моих директоров. Предварительное следствие началось еще в Нюрнбергской тюрьме. Следователь предъявил обвинение: Круппы помогли Гитлеру взобраться в седло и развязать мировую войну.

Я ответил, не сморгнув глазом, что для меня лично эти события явились полной неожиданностью.

Следователь поглядел на меня в упор и спросил: «Ну, а те художества, которые фирма Крупп вытворяла на оккупированных территориях Советского Союза или в Бельгии, Франции, Голландии и Австрии, тоже вас поразили своей неожиданностью?» Мне стало ясно, что этот американец — крайне несимпатичный человек.

[1] Геринг.

Я ответил ему как можно мягче, что наша фирма не считала себя вправе отказываться от всего того, что ей, так сказать, предоставлялось в пользование нашими официальными правительственными учреждениями. Американец тогда спросил: как обходились с иностранными рабочими, привезенными на мои предприятия? Я сказал: более или менее по-человечески. Но оказалось, что я немного поспешил со своим ответом.

Следователь раскрыл толстую папку. Из документов явствовало, что на предприятиях фирмы Крупп использовался во время войны принудительный труд 70 тысяч рабочих из оккупированных стран и 25 тысяч военнопленных, что ко всем этим людям применялись методы, которые делают нас, Круппов, виновными в преднамеренном убийстве, бесчеловечном обращении, физических пытках.

Я попытался успокоить эту странную разновидность американцев тем, что лично мне многое было неизвестно. Этот неприятный господин вытащил из папки подлинник официального рапорта медицинского отдела заводов Круппа в Эссене от 2 мая 1942 года. Я просто ума не приложу, как он очутился в его руках. В рапорте говорилось, что за один этот день умерло 54 восточных рабочих, из них 38 от туберкулеза, а 4 — из-за «внешних причин», то есть от избиений.

Тут уж пришлось прикусить язык и замолчать. До сих пор мурашки пробегают по спине, когда вспоминаешь об этом в высшей степени тяжелом разговоре! Но, благодарение богу, теперь уже не встретишь у нас, в Западной Германии, этаких типов, вроде моего американского следователя. Их сменили другие американцы, которые проявляют к нам несравненно больше понимания и сердечности...

СКОРАЯ ПОМОЩЬ НАГОТОВЕ

Мне был вынесен приговор: двенадцать лет тюрьмы и конфискация всего имущества.

Я с теплым чувством вспоминаю о многих друзьях, которые на самом суде и после него приложили все усилия, чтобы повернуть течение моей судьбы в другое русло!

К этим друзьям я отношу прежде всего нынешнего министра в Бонне, симпатичнейшего Якоба Кайзера. Этот человек грудью стал на защиту нашей семьи. Он клятвенно утверждал, что фирма Круппа и не думала состоять в дружеских отношениях с Гитлером. Это, конечно, ему не забудется.

Дружественную позицию занял и председатель американского суда мистер Андерсон. Он публично заявил, что не согласен с большинством членов суда, и, что было самое для меня ценное, он не соглашался с той частью приговора, где говорилось о конфискации имущества. Это был настоящий джентльмен.

Не могу не упомянуть в числе моих друзей и доброжелателей генерала Клея, главнокомандующего американскими оккупационными войсками. Генерал потребовал себе четыре месяца, чтобы проконсультировать вынесенный мне приговор с американским военным министерством и деловыми кругами. И это он, генерал Клей, изменил приговор в самом существенном пункте. Он вписал всего два слова: мое имущество должно быть конфисковано... «в будущем»! Таким образом, пока это «будущее» не наступило, я, сидя в тюрьме Ландсберг, продолжал юридически оставаться миллиардером.

Ряды доброжелателей дополнялись группой газетных издателей в западных зонах и Западном Берлине, — они любезно напечатали полностью, не выпустив ни одного слова и без всяких комментариев, мой протест по поводу конфискации нашего состояния.

Вполне по-приятельски обошлась со мною и американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн». Она напечатала другое мое письмо. В нем я присоединялся к «Пакс американа», то есть к идее американского мирового господства.

Виноват, я забыл в этом перечислении еще об одном горячем и верном друге. Это Конрад Аденауэр. Уже через год после того, как был объявлен приговор, он обратился к американским властям с просьбой о немедленном моем освобождении!

АМЕРИКАНЦЫ ВСТУПАЮТ В ДЕЛО

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» вскоре, как говорят немцы, выпустила кота из мешка: в корреспонденции из Франкфурта-на-Майне она отметила, что Вашингтон весьма озабочен «проблемой Круппа». Ежели, рассуждала газета, провести в жизнь решение суда о конфискации моего имущества, то это означало бы разделить поровну заводы Круппа между четырьмя державами: США, Англией, Францией и СССР. А это привело бы к тому, что Советский Союз мог бы получить значительное влияние в Руре и помешать — здесь-то и была собака зарыта! — восстановлению немецкой военной индустрии.

Американское военное министерство, писала дальше «Нью-Йорк геральд трибюн», отправило на сей счет «доверительную телеграмму» генералу Клею.

Когда я в своем открытом письме поднял голос протеста против намерения лишить меня моих капиталов, генерал Клей прислал ко мне сказать, что надо вооружиться терпением. Враждебность против Круппов еще слишком велика и в немецком народе, и в Европе, и в самой Америке. Официально вернуть мне нетронутыми все два миллиарда — значило бы вызвать взрыв общественного возмущения. Поэтому, полагал Клей, надо пока маневрировать и делать это умно и ловко. Надо даже сделать так, чтобы парк на вилле «Хюгель» окончательно одичал: пусть думают, что с Круппами покончено навсегда! Надо дать прошлому хоть немного порасти травой.

Так мне пришлось вооружиться терпением. Ждать пришлось не так уж долго. Американский верховный комиссар — это был уже Макклой — вскоре прислал ко мне в тюрьму своего уполномоченного.

Макклой просил передать мне свое мнение, что двенадцать лет даже в удобной, даже в приятной тюрьме — все-таки слишком долгий срок. На известных условиях его можно было бы сократить.

Мне было приятно услышать эту добрую весть, но я насторожился при слове «условия». Какие условия имелись в виду? Уполномоченный Макклоя сказал, что капитал в 2 миллиарда — большая, очень большая сумма. Нельзя ли в этом вопросе придти к какому-нибудь деловому соглашению? Мне предлагали американское «deal». Я знал, что в их устах это означает одновременно и «соглашение» и «дележку». И для меня стало ясно, с чем приехал ко мне уполномоченный Макклоя.

И вот передо мной были развиты некоторые варианты. Можно было бы попросту «споловинить» эти 2 миллиарда между мной и американцами. Но, видимо, более разумный план — поделить все между мной и тремя западными державами и с этого начинать новый бизнес!

Я, разумеется, запротестовал самым решительным образом против какого бы то ни было раздела. Тогда мне было замечено, что приговор может быть приведен в исполнение, и тогда я лишусь моего состояния вовсе. Им же хотелось быть великодушными и создать совместно со мной новый концерн. Не так уж плох для меня и такой новый старт!

Мне пришлось проглотить эту горькую пилюлю. Но я все же заставил их побарахтаться, а они заставили помучиться меня. Мы начали торговаться, торговались долго и яростно и наконец спелись. В начале прошлого года соглашение было подписано. Макклой тут же выпустил меня из тюрьмы и официально отменил приговор о конфискации имущества.

Теперь я компаньон западных военных концернов. Я спас то, что можно было спасти. Так или иначе, но Крупп будет снова делать пушки!..

Да, но мне пора кончать... Я и так уж наболтал много лишнего! Лучше всего, пожалуй, сжечь эти заметки. Попади они в чужие руки, я опять рассорился бы со своими западными компаньонами. Чего доброго, они опять начали бы честить меня, как отродье самых отпетых бандитов и убийц, которым место только на виселице. Как вы думаете?

Сокращенный перевод с немецкого

РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗД

Кирилл АНДРЕЕВ

Если бы на фантастическом астролете мы могли совершить путешествие по мировому пространству, то необычайное зрелище открылось бы нашим глазам.

Мы увидели бы звезды без видимого диска, похожие на серебристо-стальной вихрь невообразимой силы, разлетающийся во все стороны; желтые и оранжевые гигантские светила, которые под действием какого-то скрытого в их недрах атомного механизма то раздуваются, как детский воздушный шар, то сжимаются, «мигают», словно чудовищные маяки Вселенной. И эта правильная, ритмичная пульсация продолжается много веков.

Нам попались бы в пути сплющенные ослепительно белые звезды, вращающиеся с невероятной скоростью, окруженные кольцами выброшенных ими газов; исполинские тусклокрасные небесные тела из разреженного водорода. Если бы подобное светило оказалось на месте нашего Солнца, то Земля и даже Марс двигались бы внутри него. И мы летели бы мимо звездочек-карликов, меньших, чем Луна, но необычайно плотных и тяжелых; наперсток с таким веществом весил бы много тонн.

А потом замелькали бы черные, но горячие инфразвезды, прозрачные и зеленоватые туманности, мрачные хлопья небесной пыли, таинственные радиозвезды, светила, погруженные в огненный туман, «новые» и «сверхновые» звезды, вспыхивающие раз в тысячелетие с силой миллионов солнц.

Нас пронизывали бы всепроницающие космические частицы, световые, рентгеновы, инфракрасные и ультрафиолетовые лучи. А когда межзвездный корабль вылетел бы на границу нашей «островной вселенной» — звездной системы Млечного Пути, или Галактики, как называют ее ученые, — перед нами открылась бы неизмеримая бездна с миллиардами миллиардов подобных звездных островов... И нет конца великому многообразию Вселенной!

Какой жалкой рядом с этой величественной картиной изменчивого, растущего и в то же время вечно юного мира кажутся нам измышления буржуазных ученых, рисующих окружающую бесконечность, как тесную, ограниченную Вселенную, неудержимо стремящуюся к собственной гибели!..

Мысль о том, что мир непознаваем, что рождение звезд, их жизненный путь, источники их энергии — непостижимая тайна, которая никогда не будет раскрыта, и поныне бытует на буржуазном Западе.

За последние годы советская астрономия вышла на первое место в мире. С помощью могучей астрономической техники наши ученые накопили гигантское количество новых фактов о «навеки недоступных», по мнению философов-идеалистов, звездах.

Но советская наука не только собирает факты. Она строит новые гипотезы и теории, которые, как мощный прожектор, освещают путь вперед. Особенно большие успехи достигнуты в звездной и планетной космогонии — науках о происхождении и развитии небесных тел.

Звезды — далекие солнца, такие же, как и наше великое дневное светило. А жизнь человечества и всего живого на Земле тесно связана с Солнцем. Разве не нужно нам знать его прошлое? А ведь наше светило — только одно из бесчисленных солнц звездного острова Галактики!

Но как нам изучать историю звезд, когда наша жизнь и даже жизнь всего человечества — всего лишь мгновение по сравнению с их космическим веком? Как можем мы проследить их жизненный путь, если лишь в 1609 году был построен первый телескоп и меньше столетия назад спектроскоп был направлен в небо? Что означают эти сроки по сравнению с миллионами и миллиардами лет жизни небесных тел! Что мог бы рассказать о том, как дуб развивается из желудя, человек, в первый раз в жизни вошедший в лес и ничего не слыхавший о деревьях!

И все же советская теоретическая астрономия, опирающаяся на огромное количество наблюдений и владеющая могучим методом материалистической диалектики, указала путь к решению этой великой загадки природы.

В этом году в Москве, в старинном белом зале Академии наук СССР, собралось свыше трехсот советских астрономов, чтобы обсудить проблемы образования и эволюции звезд. Это был подлинный смотр советской науки. Один за другим поднимались на высокую трибуну съезда астрономы — теоретики, наблюдатели, физики, философы, и в жарких спорах, в горячей дискуссии рождалась истина, складывались очертания новой, материалистической космогонии, созданной коллективным трудом советских ученых.

Основной доклад на космогоническом совещании сделал член-корреспондент Академии наук СССР В. А. Амбарцумян, чьи блестящие работы создали эпоху в космогонии.

Ведущей идеей в исследованиях Амбарцумяна было положение диалектического материализма о скачкообразном характере всякого развития. Вооруженный этим волшебным ключом, открывающим тайны природы, советский ученый разрушил заколдованный, застывший мир, каким представляется буржуазным астрономам звездная Вселенная.

В основу новой космогонии он положил смелую мысль — изучать звезды не в периоды их относительно спокойного существования, длящегося миллиарды лет, а следить за ними во время переходов из одного состояния в другое, в момент скачка, который должен длиться какие-то космические мгновения, доступные нашим исследованиям. И в первую очередь ученый решил обратить внимание на неустойчивые, так называемые нестационарные звезды.

Амбарцумян осторожно высказал предположение, что звезды-гиганты, расточительно разбрасывающие вокруг себя огненное вещество, должны быть самыми молодыми светилами. Ведь, например, звезды Вольф-Райе за «какие-нибудь» сто тысяч лет должны были бы исчерпать себя без остатка, «покончить самоубийством». Однако они существуют. Значит, есть веские основания полагать, что они моложе этого возраста.

Но эту гипотезу надо было доказать. Другие астрономы полагали, что саморазрушение звезд — лишь краткий период в жизни зрелых небесных тел, уже проживших долгую жизнь. Поэтому, чтобы доказательство стало убедительным, его надо было подкрепить наблюдениями, бесспорными астрономическими фактами.

В поисках решающих доказательств Амбарцумян вместе со своими сотрудниками предпринял на Бюраканской обсерватории многолетние исследования, которые завершились открытием звездных ассоциаций.

В разных частях неба астрономы обнаружили группы белых гигантов. Звезды, входящие в такие семейства, были расположены довольно далеко друг от друга, но двигались одной группой в пространстве вокруг мощного ядра нашего Млечного Пути. Математический анализ показал, что эти ассоциации, как назвал их Амбарцумян, должны быть неустойчивыми: силы тяготения окружающих светил должны были разрушить ассоциации, «растащить» в разные стороны входящие в них звезды, за «короткие» космические сроки в несколько миллионов лет.

Но ассоциации все же существуют. Нет сомнения, что эти белые гиганты родились вместе, одновременно. Значит, все ассоциации, которые мы сейчас наблюдаем, очень молоды и просто не успели распасться, а составляющие их гигантские белые светила — юные звезды, лишь недавно родившиеся.

Таково было начало исследований Амбарцумяна и его сотрудников. Но понадобилось много лет, чтобы завершить это крупнейшее открытие, легшее в основу современной космогонии: было доказано, что звезды рождаются группами, появляются на свет в разное время и что процесс звездообразования продолжается и в наши дни. За это исследование В. А. Амбарцумян был удостоен Сталинской премии первой степени.

Конечно, на самом деле все было не так просто: каждое открытие состоит из тысяч наблюдений и опытов, смелой догадки, внезапным светом озаряющей весь собранный материал, а потом — долгой проверки и дальнейшей разработки вновь созданной теории.

Иным путем шел в своих исследованиях строения и развития звездных систем профессор Б. В. Кукаркин. В течение долгих двадцати лет он кропотливо изучал переменные звезды и расположение их в пространстве. Он избрал звезды, меняющие свой блеск, потому, что почти все они обладают огромной светимостью и заметны издалека, а перемена блеска позволяет легко выделить их из общей массы звезд, видимых на небе.

И вот в результате работ Кукаркина оказалось, что Млечный Путь не простое скопление разных звезд, а состоит из нескольких

Советская астрономическая делегация на аэродроме в Риме. Слева направо: В. А. Амбарцумян, А. Г. Масевич, Д. Я. Мартынов, А. А. Немиро, А. Б. Северный, Е. К. Харадзе, Ю. А. Рябов.

самостоятельных сферических и плоских систем. В одной из них, где-то на окраине Галактики, между двумя ветвями спирали, расположено и наше Солнце.

Светила, входящие в одну систему, обладают рядом общих признаков. Они, если можно так выразиться, одного «племени». Поэтому они должны иметь общее или, по крайней мере, одинаковое происхождение и сходную судьбу.

Работа Б. В. Кукаркина, подводящая итог его исследованиям, дала в руки астрономов новое мощное средство для изучения эволюции звезд. Теперь можно было попытаться проникнуть в тайну их рождения.

В плоские системы входят как звезды-гиганты и сверхгиганты, так и темная рассеянная материя. Было естественно предположить, что они связаны друг с другом. Быть может, темные космические облака каким-то, пока неизвестным нам способом сгущаются в звезды? Но, с другой стороны, еще двадцать лет назад профессор Б. А. Воронцов-Вельяминов показал, что вся существующая в нашей Галактике пылевая и газовая материя могла быть выброшена неустойчивыми звездами в течение двух — трех миллиардов лет. Или, быть может, и тот и другой процессы — сгущение и выброс материи — происходят одновременно и мы наблюдаем своеобразный круговорот вещества во Вселенной?

Работы В. А. Амбарцумяна и Б. В. Кукаркина открыли перед научной космогонией широкие перспективы. Десятки советских астрономов занялись разгадкой одной из величайших тайн природы — тайны рождения звезд.

Академик Г. А. Шайн, работающий со своими сотрудниками на Крымской астрофизической обсерватории, исследовал газовые туманности в других галактиках, соседних с нашей звездной системой. Такие исследования в Млечном Пути очень затруднены, так как Солнце находится в «загрязненной» области, где пылевые космические облака очень сильно затемняют свет звезд и светлых газовых облаков. Другие же звездные системы мы видим сквозь абсолютно прозрачное межгалактическое пространство.

Вновь открытые крымскими астрономами туманности оказались исполинскими скоплениями газа, светящимися под действием рентгеновых и ультрафиолетовых лучей соседних звезд. Некоторые из них, несмотря на крайнюю разреженность, в десятки тысяч раз массивнее, чем наше Солнце. Если бы одно из таких облаков поместить на месте туманности Ориона, то мы увидели бы на небе яркое зеленоватое облако, похожее на застывший вихрь холодного огня, яркий, как полная Луна. И во многие из этих грандиозных туманностей погружены молодые, горячие звезды-гиганты, словно недавно лишь родившиеся из струй разреженного газа.

Звезды рождаются неодинаковыми. На свет появляются и голубые и белые гиганты, и желтоватые, солнцеподобные звезды, и светила-карлики разных типов. Но все юные звезды неустойчивы: они меняют свой блеск, на их поверхности происходят гигантские извержения газов, в тысячи раз более мощные, чем солнечные протуберанцы. Словно все они спешат избавиться от лишнего вещества, чтобы зажить спокойной, размеренной жизнью.

В. Г. Фесенков и А. Г. Масевич подвергли теоретическому анализу поведение таких молодых солнц. Оказалось, что потеря вещества чрезвычайно сильно влияет на «биографию» звезд. За свою жизнь они изменяют свою массу во много раз, а скорость их вращения сильно замедляется. А. Г. Масевич доказала, что наше Солнце вскоре после рождения было в десять раз массивнее и вращалось с бешеной быстротой.

Самый процесс рождения звезд из волокон туманности удалось увидеть академику В. Г. Фесенкову в Алма-Атинской горной астрофизической обсерватории.

Испытывая вместе со своими сотрудниками новый, только что установленный телескоп системы лауреата Сталинской премии Д. Д. Максутова, астрономы сделали несколько сот фотографий неба, чтобы проверить качество инструмента.

Рассматривая эти снимки, В. Г. Фесенков обнаружил, что на некоторых из них звезды соединены какими-то светлыми нитями. Считая, что он имеет здесь дело с дефектом фотопластинки, ученый для контроля сфотографировал те же области неба вторично. На новых снимках нити и волокна, идущие от звезды к звезде, оказались еще ярче. Сомнений не было: советские астрономы стояли перед лицом нового поразительного открытия.

Детальное исследование показало, что мы здесь воочию видим рождение звезд: тончайшие волокна туманности, сквозь великолепное стекло максутовского телескопа, распались на крохотные звездочки-зародыши, возрастом не старше тысячи лет...

В сентябре 1952 года в Риме собрался восьмой съезд Международного астрономического союза. На съезде присутствовало 430 ученых, представителей 35 стран. Советская делегация состояла всего лишь из 12 человек. Но вес советской астрономии во всем мире так велик, что из трех основных, научных, симпозиумов — широких обсуждений отдельных проблем — два были подготовлены учеными нашей страны.

Центральным вопросом на съезде была проблема эволюции звезд. Главным докладчиком по этому вопросу выступил В. А. Амбарцумян. Этому же вопросу были посвящены доклады Г. А. Шайна и В. Ф. Газе, а также В. Г. Фесенкова.

Что же могли противопоставить этим работам, основанным на фактах, стройным теориям, созданным самым сильным в мире коллективом советских ученых, западные космогонисты?

Буржуазными учеными-идеалистами, окончательно перешедшими в реакционный лагерь, когда-то была создана теория, что все звезды, несмотря на их кажущиеся различия, имеют одинаковый возраст, что все они родились одновременно, в один и тот же день и час.

Разными путями шли к этому выводу астрономы буржуазного Запада. Недавно умерший английский астрофизик Джинс говорил, что все звезды нашей Галактики одновременно родились из гигантской спиральной туманности; математик Милн «вычислил», что они мгновенно возникли в «естественный нуль-пункт времени», или, говоря словами библии, «в начале времен». Бельгийский ученый аббат Леметр «открыл», что весь мир появился в результате взрыва первичного «атома-отца» и с тех пор Вселенная неуклонно расширяется. Но за всеми этими «учеными» рассуждениями всегда кроется смутный облик «архитектора Вселенной», или, говоря проще, бога, творца видимого и невидимого.

Ныне даже и эти стыдливые псевдонимы отброшены прочь. Немецко-американский физик Паскаль Иордан в книге «Физика XX века» открыто пишет: «Позитивистская концепция предлагает новые возможности предоставления религии жизненного пространства, без противоречия с научной мыслью...»

Последними новинками буржуазной космогонии, модными среди ученых-идеалистов, являются работы того же Иордана, а также гипотезы группы английских астрономов, представителей так называемой Кембриджской школы.

Иордан совершенно серьезно пишет, что звезды рождаются «из ничего», в виде гигантского огненного всплеска абсолютной пустоты — так просто «разрешается» сложнейшая проблема происхождения небесных тел.

Глава Кембриджской школы Ф. Хойл утверждает, что дни творения еще не миновали, что материя и ныне все время создается «из ничего». Он стыдливо не называет имени этого создателя вещества, но, повидимому, считает, что это бог целыми пригоршнями бросает материю в расширяющуюся Вселенную, чтобы предотвратить ее окончательный распад. Правда, этот кембриджский бог мало производителен и создает всего лишь один атом в сутки на кубический километр мирового пространства...

Но астрономы-идеалисты не посмели выступить на съезде со своими вздорными теориями. Они поняли, что после выступлений советских ученых, так горячо встреченных большинством собравшихся астрономов, еще не отравленных ядом идеализма и стихийно тянущихся к материализму, их ожидает полный провал.

Большая и сложная проблема происхождения и развития звезд решена советскими астрономами далеко не до конца. Вернее будет сказать, что она лишь намечена. Но в эту работу включились сотни исследователей. И в этом залог будущих успехов нашей науки.

Еще не найдены первые звенья этого величественного процесса. Но, так или иначе, работы советских исследователей приводят нас к выводам, что молодые солнца рождаются группами, преимущественно цепочками, вереницами.

Советские ученые разными путями идут к раскрытию тайны рождения звезд. Но чем дальше проникают они вглубь Вселенной, тем больше загадок встречается на их пути. Работы здесь хватит не на одно поколение астрономов, потому что нет конца нашему движению вперед к познанию бесконечной великой Вселенной.

На наших вкладках

Страницы прошлого

Русско-турецкая война 1877—1878 годов нашла отражение в творчестве многих русских художников — Верещагина, Поленова, Крамского, К. Маковского, П. Соколова, Дмитриева-Оренбургского, Кившенко и других. Илья Ефимович Репин также не мог не откликнуться на события, занимавшие русскую общественность. Русскому солдату — простому мужику, одетому в серую шинель,— посвящены работы Репина: воспроизводимая картина «Проводы новобранца», жанровая картина «Вернулся», замечательное, но, к сожалению, мало известное полотно «Герой минувшей войны». На нем изображен солдат с котомкою за плечами. Он возвращается с фронта. В фигуре этой нет ничего героического — самый обыкновенный солдат, но именно он, подчеркивает Репин названием вещи, принес славу отечественному оружию. Характерно, что Репин задумал однажды написать торжественную встречу войск-победителей в Петербурге и, сделав эскиз, остыл к своему замыслу: парадный сюжет не был близок художнику.

Картину «Проводы новобранца» Репин писал в течение 1878—1879 годов, главным образом в 1879 году. Создавалась картина в Абрамцеве, где у Саввы Мамонтова собирались художники.

«Красота — дело вкуса; для меня она вся в правде» — известные репинские слова могут быть в полной мере отнесены к этой картине и особенно к ее центральной группе. Плачущая молодуха, растерянный, взволнованный новобранец — все взято из жизни. Слабее сделана правая сторона картины, писавшаяся, по утверждению И. Грабаря, Репиным наспех.

Автором публикуемой картины «Косцы» является Григорий Григорьевич Мясоедов (1835—1911). Замечательный художник и гражданин, Г. Г. Мясоедов всю жизнь был связан с товариществом передвижников, всю жизнь исповедовал верность заветам Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Широко известны картины молодого Мясоедова: «Бегство Гришки Отрепьева...» (1862 год), высоко ценимая Стасовым; «Заклинание» (1869 год), за которую художник получил звание академика; «Дедушка русского флота» (1871 год), где изображен Петр I. Наиболее значительно полотно «Земство обедает» — реалистическое произведение из крестьянской жизни, определившее весь дальнейший творческий путь его автора.

Одна за другой появлялись на выставках «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года», «Засуха», наконец, серия произведений, повествующая о крестьянском труде. Центральное в этой серии полотно «Косцы» (или «Страда») — глубоко народное произведение, написанное с отличным мастерством.

«Сортировка перьев» — картина Алексея Даниловича Кившенко (1851—1895), современника Репина и Мясоедова. Академик Кившенко наиболее популярен своей картиной «Военный совет в Филях в 1812 году». Однако с равным успехом работал он в батальной и жанровой живописи. Особенно удачны его картины в охотничьем жанре и среди них «По тетеревиным выводкам», «На псарном дворе» «Охота на зайца».

Кившенко был близок к передвижникам своими реалистическими сюжетами, мастерством живописи.

А. РЫБАКОВ

И. Е. Репин. ПРОВОДЫ НОВОБРАНЦА. Государственный Русский музей. Ленинград.

«Огонек».

Г. Г. Мясоедов. КОСЦЫ.

Государственный Русский музей. Ленинград.

А. Д. Кившенко. СОРТИРОВКА ПЕРЬЕВ.

Государственный Русский музей. Ленинград.

В ОДНОЙ ШКОЛЕ

Рассказы

И. ВАСИЛЕНКО

Рисунки О. Верейского

В ногу

Рассказ учительницы

Я классный руководитель. Мой седьмой класс по успеваемости — один из лучших в школе, а второе звено с его вожатым Ваней Кудриным — лучшее во всей пионерской дружине. Да и весь отряд нашего класса не из последних: ребята бодрые, способные на выдумки, умеют и веселиться и серьезными делами заниматься. Это наш отряд явился инициатором сбора металлического лома, а с него уже взяли пример все школы города. Наш отряд и лекарственных трав собрал столько, что аптекоуправление даже грамоту нам прислало. И все-таки нашему классу не хватало стройности и подтянутости.

И в педагогическом совете и в методических объединениях мы, педагоги, не раз толковали, как полнее использовать все сорок пять минут урока. Но усилий одних педагогов недостаточно: драгоценные минуты всегда будут теряться, если ими не дорожат сами ребята.

А ребята... Сегодня они не развесят заранее карты перед уроком географии, завтра во время урока обнаружится, что нечем мел стереть с доски; один тетрадь дома забудет, другой войдет в класс, когда уже идет урок, третий через головы учеников записку товарищу бросает... А сколько суеты, сколько лишних движений!

Вот у нас есть мальчик Витя Палаткин. Ходит он так, будто у него все кости перебиты. Ребята говорят: «Ты, Витя, изгибаешься на ходу, как гармонь». К доске он идет не по прямой, а по кривой, и как-то боком, будто танцует. Чтобы взять мел, он сначала направится к левой лунке, потом, заметив, что она пуста, взмахнет рукой и пойдет к правой. Ох, уж этот нелепый жест! Месяца два назад, отвечая по химии, он запнулся, потом вспомнил и, поправляясь, так взмахнул рукой, что со стола слетели две колбочки и стеклянная трубка. Класс, конечно, хохотал... Но так ли свободны от ненужных движений другие ребята? Вот разве Гриша Груздь? Да, он скуп в словах и жестах. Прежде чем сказать, всегда подумает. Очень хорош Ваня Кудрин: всем интересуется, все его волнует, а посмотришь, как он говорит, пишет, ходит, — и кажется, что нет более спокойного мальчика во всей школе. Подстать им еще трое — четверо. Но в классе ведь тридцать семь человек!

Когда я поделилась своими мыслями с Александром Петровичем, нашим молодым и пылким преподавателем физкультуры, он воскликнул:

— Наталья Ивановна, все дело в физкультуре! Добьемся общими усилиями, чтоб все тридцать семь человек делали дома утреннюю зарядку, — и вы класс не узнаете. Это будет ритм, а не класс!

Конечно, физкультура подтягивает, но одна она не решает вопроса.

Говорила я и с другими преподавателями.

Однажды учитель физики повел класс на завод гидравлических прессов, чтобы показать, как в промышленности используется закон Паскаля.

— Пойдемте с нами,— предложил он мне.— Кажется, вас там кое-что заинтересует.

Зная Павла Константиновича как человека, любящего преподносить сюрпризы, я не стала расспрашивать и охотно согласилась.

На заводе нас встретил заместитель главного инженера, совсем еще молодой человек с синими наивными глазами. Видно, ему впервые приходилось давать объяснения группе ребят, да еще в присутствии их учителей: он смущался, часто протирал очки и украдкой поглядывал на меня и Павла Константиновича.

Не стану рассказывать, как удивлялись ребята, когда перед их глазами наглядно и мощно действовали в стальных машинах законы, известные им лишь по книжкам: не об этом сейчас речь.

— Ну вот, в основном все, — закончил объяснение инженер и еще больше смутился. — Извините, если не сумел рассказать понятнее: я не педагог.

— Эх, таких бы педагогов побольше! — польстил Павел Константинович и вкрадчиво попросил: — Иван Николаевич, уж покажите нам заодно и вашего знаменитого Мухтарева.

— Мухтарева? Ну что ж! Только он в другом цехе...— Инженер озабоченно помолчал.— Мухтарев во время работы слова не скажет. И вообще не любит, когда говорят о нем в его присутствии. Мы сделаем так: я коротко расскажу, как он работает, а потом пройдем в механический цех и молча посмотрим. Работает Василий Васильевич Мухтарев, как вы знаете из газет, на продольно-строгальном станке...

— А что это такое — строгальный станок? — с обычной своей непосредственностью спросила Галя Чернышенко.

— Вот видите, — улыбнулся Павлу Константиновичу инженер. — А вы говорите: педагог... Строгальный станок, девочка,— это... Ну, как вам объяснить? Вы токарный станок видели?

— Видели! — хором ответили ребята.

— Ну вот! — обрадовался инженер.— А строгальный отличается от токарного тем, что снимает резцом металл по плоскости, а не по диаметру, то есть режет прямолинейно, а не кругообразно. Поэтому и детали получаются прямоугольные, а не круглые. Да это вы сами сейчас увидите. Задание от мастера Мухтарев всегда получает накануне: наряд, чертеж, заготовку. Приходит он до гудка и просматривает чертежи. Тут же выясняет, какие ему понадобятся резцы. Резцы ведь не одинаковые бывают: есть отрезные, есть подрезные, есть канавочные, проходные, специальные... Выяснив, Василий Васильевич начинает затачивать их и раскладывать на тумбочке и в тумбочке. Да не просто раскладывать, а в том порядке, в каком будет их брать во время работы. Покончив с резцами, принимается готовить мерительный инструмент: штангель, линейку, штангель-рейсмус и прочее. Затем подготавливает приспособления для крепления деталей: болты, зажимные планки, угольники. И тоже располагает в последовательности, в какой они будут использованы. Когда раздается гудок, у него уже все готово. Он приступает к работе.

...потом, заметив, что она пуста, взмахнет рукой...

— А это разве не работа — подготовить все? — опять спросила Галя.

— Да будет тебе! — толкнул ее кто-то локтем в бок.

— Ничего, ничего! — еще больше обрадовался инженер. — Работа, конечно, но работа подготовительная, а настоящая — это когда уже обрабатывается деталь. Так вот, Мухтарев устанавливает деталь сначала на большом станке, а потом переходит к малому. Дело в том, что большой станок и детали обрабатывает большие, а это требует и большего времени. Следовательно, большой станок можно пустить на самоход, а самому перейти на малый. Так Василий Васильевич и делает: на большом он изготовляет, скажем, боек для пневматического молота или станину, а на малом, скажем, прихват для фрезерного станка. А в результате три нормы за смену.

— Простите, Иван Николаевич, я правильно вас понял: три нормы только благодаря тщательной подготовке и вообще экономии в движении? — спросил Павел Константинович.

— Вот видите, опять не сказал, что надо, — смутился инженер и даже порозовел слегка.— Мухтарев уменьшает глубину резания, но увеличивает скорость. В результате длительных, настойчиво упорных комбинирований скорости с глубиной ему и удалось найти самую выгодную комбинацию. Но, как вы выразились, экономия в движении играет тут тоже немаловажную роль, я бы сказал, даже ведущую...

В механическом цехе мы остановились перед огромным «столом», который плавно двигался вперед и назад по двум металлическим параллелям. На нем была укреплена большая станина, вся в рыжей ржавчине. По мере того, как «стол» двигался, широкий резец строгал ее, обнажая темно поблескивающий металл. Человек небольшого роста, плотный, в очках (это и был Мухтарев), не глядя, протянул назад руку, к тумбочке. На ней лежал целый набор всевозможных инструментов и среди них песчаный камень. Рука легла прямо на камень, будто ее притянуло магнитом. «Стол» замер. Несколько легких движений камня по резцу — и «стол» опять в своем однообразном движении.

Мухтарев переходил от станка к станку, что-то крепил, поправлял, налаживал, но даже нам, несведущим, было видно, что движения его легки и точны. Казалось, завяжи ему глаза, он, как летучая мышь, на расстоянии будет ощущать окружающие предметы, и ничто не изменится в работе его станков.

Я смотрела на эти движения, и странное чувство овладело мною: казалось, что все во мне напряжено, будто и сама я занята работой, требующей внимания всего моего существа.

Я перевела взгляд на ребят. За многие годы работы с подростками я научилась почти безошибочно угадывать их мысли и чувства по позе, взгляду, улыбке... Но то выражение, почти общее для всех, которое я увидела сейчас на их лицах, поставило меня втупик. Любопытство? Удивление? Сосредоточенность? Все это было, но сверх этого было и еще что-то другое, для чего я никак не могла подобрать названия. Нет, это не восхищение, не

— Что, школяры, задал я вам задачу? Ну-ка, раскусите!

любование, а какое-то почтительное уважение и в то же время озадаченность.

Пока мы тут стояли и смотрели, Мухтарев ничем не обнаружил, что замечает наше присутствие. И только в последний момент, когда по знаку Ивана Николаевича все двинулись от станка, он поднял глаза, и из этих зеленоватосерых глаз, маленьких и глубоко сидящих, глянуло такое веселое лукавство, будто строгальщик спрашивал: «Что, школяры, задал я вам задачу? Ну-ка, раскусите!»

То ли ребята устали, то ли призадумались, но до трамвая шли все притихшие, присмиревшие. А у трамвайной остановки — неожиданная разрядка. Кто-то крикнул:

— Ребята, посмотрите, Витя Палаткин со всего завода ржавчину забрал!

Витю с хохотом окружили. Его спина, рукав, брюки — все было в ржавых полосах и пятнах. Оглядывая себя, он бормотал:

— Откуда оно налипло на меня?

С Павлом Константиновичем мы возвращались пешком. Он сказал:

— Вы не находите, что это даже красиво?

— Вот именно! — живо откликнулась я и тут же вспомнила слова Чехова из письма к Горькому: «Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация».

На другой день я беседовала с классом о виденном на заводе, задавала наводящие вопросы. Мне хотелось узнать, как все-таки ребята восприняли работу Мухтарева. Никто не сказал «красиво», тем более не было упомянуто слово «грация». Говорилось об экономии времени, о слаженности и скупости (слово, подсказанное им мною) движений. Но когда Клава Мельникова, председатель совета отряда, сказала: «Даже смотреть приятно»,— и я спросила: «А вам, ребята, тоже было приятно смотреть?»,— то сразу несколько голосов ответило: «Очень приятно, Наталья Ивановна!»

Прошла неделя. Разговор на эту тему не возобновлялся. Во время урока я подошла к доске и не обнаружила мела.

— Дежурный, а мел?

Дежурный был Витя Палаткин. Он сорвался с парты и бросился к двери. Даже в классе было слышно, как пробарабанил он каблуками по лестнице.

Кто-то прыснул:

— Вот подготовился! Прямо по-мухтаревски!

Ребята засмеялись. Клава сердито сказала:

— Вы лучше на себя посмотрите!

Витя вернулся с большущим куском мела и впопыхах положил его прямо на мой стол.

В тот же день ко мне в учительскую пришли Клава Мельникова и Ваня Кудрин. У Клавы на большом покатом лбу брови деловито сдвинуты.

— Наталья Ивановна, вот Кудрин предлагает провести сбор на эту тему. Знаете, такой... критический. Я думаю, давно пора. Как вы скажете?

Я не стала уточнять, на какую же именно тему: мне это было ясно, и этого я ждала от ребят с нетерпением.

Отряд готовился долго, точнее, готовились совет отряда и коллективный докладчик — второе звено. Они тщательно собирали материал, но до сбора держали его в секрете от остальных ребят. Вожатый отряда, десятиклассник Коля Николаев, так усердно помогал Клаве, что мне пришлось даже сдерживать его, чтоб дать больший простор самостоятельности ребят.

Сбор устроили вечером в своем же классе. Гриша Груздь, большеголовый, коренастый мальчик, расположился у самодельного эпидиаскопа и на все расспросы ребят, что он думает показывать, лишь крепче сжимал губы. Клава вопросительно взглянула на меня, сделала строгое лицо и объявила сбор открытым. Тотчас же погас свет. На стене задвигался светлый четырехугольник, потом он исчез, и на его месте появилось изображение Мухтарева у своего станка. Все дружно зааплодировали.

— Ребята,— начала Клава, когда опять зажегся свет,— мы, конечно, не строгальщики и не токари, а ученики, правда? Ну и что ж такого! Нам тоже интересно. Мы хорошо поняли, что у Василия Васильевича Мухтарева главное. Главное, чтоб в работе не было никаких бестолковых движений, правда? И еще — все заранее подготовить. А у нас как? Вот, например, мел. Разве это дело — до урока о чем-то мечтать, а во время урока бежать по-сумасшедшему вниз и притащить такой кусок, что его и двумя руками не удержишь! Галя Чернышенко подсчитала: пока Палаткин бегал за мелом, четыре минуты прошло. Да пока эту глыбу крошили — еще две. Целых шесть минут! — Клава помолчала и недовольно повернулась к Грише: — Ну, что же ты?

— А звонок? — напомнил тот.

— А, правильно! Мы условились, что я буду звонить.

Клава ударила карандашом по пустому стакану. Свет потух. На стене возник наш класс, Витя Палаткин, согнувшийся под тяжестью огромной глыбы, и ребята с раскрытыми от изумления ртами.

— Или еще такой случай,— продолжала Клава, когда все вдоволь насмеялись.— Идем мы с Ваней Кудриным домой, а впереди нас Петя Куракин, правда? Шел, шел, потом нагнулся и завязал шнурок на ботинке. Хорошо. Завязал и пошел. Но не прошел и полквартала, как опять нагнулся и опять завязал. И знаете, сколько раз завязывал, пока не скрылся у нас с глаз? Четыре раза, честное слово! Мы с Ваней считали. А почему завязывал? Очень просто: ему лень завязать один раз, но крепко, вот шнурок и развязывается, правда? Даже неприятно смотреть.

— При чем тут шнурок? — недовольно пробурчал Петя.— Вали всё в кучу.

— А вот и при чем! — тотчас же отозвалась Клава и даже ладонью прихлопнула по столу.— Ты думаешь, что подтянутым нужно быть только в классе, правда? А подтянутым надо быть всегда, даже когда ты дома и тебя никто

— ...мы хорошо поняли, что у Василия Васильевича Мухтарева главное...

не видит. Вот воображай, что на тебя кто-нибудь смотрит, и подтягивайся.

Тут Клава спохватилась и позвонила.

Петю изобразили шагающим по улице в одном ботинке, другой, расшнурованный, лежал позади на тротуаре и так жалко сморщился, будто плакал.

— Теперь Ваня Кудрин расскажет, как его друг Толя Лямин неожиданно получил по диктанту тройку.

Ваня подошел к столу и лукаво посмотрел на своего друга.

— Я расскажу, как сам Толя мне рассказывал. Все дело в пере. У Толи старое перо уже не писало, а царапало. Толя старое перо выбросил, а по дороге в школу купил новое. Наталья Ивановна предупреждала, что в пятницу будет диктант (глаза у Вани опять засветились лукавством), вот Толя и приготовился. Раскрыли мы тетради, ждем. Ждет и Толя. Конечно, не волнуется, потому что по диктанту

— ...вот вы тут аплодировали Клаве Мельниковой, а я не аплодировала...

он всегда пять получал. Наталья Ивановна продиктовала. Толя обмакнул новое перо и только начал «М» выводить, а капля с пера взяла да и скатилась на тетрадь. Толя поискал промакашку — нет промакашки. Он языком каплю и слизал. Но все равно след остался. Пока он с каплей возился, Наталья Ивановна начала уже второе предложение диктовать, а Толя еще первое не дописал. Заторопился он и второпях не заметил, как вместо «кругосветное путешествие» написал «другосветное кутешествие». Стал писать второе предложение, а с пера опять капля на тетрадь. Он опять каплю языком. Четыре капли так слизал. На перемене уж он полоскал, полоскал рот, но все равно язык до самой географии оставался фиолетовым. И целый день ругал Толя новое перо. А потом, как получил обратно тетрадь с тройкой, себя стал ругать: «Дурак я, дурак! Знал же, что новые перья чернила спускают. Надо ж было его раньше расписать!»

Звон стакана — и на стене все видят взъерошенного Толю Лямина: он высунул фиолетовый язык и рачьими глазами смотрит на тетрадь, разукрашенную чернильными пятнами. Пока ребята хохотали, Ваню сменила у стола остроглазая Галя Чернышенко. По классу пронесся шепот: «Уж Галя скажет! Как иголкой уколет!»

— Ребята,— начала она и взглядом уколола сразу всех, кто сидел перед нею,— вот вы тут аплодировали Клаве Мельниковой, а я не аплодировала...

— От тебя дождешься аплодисментов! — не выдержала Клава, но тут же спохватилась и

официальным тоном сказала: — Продолжай, не смущайся.

— А я и не думала смущаться,— пожала Галя острым плечиком.— Да, не аплодировала. А зачем же она после каждого слова спрашивает: «Правда?»? Я подсчитала: Клава говорила две с половиной минуты и за это время пять раз сказала «правда». Это если каждый будет говорить ненужные слова, так сколько на них время уйдет! А у нас есть такие охотники. Вот, например, Сеня Сухоручкин...

— Так и знал, что меня зацепит,— сказал Сеня и, надувшись, отвернулся к стене.

— Полюбилось ему «э-э-э» говорить. «Во всякий треугольник... э-э-э... можно вписать окружность... э-э-э... и притом... э-э-э... только одну». Прямо на нервы действует, честное слово! Или вот Ваня Кудрин...

— Уж и до Кудрина добралась! — удивились ребята.

— Конечно, он пионер, каких мало. И не только в нашем отряде, а во всей дружине. Но зачем он «значит, так» говорит? Спросит его Павел Константинович про закон Ома, он обязательно скажет: «Значит, так: сила тока в проводнике прямо пропорциональна напряжению на концах проводника...» и так далее. А помните, как Наталья Ивановна велела ему «Парус» прочитать? Он встал и сказал: «Значит, так:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...»

Подождите, я не кончила! — подняла Галя руку, когда все засмеялись и зааплодировали ей.— Я о Грише Груздь еще скажу. Все Гришу хвалят: «Солидный парень!», «Положительный человек!» Это за то, что он не любит болтать, а говорит всегда кратко. Но вот какой у Гриши недостаток: он слишком долго думает. Спросит его о чем-нибудь учитель, он стоит у доски и думает. Даже кажется, что он урока не знает. А он знает, только отвечает мысленно. Когда мысленно ответит, тогда уже вслух начинает отвечать. Это что же такое? Если каждый будет мысленно отвечать, так тут все заснут на уроке. Ты дома мысленно отвечай, когда учишь, а тут по памяти.

— Не думая? — иронически спросили ребята.

— Как это «не думая»? Думай и отвечай, думай и отвечай. Да вы не смейтесь! Я правильно говорю! Надо развивать быстроту соображения, вот что!

Не дожидаясь звонка, Гриша чем-то щелкнул в эпидиаскопе, и на стене появилось новое изображение: все ребята, положив руки на парту, а голову на руки, спят; спит за столом и учитель Павел Константинович, а сам Гриша Груздь стоит у доски и, приложив палец ко лбу, думает.

— Кто рисовал? Кто рисовал? — послышались вопросы.

— Сам Гриша Груздь,— торжественно ответила Клава.

Раздались такие аплодисменты, что всякий на месте Гриши растаял бы от удовольствия, но Гриша и бровью не повел.

Когда коллективный доклад закончился, некоторое время все молчали, только переглядывались. Потом руку подняла самая тихая из всех девочек, Леля Максимова. Она робко спросила:

— А можно рассказать, как мы с Натальей Ивановной возвращаемся домой?

— Что? — не поняла Клава.

Но Леля молчала и выжидательно смотрела на Клаву.

— Ладно, говори, там посмотрим,— разрешила Клава.

— Нам с Натальей Ивановной по дороге,— так же робко начала Леля.— Мы часто возвращаемся домой вместе. Если Наталья Ивановна несет много тетрадей, я ей помогаю. И всегда Наталья Ивановна говорила мне: «Леля, смени ногу!» А я не понимала, зачем менять ногу. Если бы я шла с Натальей Ивановной под руку, как я хожу с Мусей Мацуриной, тогда неудобно идти не в ногу, а если не под руку, так я не замечаю даже, в ногу или не в ногу мы идем. Теперь Наталья Ивановна так меня приучила ходить в ногу, что с кем бы я ни шла, хоть бы и не под руку, мне все равно неудобно идти не в ногу. И когда в ногу, то легче идти и быстрей. В ногу можно много пройти, правда?

Все смотрели на Лелю выжидательно: не скажет ли она еще что-нибудь? Леля покраснела и, пролепетав: «Вот это только я и хотела сказать»,— села.

Меня догнал Витя Палаткин.

Ничего другого, конечно, Леля и не думала этим сказать, но и того, что она сказала, было достаточно, чтобы наполнить меня чувством глубокого удовлетворения. И когда после Лели поднялся Олег Макаров, я уже была уверена, что и он скажет что-нибудь важное. Так и вышло.

— Я не готовился,— сказал он,— но все равно попробую. Здесь Клава советовала Палаткину воображать, будто на него смотрят, воображать и подтягиваться. А ведь это верно. Вот со мной было. Еще до того, как мы ходили на завод, я вставал в семь утра и еле успевал все сделать до школы. То забуду, что крем для ботинок положил на шкаф, и ищу его под шкафом, то щетка куда-нибудь запропастится, то карандаш чиню тупым ножом, то еще что-нибудь такое. Потом, когда я увидел, как работает этот знаменитый строгальщик, я стал представлять себе, будто он с меня глаз не спускает. Что бы я ни делал, а он все смотрит и смотрит. И тогда я стал здорово подтягиваться, честное слово! Вот, например, я раньше книжки обертывал бумагой, как попало. Оберну, а книжка опять из бумаги выползает, или бумага порвется. Начал я позавчера обвертывать и тут же представил себе, что Мухтарев стоит и смотрит, как я это делаю. Я подумал, примерил и так плотно обвернул, что теперь бумага уже ни за что не сползет. Ну, и многое такое же...

Я возвращаюсь домой. Вечер выдался с легким морозцем, со звездным в прозрачном тумане небом, с молодым, только утром выпавшим снегом. Меня догнал Витя Палаткин.

— Наталья Ивановна, я вас провожу, можно? А то уже поздно.

— Что ж, пойдем.

Некоторое время он шел молча, потом коротко засмеялся и опять умолк.

— Чему ты? — спросила я.

— Так, ничему...— И тут же охотно объяснил: — Я думал, они только меня будут... Ну, Петю Куракина... А они всех! Даже Ване Кудрину попало! А Гриша... сам на себя карикатуру приготовил. Вот парень! — Он вдруг охнул и, чиркнув подошвой, сменил ногу. Прошел несколько шагов и, будто удивляясь, сказал: — А верно, в ногу лучше идти. Так далеко можно пройти, правда, Наталья Ивановна?

— Правда! — сказала я весело.— Правда!!

Происшествие

Рассказ вожатого звена

Однажды пионерский отряд нашего класса решил устроить сбор на тему «Борьба за мир». Это не так легко — подготовить такой сбор: тут надо хорошо разобраться в политике и в текущем моменте. Наш вожатый, десятиклассник Коля Николаев, так на совете отряда и сказал: «Это вам будет вроде экзамена на политическую зрелость». Впрочем, он тут же поправился. «Это,— сказал он,— покажет уровень вашего политического развития, а политическая зрелость, поскольку вы только в седьмом классе, у вас еще впереди». Там же, на совете, мы распределили, кому что готовить. Например, сам Коля Николаев сделает вступление, мое звено, то есть звено номер два, возьмет себе Францию, и так далее.

Перед тем, как собрать свое звено, я долго думал, кто из нас лучше справится с таким поручением. Вот, скажем, Толя Лямин; он мне друг, мы вместе готовим уроки по физике и русскому, но, говоря откровенно, он не самый способный в нашем звене. И потом он любит спорить, чтоб свою самостоятельность показать. Поспорит, поспорит — и согласится. Спрашивается: зачем же было спорить?

Или вот Николай Хорошаев. На вид он очень подходящий: высокий, широкоплечий. Но у него что-то с сердцем. И когда волнуется, то начинает немножко заикаться.

Есть у нас еще Галя Чернышенко. Она ничего, и учиться стала хорошо, а на катке даже приз получила, но очень уж колючая: глаза у нее острые, нос острый, плечи острые, косичка — и та острая. И язык такой же. Мы ее даже боимся, честное слово! Но, правду сказать, уважаем за прямоту.

Из девочек в нашем звене есть еще Оля Кучеренко (ее по фамилии только учителя называют, а мы все зовем «Оля беленькая»). Это вот какая девочка: она все болтает и болтает. То о том, как она лимонное дерево на террасе у себя выращивает, то о каких-то вышивках болгарским крестом и гладью. Конечно, она выращивает и вышивает, но зачем так много об этом говорить? Подумаешь, важность какая — платочки вышивать! Из троек она не вылезала полгода, а разговаривала только о «мулине» и «ирисе». Придет в класс и прежде всего: «Девочки, у кого есть зеленые нитки?» Пришлось всем звеном вытягивать ее из троек. У нас у всех сложилось о ней мнение, что она несерьезная и любит хвастать.

Думал я, думал и решил, что лучше Гриши Груздь с таким делом никто не справится. Гриша ни одного слова не скажет, не подумав.

Гриша ни одного слова не скажет, не подумав.

Потому и говорит он всегда правильно. И так коротко, будто ему жалко слов.

Собрал я звено, все рассказал и спрашиваю:

— Ну как, ребята, кому поручим?

Все как закричат:

— Тебе-е!..

А я, когда думал, кому поручить, о себе подумать забыл.

Тут Галя вмешалась.

— Что это такое? — говорит.— Все Кудрин да Кудрин! Или мы калеки какие! Пусть Гриша Груздь выступит.

А Оля:

— Ну-у, Гриша! Он больше пяти слов подряд никогда не говорит.

Галя ей:

— Вот и хорошо. А тебя заведи, так потом не остановишь.

Оля рассердилась и говорит:

— Галя всегда на личности переходит. Вот в прошлом году...

И принялась рассказывать, что было в прошлом году, так что даже все закричали:

— Короче! Короче!..

— Ну, как, Гриша, сделаешь? — спросил я.

Гриша подумал и сказал:

— Сделаю.

И больше уж никто не спорил.

На другой день я принес Грише журнал «В защиту мира», который специально для этого купил в киоске, потом мы вместе ходили в библиотеку и там перелистали «Комсомольскую правду» за целых полгода, потом были в Доме пионеров... Словом, готовились основательно. И все больше молча. Гриша — такой человек: если его о чем-нибудь не спросишь, так он сам ни за что не заговорит.

Но один раз, когда мы возвращались из школы, он сам меня спросил:

— Правда, что у Оли есть шрам за ухом или мне показалось?

— Конечно,—говорю,—есть. Только она его косой закрывает. А что?

— Так, ничего.— И погрозил: — Вот я отца на сбор приведу, тогда узнаете!

И опять замолчал. Так больше ничего и не сказал. Вот какой человек!

Надо сказать, что еще никогда ребята не готовились с таким интересом и так старательно, как на этот раз. На сбор пришли все тридцать два человека, а некоторые даже с родителями. Мы сначала думали собраться в классе, а тут, как увидели, сколько народу явилось, забрали плакаты, портреты, цветы и пошли в пионерскую комнату.

Сначала выступил наш Коля Николаев. Он сделал только общий обзор, а подробно рассказывали уже другие. Например, вожатая первого звена Люся Прудникова рассказала, что делается в Корее. Очень хорошо говорила, с жаром. Но вот что я заметил: когда она рассказывала, Гриша Груздь переглянулся с одним человеком в железнодорожной форме и показал ему глазами на кого-то из нас... Вот только я не понял, на кого именно. Человек этот посмотрел и кивнул Грише головой. И Толя это заметил и даже спросил меня: «Чего это они переглядываются?»

Потом наступила очередь выступать Грише. Разве легко рассказать о научных открытиях Жолио-Кюри? А Гриша рассказал, да так понятно, что просто удивительно! И я заметил, что всем было приятно. То есть приятно то, что во главе Всемирного Совета Мира стоит такой великий ученый и несокрушимый борец. Рассказал Гриша и об Анри Мартэне. Но больше всего взволновал всех нас его рассказ о Раймонде Дьен: как она легла на рельсы, чтоб остановить поезд с оружием для войны против вьетнамцев, как ее судили и как мужественно она держалась на суде и в тюрьме. А ведь Раймонде Дьен было тогда всего двадцать лет!

Из других звеньев тоже неплохо выступали, но, по-моему, лучше Гриши никто не говорил.

После ребят слова попросила мать Люси Прудниковой и рассказала, как на кирпичном заводе, где она работает, перевыполняют план и стахановским трудом укрепляют мир.

И тут поднялся на трибуну железнодорожник. Был он в новеньком кителе с блестящими пуговицами и серебряными погонами, а в левой руке держал фуражку с красной звездой и скрещенными молотком и гаечным ключом. Теперь, когда он стоял на виду, все заметили, что он похож на нашего Гришу: ну, прямо вылитый Гриша, только лет на двадцать старше. Поднялся и говорит:

— Товарищи пионеры! То, что вы тут рассказывали, было интересно слушать даже нам, взрослым. Видно, что вы растете сознательными гражданами. Да и учитесь, как отметил сегодня ваш вожатый, неплохо, а это значит, что вы боретесь за мир вместе с нами.— Он подумал, будто проверял, правильно ли это, и повторил: — Да, именно так. Кому что: мы, взрослые, боремся за мир стахановским трудом, вы, молодые, отличной учебой. Здесь гражданка Прудникова рассказывала, сколько ее товарищи дали сверх плана кирпича. А я расскажу, как мы, паровозники, доставляем этот кирпич на места строек, перекрывая график. Да и не только кирпич, а многое такое, без чего жизнь стала бы на мертвую точку.

Рассказал он это, потом и спрашивает:

— Вам не надоело слушать?

Мы хором:

— Не-ет!..

— Ну, если нет, так и еще поговорим. Расскажу вам про одно происшествие. Вот сын мой Григорий доложил здесь про всемирноизвестный случай — как французская патриотка Раймонда Дьен легла на рельсы. Честь ей и слава! Борьба за правое дело всегда рождала героев. А известна ли вам наша, советская девочка, которая тоже легла на рельсы, чтобы предотвратить крушение поезда?

— Нет,— ответили мы.— Про такую мы не читали.

Гришин отец усмехнулся:

— А между тем она сидит с вами.

Мы вскочили, оглядываемся, вытягиваем шеи. Но сколько ни смотрели, никакой такой девочки не увидели: все девочки были свои.

— Не видите? — опять усмехнулся он.— Ну, садитесь и слушайте дальше. Случилось это происшествие на последнем к городу перегоне. Может, вы заметили: отсюда все больше следуют поезда, груженные железными трубами. Такие, знаете, восьмидюймовые, длиною во всю железнодорожную платформу. А навстречу все больше идут наливные составы: с керосином, с нефтью, с бензином. Я машинист, езжу на грузовом паровозе серии «Л», или, как у нас говорят, на «Лебеде». В тот самый день вел я поезд с нефтью. Какая тут ответственность, сами понимаете: случись крушение — сгорит все без остатка. Сижу я на своем месте и зорко смотрю в окно. Вдруг вижу: недалеко от того места, где путь закругляется вправо за лесок, бежит по пути какая-то девочка и машет руками. Дети это часто делают: увидят поезд — и ну махать, а некоторые даже танцуют. Вот тут и соображай, что это — сигнал остановки или обыкновенное приветствие. Впился я в девочку глазами, а руки уже на управлении. Вдруг девочка падает на рельсы, прямо поперек пути. Тут уж не до гаданья: немедленно закрываю регулятор и поворачиваю ручку крана в экстренное положение. По всему составу судорога прошла, но расстояния оставалось в обрез, и о плавности остановки мечтать не приходилось. Девочка вскакивает, подбегает к паровозу и кричит: «Дядя, дядя, там, за леском, труба на рельсах лежит!» Я сразу все понял: как раз перед этим нам повстречался состав с трубами. Видно, на какой-то платформе крепление ослабло, труба и скатилась на соседний путь. «Далеко?» — спрашиваю. «Нет, близко. Я ее тянула-тянула, да она тяжелая...» Помощник соскакивает с паровоза и бежит вперед. Девочка — за ним. Немного спустя помощник возвращается и говорит: «Можно ехать. Туда как раз обходчик подоспел и освободил путь». «А девочка?» — спрашиваю. «А девочка убежала. Говорит, ее мать на огороде ждет». «Да ты ж хоть узнал, кто она?» «Спрашивал. Она на бегу что-то крикнула, да я не разобрал, что. Только и заметил, что у нее белый шрамик за ухом».

Тут все ребята как закричат:

— Это Оля!.. Это наша Оля беленькая!..

— Правильно! — весело сказал машинист.— Это была ваша Оля Кучеренко. Вот она сидит. Я ее сразу узнал. А помог мне ее разыскать мой Гриша. Конечно, по моему описанию.

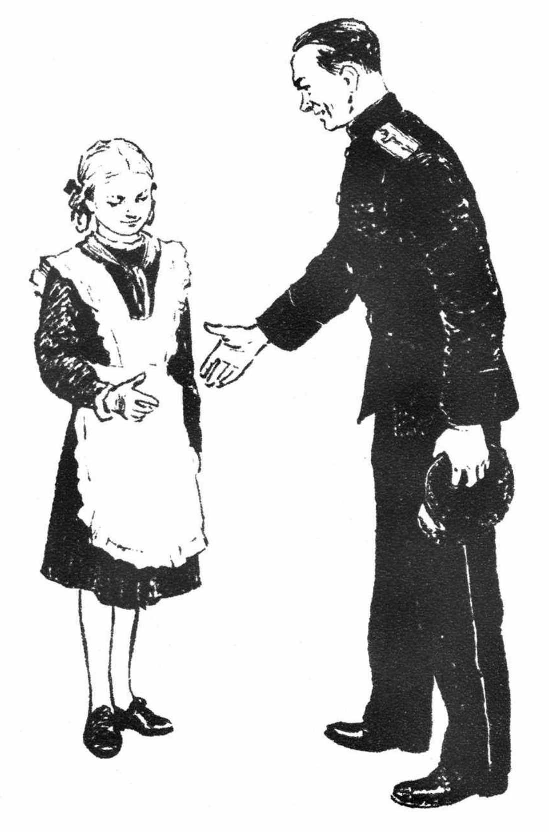
С этими словами машинист подошел к Оле и протянул ей руку.

— Ну,— говорит,— здравствуй, Олечка!

А Оля так растерялась, что даже руку не сразу подала; стоит вся розовая, и слезинки в глазах.

Потом, когда сбор кончился, мы окружили Олю и давай ее расспрашивать да рассматривать... Ну, честное слово, будто первый раз видели. А старший Груздь и говорит нам:

— Мой Гриша хоть и немногословный, однако держит меня в курсе всех ваших школьных дел. Знаю я и про то, какого неважного мнения вы были об Оле. И вот что я вам скажу: большой перед вами путь жизни. Пройдете вы ее и по главным магистралям и по боковым веткам. И всюду будете встречать людей. Запомните основное правило: *никогда не надо судить о человеке скондачка, легко.* Человек — существо сложное.

—Ну,— говорит,— здравствуй, Олечка!

О радости жизни

Дмитрий КОВАЛЕВ

До чего же хорошо живется,
если к жизни ты не равнодушен!

До чего же ярко светит солнце,
если другу раскрываешь душу!

До чего же все свежо и ново,
если смотришь ты вперед с волненьем!

Как же чувствуешь родное слово,
если тронет песня откровеньем!

До чего ж земля кругом просторна
и работа радостна простая,
если знаешь, рассевая зерна,
что не ты один богаче станешь!

До чего же возвращаться любо
после очень длительной разлуки,
если так давно тоскуют губы
и объятий сильных просят руки!

Пусть для нас сияет солнце в небе!
Пусть звучат слова родимой речи!

Пусть, кто сеет,— думает о хлебе!
Пусть, кто любит,— думает о встрече!

ПОЭТ-ДЕКАБРИСТ

Сто пятьдесят лет прошло со дня рождения А. И. Одоевского. Невольно вспоминаешь строки посвященного ему стихотворения М. Ю. Лермонтова:

Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

Передовая Россия устами Пушкина обещала декабристам:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Декабристы верили в это. От их имени Одоевский отвечал Пушкину:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...

Одоевский верил и знал, что грядущие поколения подхватят «и чувства жар, и мыслей свет». Он писал в «Элегии»:

Но вечен род! Едва слетят
Потомков новых поколенья,
Иные звенья заменят
Из цепи выпавшие звенья...

И как бы развивая эти мысли, Н. П. Огарев — представитель следующего поколения дворянских революционеров — вспоминал впоследствии свою встречу с Одоевским в 1838 году: «Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь... Дело было не в моих стихах, а в отношении к начавшему, к распятому поколению — поколения, принявшего завет и продолжающего задачу».

В революционной агитации последующих десятилетий стихотворения Одоевского наряду со стихами Рылеева занимали выдающееся место.

Правда, судьба литературного наследия поэта сложилась так, что влияние его творчества на русскую поэзию, на русское общество было все же слабее, чем оно могло быть. В течение многих лет царская цензура запрещала даже упоминать об Одоевском; отдельные, напечатанные анонимно стихотворения оставались забытыми на страницах журналов и альманахов. Созданные на каторге и в ссылке, записанные в основном друзьями-декабристами, стихи его лишь постепенно становились известны. Около четверти дошедшего до нас литературного наследия Одоевского увидело свет только после Великой Октябрьской социалистической революции.

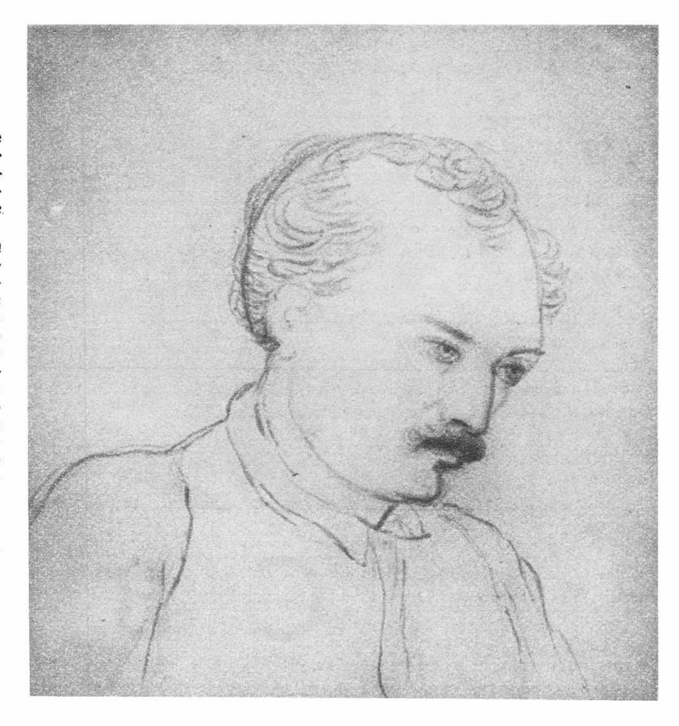
Советские исследователи разыскали замечательные революционные стихи, написанные поэтом во время перевода декабристов из Читинской тюрьмы в Петровскую, такие глубоко патриотические стихотворения, как «Тебя ли не помнить? Пока я дышу...», «Осада Смоленска», «Тризна», цикл вольнолюбивых стихов о Новгороде и Пскове, запрещенное цензурой окончание «Колыбельной песни», посвященное Рылееву. Все это было раньше неизвестно.

Советские исследователи опровергли господствовавшую в прежнем литературоведении точку зрения на поэзию Одоевского. Было, в частности, установлено, что Одоевскому приписывался ряд чужих стихотворений — П. П. Ершова, Э. Губера и других авторов. Эти стихотворения искажали облик поэта, создавали необоснованное представление об упадке его творчества в последние годы жизни.

Но все же и биография и творчество Одоевского еще не достаточно изучены и до сих пор.

Сам поэт, повидимому, не хранил своих произведений. Они разошлись по личным архивам его друзей, а условия каторги, сибирской ссылки и солдатской жизни на Кавказе не способствовали их сохранности. Некоторые стихотворения известны лишь по заглавиям или по содержанию. Так, декабрист А. П. Беляев признавался, что третья песнь поэмы «Василько», должно быть, выпала из его бумаг при переезде с квартиры на квартиру.

Но, конечно, надо надеяться, что далеко не все утрачено безвозвратно. Совсем недавно, например, удалось обнаружить текст стихотворения, которое Одоевский читал при встрече Огареву и о котором тот впоследствии вспоминал в очерке «Кавказские воды».

А. И. Одоевский на Кавказе.

Не так давно обнаружены и автографы нескольких стихотворений, в частности — автограф стихотворения «Брак Грузии с русским царством», подтвердивший, таким образом, принадлежность Одоевскому этого стихотворения, посвященного присоединению Грузии к России.

«Белым пятном» в биографии Одоевского является его пребывание на Кавказе. Об этом периоде его жизни сохранилось меньше всего сведений и сложилось больше всего легенд. Из произведений этой поры пока известны лишь шесть стихотворений.

М. БРИСКМАН

Из почты «Огонька»

Музей в Минусинске

В 1937 году делегаты Всемирного геологического конгресса, происходившего в Москве, отправились на экскурсию по нашей стране. Группа ученых пожелала побывать в маленьком сибирском городке Минусинске.

Что привлекло в Минусинск ученых-геологов? На это ответил один из них, оставив в книге посетителей следующую запись:

«Минусинский краеведческий музей может составить гордость любой столицы мира».

И в самом деле. Работники музея собрали ценнейшие экспонаты, характеризующие развитие материальной культуры.

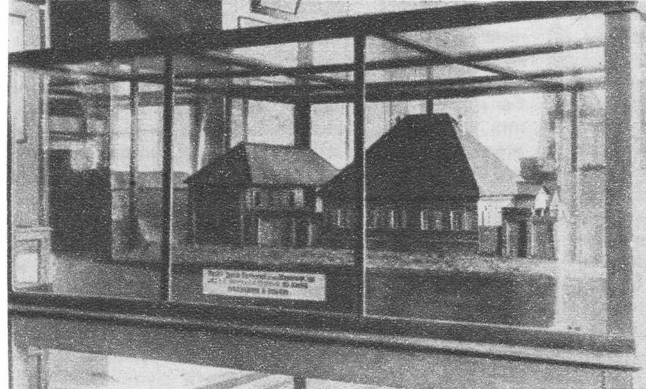
В Минусинской котловине, в степях Хакассии, по берегам Енисея и его притоков сохранились многочисленные древнейшие памятники. Буквально в двухстах метрах от здания музея на Енисее расположен Тагарский остров. Здесь были найдены ценные памятники тагарской культуры, раскопаны курганы с погребениями в подземных деревянных камерах, относящихся к первому тысячелетию до нашей эры и первым векам нашей эры. На скальных рисунках тагарской эпохи обнаружены изображения человека с мотыгой в руках. В степях Минусинской котловины были найдены старинные оросительные каналы.

В Минусинском музее собраны памятники древности. Тут орнаментированные яйцевидные глиняные сосуды, каменные орудия, редкие изделия из бронзы второго тысячелетия до нашей эры, бронзовые кинжалы, изогнутые ножи с ручками, украшенными изображением головы зверя, серебряные сосуды. Более 118 тысяч экспонатов имеется в фондах Минусинского музея.

Большую ценность представляют хранящиеся в музее остатки древнего дворца. Этот дворец сравнительно недавно — в 1941—1945 годах — был раскопан В. П. Левашовой и Л. А. Евтюховой. Дворец представлял собою глинобитное сооружение. Сохранились трубы из плитняка, по которым шел горячий воздух для отопления помещения. В музее хранятся бронзовые личины, черепичная облицовка с надписями на китайском языке — пожеланиями многолетия хозяевам дома. В экспозиции воспроизведен разрез этого древнейшего дворца.

В 1951 году из Горно-Алтайской области в музей доставили бронзовую статую Будды, найденную на глубине трех метров. Имеется многочисленная коллекция костей мамонта, рогов древних животных.

Здесь хранятся не только древности. Широко отражены в залах музея природные богатства Минусинской котловины. В одной из витрин изделия из цветного художественного стекла. Еще 80 лет назад оставшийся неизвестным художник из народа создал эти изящные вазы и бокалы на стекольном заводе близ Минусинска. И сейчас энтузиаст-краевед, директор музея, коммунист, Павел Парфеньевич Сиротенко ратует за возрождение и развитие стекольной промышленности на юге Красноярского края.

Макет дома в селе Шушенском, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская во время пребывания в ссылке.

Фото П. Стахнева

Экскурсанты, осматривая библиотеку музея, узнают, что в конце прошлого века ее посещали Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская, находившиеся в шушенской ссылке.

Под стеклом на пожелтевшем от времени листке список читателей библиотеки. И среди них дорогое имя Владимира Ильича.

Ленинская комната посвящена жизни и революционной деятельности В. И. Ленина в период шушенской ссылки. Тут макет дома крестьянки Петровой, на квартире у которой жил Владимир Ильич, макет домика в селе Ермаковском, где в 1899 году проходило организованное В. И. Лениным знаменитое совещание 17 политических ссыльных марксистов, на котором принимался написанный Владимиром Ильичем «Протест российских социал-демократов».

Установлено, что в дореволюционные годы библиотека музея служила местом тайной явки минусинских большевиков. На стендах запечатлена история борьбы за власть Советов в Минусинске, история партизанского движения в крае.

Обширен советский отдел музея. Здесь знакомишься с передовым опытом в сельском хозяйстве Сибири. За годы советской власти в Минусинском и соседних районах созданы совершенно новые отрасли сельского хозяйства. В южных районах Красноярского края на площади в 3 тысячи гектаров раскинулись фруктовые сады. Тонкорунное овцеводство стало доходнейшей отраслью минусинских колхозов.

* * *

Над входом в музей на чугунной плите выбита надпись: «Музей имени Николая Михайловича Мартьянова».

Николай Михайлович Мартьянов — основатель музея, существующего почти 75 лет.

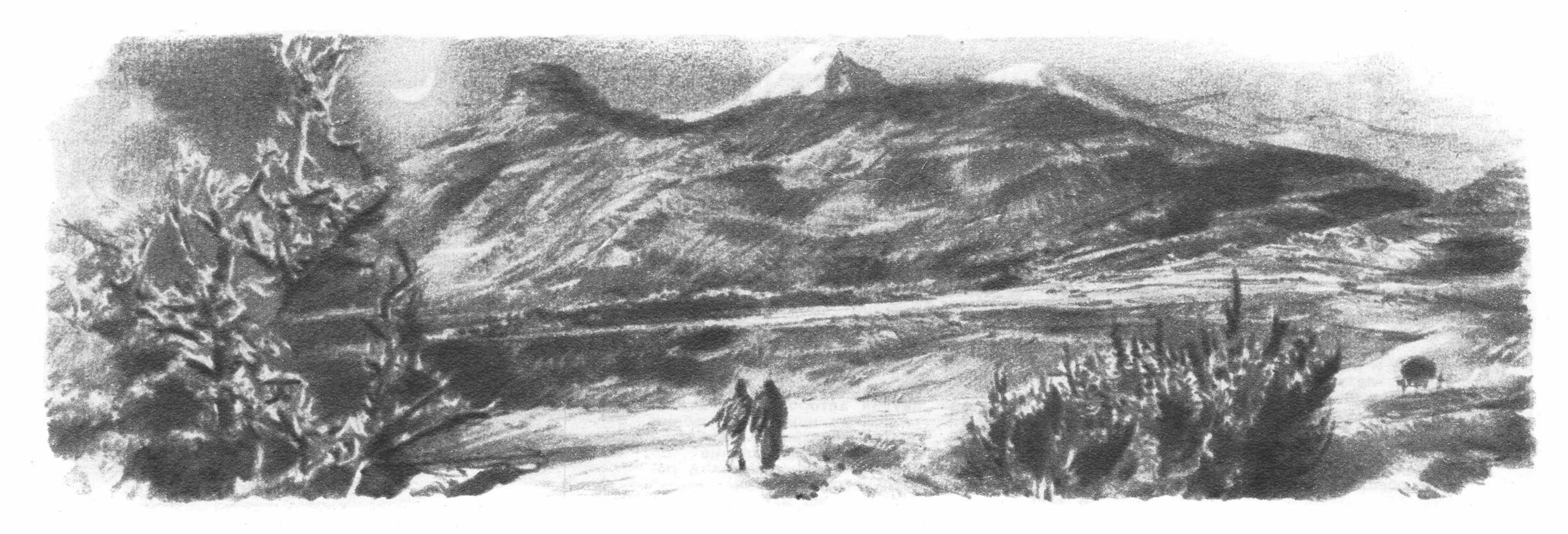
Свою трудовую жизнь Н. Мартьянов начал с 12 лет, работая аптекарским учеником. В 1874 году он приехал в Минусинск и здесь в течение 30 лет, до самой смерти, трудился над созданием краеведческого музея: сам собирал экспонаты, работал над их изучением, выполнял всю черновую работу. В воспоминаниях о Мартьянове читаем: «При музее и библиотеке в те времена не было даже сторожа, и Николай Михайлович мел полы в музее и вытирал пыль. Он же вел всю переписку, все отношения с учеными учреждениями и лицами и вообще делал огромную работу, посильную нескольким лицам».

Потомки не забыли выдающегося энтузиаста. В августе 1951 года на территории музея был открыт памятник Н. М. Мартьянову.

В нынешнем году в Минусинске закончат строительство нового здания для музея. В нем разместятся тысячи ценнейших экспонатов, которые пока находятся в хранилищах.

Открытие музея имени Н. М. Мартьянова в новом здании явится большим событием в культурной жизни не только Минусинска, но и всей Сибири.

И. ТУРОВ,
редактор газеты
«Власть труда»

СВАДЬБА

Рассказ

Кришан ЧАНДАР

Рисунки В. Климашина

Когда пришла весна, на тутовом дереве стали набухать почки, а сухие и темные сучья, стряхнув с себя зимнюю черноту, побурели, потом из бурых превратились в розовые, а из розовых в зеленые гибкие ветви. Вскоре из глазков начали пробиваться тонкие стрелки молодых побегов, а из лопнувших почек показались нежные, как шелк, молодые листочки.

А к концу весны тутовое дерево стояло одетым в пышный зеленый наряд из молодых листочков и свежих побегов. Гибкие руки побегов, казалось, искали кого-то в воздухе; нежные, едва распустившиеся листочки стыдливо трепетали под ласковыми прикосновениями ветра. В зеленых стаканчиках листьев сверкала прозрачная дождевая вода, и всякий раз, когда листочки вздрагивали под порывами ветра, вода выплескивалась из них, словно вино из чаши захмелевшего виночерпия.

А когда пришли жаркие дни и лето окончательно вступило в свои права, каждый молодой побег дерева стал ветвью, наполовину свернутые листочки открыли глаза, потянулись, зевнули и развернулись и, развернувшись, стали причудливо изогнутыми зубчатыми листьями, сначала гладкими, потом слегка шероховатыми. Прекрасные листья создала природа! Потом листья задрожали, ветви изогнулись, закричали попугаи, и пришла осень.

А с приходом осени появились пчелы. Поверхность листьев стала липкой от выступившего сока, который прозрачными каплями стекал по стебелькам. Из гущи листвы выглядывали спелые ароматные ягоды. Золотисто-розовые, рубиновые, продолговатые, они сверкали, как драгоценные подвески. Листья, казалось, плясали от радости, и в воздухе, напоенном слабым ароматом тута, слышалось гудение пчел, гомон девичьих голосов, крики пастухов, трескотня зеленых попугаев. Повсюду мелькали их оранжевые клювы, а высоко в синем небе, почти у самых белых облаков, стремительно проносились стаи разноцветных птичек с таким ярким опереньем, что начинало казаться, будто это радуга во всей своей красе на секунду мелькнула перед вашим взором.

А к концу осени на дереве не осталось ни одной ягоды. Листья стали блекнуть и сохнуть. Сначала на них появились бледножелтые пятна, как у больного проказой, потом они начали увеличиваться, расти до тех пор, пока не закрыли весь лист. Теперь каждый лист, лишенный своей зеленой одежды, остался нагим и задрожал на холоде. Листья стали прозрачными. На листе ясно обозначилась сеть бледножелтых жилок с тонкой линией посредине, которая, словно спинной хребет, проходила через весь лист. Потом налетели ветры, и дрожащие бесцветные листья опали. Теперь дерево стояло голым, без листьев и без ягод. Его зеленые ветви стали розовыми, потом бурыми и, наконец, совсем почернели. Осень прошла.

А когда пришла зима, она заботливой рукой укутала каждую веточку, каждый сучок тутового дерева белым снежным покрывалом.

Наваз посмотрел на тутовое дерево, глубоко вздохнул и, взяв Чхури за руку, подвел ее к каменной скамье, сложенной под деревом. В тишине ночи это одиноко стоящее дерево, казалось, внимательно прислушивалось к чему-то и как будто ждало, не зазвучит ли песня, рожденная безмолвием. Наваз и Чхури, подойдя к дереву, остановились и, затаив дыхание, тоже, казалось, ждали эту песню. Но ночь была тиха. Дерево стояло у дороги, а внизу, в долине, у подножья горы, протекала река. Падал густой пушистый снег и исчезал в ее свинцовых волнах. По другую сторону реки густой стеной поднимались джунгли. Они замерли, храня в своей груди бесчисленные тайны. И до самых вершин горы были погружены в безмолвие. В небе одиноко сиял месяц, и казалось, что это весло какого-то гребца, взлетев в воздух, внезапно остановилось на голубом безбрежном озере и теперь это дрожащее весло с нежностью смотрит вниз, на юную Чхури.

Все кругом потонуло в безмолвии, в остановившемся безмолвии лунного света, в вечном, всепоглощающем безмолвии ночи. Ничто не нарушало торжественной тишины, окружавшей Наваза и его молодую жену. Ни звука, ни краски, ни движения — только тишина и лунный свет. Каждая снежинка на ветвях дерева сверкала, как хрусталь, под лучами месяца. И даже лица Чхури и Наваза казались не чем иным, как кусочками льда, или снежинками, или нежной мелодией тишины. А все кругом было залито лунным светом. Лунным светом бескрайних снежных просторов, лунным светом сверкающей пены речных волн, серебром сияющего в темном небе месяца. Навазу показалось, что все предметы, окружающие его и Чхури в первую ночь их любви, сотканы из лунного света. Даже на могульских шароварах и рубашке Чхури горят удивительные белые цветы, и ее улыбка пропитана лунным светом, а в ее ушах сверкают такой ослепительной белизны сережки, от которых дивное лицо Чхури становится еще прекрасней.

Наваз еще раз глубоко вздохнул и, обняв Чхури за талию, привлек ее к себе. Он очень устал, но был безгранично счастлив: сегодня Чхури стала его женой. Чхури жила в соседней деревне, на большой дороге, ведущей в Тахсил, в восьми коссах[1] от деревни Наваза. Сегодня у Чхури и Наваза была свадьба, однако на этой свадьбе не было ни гостей, ни музыки, ни свадебной процессии, ни свадебных песен, потому что отец Наваза был сапожником и к тому же очень бедным, а отец Чхури занимался этим же ремеслом в своей деревне и был еще беднее отца Наваза. К тому же накануне выпал глубокий снег и все дороги в Тахсил замело. Но если бы даже и не выпал снег, то оставалась бедность, которая гораздо холоднее снега. Именно по этой причине свадьба и была отпразднована с такой скромностью и на ней не было ни гостей, ни флейты, ни угощения.

Наваз отправился за невестой так, словно речь шла не о том, чтобы привести в дом жену, а лишь о приобретении обыкновенного домашнего имущества. Рано утром Наваз вышел из дома, а в полдень уже пришел в соседнюю деревню. Судья обвенчал их. Свадьба обошлась Навазу всего лишь в семнадцать рупий. Серебряные колосья ювелир согласился дать напрокат, туфли для невесты Наваз сшил сам, а все остальные необходимые вещи — шаровары и рубашку из дешевой ткани, красный головной платок, стеклянные украшения для волос и серебряное кольцо — Навазу пришлось купить, продав предварительно семь пар ботинок.

Первую пару Наваз сшил для сборщика налогов, но тот не заплатил за них ни одной пайсы. За вторую пару Навазу удалось выручить всего лишь пять рупий; ее купил сельский староста. Третья пара предназначалась жене священника. Сам-то священник, конечно, ничего бы не заплатил за них Навазу, но жена, узнав, что Наваз собирается жениться, сжалилась над ним и дала ему три с половиной рупии. Четвертую пару ботинок Наваз сшил для Махмуда, крестьянина их деревни. Махмуду хотелось иметь ботинки, которые можно было бы носить по меньшей мере три года, чтобы в них ходить по грязи и снегу и чтобы стук их железных подков был слышен издалека, он хотел, чтобы эти ботинки были внушительного размера и такими тяжелыми, что в случае драки ими без труда можно было бы размозжить голову противника. Махмуд остался доволен работой Наваза и дал ему за них семь и три четверти рупии, сказав:

— Ботинки, конечно, не стоят больше пяти рупий, но ведь ты собираешься жениться, сынок. Сейчас я могу дать тебе эти деньги. Возьми: здесь семь и три четверти рупии.

Пятую пару Наваз продал надсмотрщику Хадже Гулям Хусейну за целых две рупии.

Кришан Чандар — видный прогрессивный писатель Индии, один из руководящих деятелей Всеиндийского Совета Мира.

[1] Косс — 1,13 километра.

Шестую пару купила жена Бхатия Брахмана, которая, надев ботинки Наваза, тотчас же убежала из деревни. Бхатия Брахман ругал Наваза. Он говорил, что если бы Наваз не сшил ботинок его жене, то она бы не убежала. Эта несчастная женщина как будто только и ждала ботинок, чтобы убежать от мужа. Наваз постарался: на золотистой коже он серебряными нитками вышил цветы. За них он получил девять рупий. Седьмую пару Навазу заказал Чаудхри Рахмед Али — делегат от их района в Кашмирское законодательное собрание. Наваз сшил ему ботинки из тонкой, как бумага, кожи теленка, легкие, как хрупкая лодочка, но депутат бедноты смог дать Навазу только две с половиной рупии, сказав, что остальные отдаст после того, как соберет урожай.

Восьмую пару Наваз сшил для своей жены. С какой любовью шил он эти ботинки! И когда работа была окончена, он смог купить все необходимое для свадьбы: шаровары и рубашку, красный платок на голову, стеклянные бусы. Наваз тихо засмеялся.

— Чего ты смеешься? — спросила Чхури.

Наваз дотронулся рукой до ее рубашки и сказал:

— Эта рубашка очень хорошая.

Потом он притронулся к ее шароварам и сказал:

— Они тоже очень хороши.

Потом Наваз взял в руку косу Чхури и встряхнул ее. Стеклянные украшения зазвенели. Их нежный, мелодичный звон, прозвучав в морозном воздухе, замер где-то вдали. Наваз засмеялся и еще раз тряхнул косу.

— Чему ты смеешься? — спросила Чхури.

— Это тоже очень хорошее.

Чхури гордо посмотрела на него:

— Ты что: с ума сошел?

Наваз опять засмеялся. Он словно игрушками играл всеми этими вещами. Это были игрушки его сердца, созданные его пóтом и кровью. Всю силу своей энергии, все упрямство воли вложил Наваз в эти белые цветы на рубашке и шароварах Чхури, в эти стеклянные украшения, в красоту головного платка. Так почему же ему не быть счастливым? Так чудесно хороша ночь, так мила Чхури и такая тишина кругом!

Год тому назад, когда на тутовом дереве только что появились молодые листочки, Наваз впервые увидел Чхури, а теперь она его жена и стоит рядом с ним под сенью ветвей этого дерева, отягощенного снегом. Почему же ему не быть счастливым? В оазисе любви золотой сон утра его жизни воплотился в действительность. Наваз не был настолько сведущ в вопросах любви, чтобы уметь прикидываться влюбленным, чтобы скрывать свои истинные чувства и играть в любовь, он не был способен отравлять любовь ядом философии. Наваз был простым, неграмотным, работящим сапожником, и он принес своей возлюбленной весь пыл своей молодости, все восторги своей любви. Наваз не принадлежал к числу тех несчастных, которые никогда не любили, которые никогда не вкушали блаженства и горечи любви, которые никогда не изведали тех кратких блаженных минут, когда к человеку возвращается потерянный рай, тех минут, когда распускаются цветы, розы смеются, а птенцы танцуют в своих гнездах. Эти минуты блаженны, но очень кратки. Однако очарование их остается и тогда, когда молодость уходит, когда меркнет свет солнца и наступает ночь. Аромат любви сохраняется и в растущих тенях вечера и в черном покрывале ночи. А сегодня была первая ночь любви Наваза. Но как была тиха и безмолвна эта ночь! Вероятно, ночь каждой любви бывает именно такой же.

Днем люди задыхаются под бременем своего горя и несчастий, но когда приходит ночь, от всего этого не остается и следа. Непостижимы все тайны ночи! Ночью все засыпает и бодрствует одна только любовь. На протяжении тысяч лет, под тысячами небес ночь приносит человеку свой дар любви.

Чхури вздрогнула от прикосновения руки Наваза. Ее юное тело, казалось, ждало прикосновения этой руки, которая пробудит ото сна ее спящие чувства. Чхури вздрогнула и прижалась к Навазу. Неудержимая сила толкала ее в его объятия, сердце бешено забилось, дыхание замерло. И когда Чхури почувствовала на своих губах жаркое дыхание Наваза и холодное прикосновение его губ, она снова вздрогнула. Со всех сторон их окружал снег, а он целовал ее. Их первый поцелуй был холодным, ледяным, снежным поцелуем. Снаружи снег, внутри пламя. Это был прекрасный, священный поцелуй юности. И Наваз, в свою очередь, почувствовал мягкое, нежное и холодное прикосновение губ Чхури. Ее нежные и холодные губы были похожи на лепестки розы, омытые снегом, на кусочек льда, согретый лучами солнца. Наваз засмеялся.

— Чего ты? — спросила Чхури.

— Вспомнил то поле, где росла пшеница.

— И где ты угощал меня ягодами...

Это поле начиналось сразу же за деревней Чхури и лежало у дороги, ведущей в Тахсил. В этот день Наваз нес готовые ботинки Сахибу, сборщику налогов. Внезапно за кустом он увидел стайку перепелов, которые при его приближении побежали и скрылись в пшенице. Поле простиралось по склону до самой вершины горы. Колосья пшеницы, освещенные лучами солнца, отливали золотом. Сердце Наваза радостно забилось. Может быть, причиной тому была весна, а может быть, молодость и беззаботность, а может быть, и тепло, разлитое в воздухе.

Навазу очень захотелось поймать несколько птиц. Он взял ботинки подмышку, крадучись подошел к краю поля, лег на живот и пополз, словно солдат, подбирающийся к вражеским окопам. «Сар, сар, сар»,— шуршали потревоженные им колосья пшеницы и, снова поднявшись, кивали своими головами. Крик перепелов слышался совсем рядом.

Наваз бесшумно полз вперед, приближаясь к птицам. Рядом оказался зеленый куст с ягодами, перепела клевали их. Наваз приподнялся и бросил свой платок, но в ту же самую минуту с другой стороны куста в воздух взвился красный платок и упал, накрыв платок Наваза. Наваз заметил два больших испуганных глаза, смотрящих на него из-за куста. Заглянув за куст, Наваз увидел Чхури, которая сидела, сжавшись в комочек, и держала в руках край своего красного платка. Несколько минут они молча с испугом смотрели друг на друга, потом одновременно протянули руки к платкам.

— Это мои перепела! — закричала Чхури.

— Нет, мои.

— Кто ты такой? Ты ведь не из нашей деревни.

— У перепелов нет деревни. Они прилетают сюда с той стороны и снова улетают, как только снимут урожай.

— Брось перепелов,— сказала Чхури.

— С какой стати? — возразил Наваз.

Чхури посмотрела на Наваза. Он ей понравился, смуглый юноша с высоким открытым лбом, сильной шеей, прямым носом, тонкими губами и черной пушистой бородкой. И оттого, что Наваз понравился ей, Чхури смутилась, покраснела и опустила глаза.

— Как тебя зовут? — спросил Наваз.

— Меня зовут Чхури. Я дочь здешнего сапожника.

— О!— воскликнул Наваз.— Выходит, что мы с тобой родня. Я ведь тоже сапожник. Меня зовут Наваз,— продолжал он,— я живу в той маленькой деревне.

— Значит, ты сын Шаха Джи,— сказала Чхури,— мой отец его знает.

Наваз сделал шаг вперед и протянул руку к платку, под которым томились пойманные птицы. Моментально рука Чхури очутилась там же.

— Хорошо, — сказал Наваз примирительно,— возьми свой платок, я отдам тебе птиц.

Чхури приняла платок. Наваз пытался нащупать сидящих под оставшимся платком перепелов. На лице его отразилось разочарование. Вдруг он воскликнул:

— Есть один! — и вытащил птицу из-под платка.

Перепел бил крыльями, стараясь вырваться из рук Наваза.

— Да, один есть,— подтвердила Чхури.

— Возьми,— Наваз протянул ей птицу.

Чхури взяла губами клюв перепела, нежно приласкала его, поцеловала, а потом, вернув обратно Навазу, сказала:

— Возьми его себе.

Наваз притронулся губами к клюву перепела. Чхури засмеялась и закрыла лицо платком.

— Давай выпустим его,— предложил Наваз.

— Давай,— сказала Чхури тихо.

Перепел взлетел, как стрела, и заметался в воздухе. Они оба следили за его полетом. Возможно, они видели полет своих надежд. Потом перепел сложил крылья, нырнул в воздухе и скрылся где-то вдали. Чхури и Наваз посмотрели друг на друга. Они лежали на земле, разделенные кустом. Острый аромат, исходивший от него, привлек их внимание. Нарвав по пригоршне спелых желтых ягод, они протянули их друг другу.

И теперь, спустя год, на них пахнуло ароматом их первой встречи. Где-то высоко, около самого месяца, летал перепел, из-под снега поднимались пышные золотые колосья пшеницы, в воздухе разливалось полуденное тепло и звучала песня весны, мелодию которой выстукивали сердца Наваза и Чхури. Наваз засмеялся, а за ним засмеялась и Чхури.

— Чему ты смеешься? — спросил Наваз.

— Вспомнила, как тебя побил отец.

Наваза побил не отец Чхури, а его собственный отец. Старый отец Наваза сильно побил своего молодого сына. Дело было так. Во время ярмарки Чхури очень захотелось иметь ожерелье, самое обыкновенное ожерелье из круглых медных монет, точно такое же, какое она видела на шее буйволицы сельского старшины. Ювелир просил за него пятнадцать рупий. Наваз сгоряча пообещал, что он обязательно подарит Чхури ожерелье. Но как он его мог достать, несчастный? Оно стоило пятнадцать рупий, а у Наваза не было таких денег. Наконец, когда он потерял всякую надежду

Дагестанские моря

Расул ГАМЗАТОВ

В ясный час и в час тумана
От моих родимых гор
До голодного Ирана
Вспенен Каспия простор.

Если даже оба глаза
Я закрою,—
 и тогда
Я найду на карте сразу
Это море без труда.

На причале — рыбы ворох.
Славен Каспий!
 Но притом
Есть моря у нас,
 которых
Нету в атласе морском.

Гонит волны в белой пене
До заснеженных хребтов
В мае — месяце весеннем —
Море буйное садов.

Плавать с детства мне не ново
По зеленым тем волнам,
Опускаясь к рыболовам,
Поднимаясь к чабанам.

А однажды летним утром
Я спустился с крутизны,
Увидав под Хасав-Юртом
Море снежной белизны.

Кто на это море глянет,
Тот подумает, как я:
«А ведь раньше в Дагестане
Хлопка не было, друзья!»

Обошел я горы наши
И видал,
 гордясь судьбой,
Как ликует в Избербаше
Моря черного прибой.

Он, с рожденья людям верный
И готовый ко всему,
Мчится в баки и цистерны,
Как приказано ему.

А в Дербенте, где поныне
Крепость старая видна,
Вновь под осень в бочки хлынет
Море красного вина.

Говорят: в горах Кавказа,
Где под небом тают льды,
Есть аварцы, что ни разу
В жизни не пили воды.

Но когда приходит жажда,
То до капельки, до дна
Выпивает разом каждый
Бочку красного вина.

Я, наполнив рог по праву,
За столом среди друзей
Пью за мужество и славу
Мастеров родных морей.

Перевел с аварского
Я. Козловский

достать деньги и до конца ярмарки оставалось четыре дня, Наваз потихоньку взял из дому ботинки, которые отец сшил одному крестьянину, и продал их. Получив деньги, он зарыл их под кустом во дворе. Отец сильно бил Наваза и спрашивал:

— Скажи, куда девал деньги?

Но Наваз ничего не сказал. А в последний день ярмарки он взял сырую, еще не выделанную кожу, которую отец только что купил, отнес ее в Тахсил и продал. Отец жестоко избил его, а потом стыдил и усовещал, но Наваз был непреклонен. Он выдержал характер и оставил при себе драгоценные пятнадцать рупий. Купив у ювелира ожерелье, он торжественно преподнес его Чхури. Как он был счастлив в этот день! Он не мог смеяться, потому что все лицо его было разбито, но глаза его сияли счастьем, смеялось сердце, ликовала гордость. И когда Чхури надела ожерелье, глаза Наваза вспыхнули таким огнем, что, глядя на него, можно было подумать, что он подарил ей не обыкновенное ожерелье из медных монет, а по меньшей мере построил для своей Чхури мраморный Тадж Махал. Правду говорят умные люди, что глаза любви слепы, поскольку они не видят никакой разницы между дешевым ожерельем и мраморной гробницей.

Чхури с благодарностью посмотрела на Наваза, дотронулась рукой до ожерелья и с лукавой гримаской сказала:

— Какое плохое!..

Наваз улыбнулся, покачал головой и, повернувшись, посмотрел в сторону своего дома, который виднелся вдали на расстоянии сотни газов [1] от тутового дерева. Там спали его родители. Время перешло за полночь, и теперь их сын возвращался домой с молодой женой. Первые три косса Наваз с Чхури прошли по глубокому снегу. Ведь Чхури принадлежала к числу тех миллионов женщин на земле, нога которых никогда не ступала в паланкин, которые в детстве никогда не качались в люльке и ни разу в жизни не пользовались экипажем. Эти женщины идут по груди земли до тех пор, пока не уйдет их молодость, не наступит старость и не подкрадется смерть, и тогда они уставшими, спотыкающимися шагами сойдут в темную пещеру могилы. Вся жизнь этих усталых, уныло бредущих страдалиц проходит в непосильном труде. И они же первыми приносят в снежную атмосферу вселенной послание весны. Правда ли, что на жизненном пути этих вечных тружениц никогда не встретится паланкин и что всю свою жизнь они обречены уныло брести, спотыкаясь и падая, без отдыха и надежды?

Первые три косса Чхури прошла по глубокому снегу вместе с Навазом. Ночь была лунная. От тумана на снегу образовалась твердая, как камень, корочка. Но Наваз был рядом, и его сильная рука готова была в любую минуту придти на помощь Чхури. Однако после третьего косса шаг ее стал менее твердым. Поминутно спотыкаясь, она начала отставать, наконец совсем выбилась из сил. Тогда Наваз улыбнулся, поднял Чхури и посадил ее к себе на плечо. Остаток пути Наваз прошел, неся на плечах Чхури.

Наваз снова посмотрел на свой дом и сказал:

— Вот мы и пришли. Теперь войдем в дом.

— Теперь я уже смогу дойти сама,— сказала Чхури.

Но Наваз продолжал держать Чхури на руках. Глиняный домик, обнесенный забором, был почти весь занесен снегом. Ворота были открыты. Наваз вошел во двор. Там было очень темно и тихо. Никто не встречал их. Родители Наваза, подумав, что их сын вернется только завтра, легли спать. Они не предполагали, что Наваз решится в такую снежную ночь пройти восемь коссов и вернется в полночь. Из дома слышался легкий храп. Чхури смотрела на свой новый дом. Он ничем не отличался от ее собственного дома. И у себя она видела точно такой же двор и хижину из одной комнаты. За исключением дома сельского старшины, все дома крестьян были такими же. В этих домах они жили сами со своими детьми, в этих же домах они держали свою скотину — овец и коз. На протяжении сотен лет крестьяне живут так. Знакомый с детства запах ударил в ноздри Чхури. Это был запах коровьего навоза, мочи и острый аромат дубящихся кож. Да, она была в своем доме.

Наваз осторожно опустил Чхури на землю. Из дома снова послышался храп. Долго стояли они молча друг возле друга, прислонившись к столбу навеса. Потом Наваз тихонько сказал:

— Мы не станем их будить.

Он нагнулся, пошел под навес и, взяв кусок кожи, расстелил его на земле. Направо валялись брошенные в беспорядке сапожные инструменты, налево спала овца с ягненком. Бросив поверх кожи старое шерстяное одеяло, он снял обувь и лег. Потом он тихо позвал:

— Иди сюда, Чхури.

Прошло несколько минут. Чхури продолжала стоять, прислонившись к столбу. Потом она нагнулась, сняла ботинки и легла на одеяло. Рука ее принялась гладить мягкую шерсть ягненка. Что-то шевельнулось в душе Чхури, казалось, лед, сковывавший сердце, растаял, и она заплакала.

— Что с тобой, Чхури? — тревожно спрашивал Наваз. Он обнял Чхури и вытер ей слезы.

— Вспомнила маму, — проговорила Чхури, всхлипывая.

Рано утром, когда мать Наваза проснулась и вышла во двор, она увидела в глубине двора под навесом своего сына и невестку, которые спали, обняв друг друга. Голова Чхури лежала на плече Наваза, а следы ее слез виднелись на его щеках. Под ними была старая кожа, над их головами сиял месяц, направо от них лежали сапожные инструменты, налево спала овца с ягненком, а перед навесом падал снег. Вся эта картина дышала невинностью и святостью. И если есть на свете справедливость, добродетель и красота, то сегодня они были здесь. Слезы умиления навернулись на глаза матери. Всей душой хотела она заключить в свои объятия этих двух детей, посадить их к себе на колени, приласкать. От великого святого чувства материнской любви все тело ее охватил озноб. Она обвела двор счастливым взглядом и, словно обращаясь к сотням слушателей, сказала:

— Смотрите, внимательно смотрите. Вот перед вами два прекрасных цветка земли.

Разве случалось ей когда-нибудь прежде видеть такую красоту, невинность и добродетель среди всей этой грязи, беспросветной нужды, горя и страданий?

Перевела с языка урду
Вера Быкова

[1] Газ — около 1 метра.

В. С. Климашин. Вечер на Каф-Парейде. Бомбей.

В. С. Климашин. Старая няня.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ

В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Люди моего поколения помнят традиционный тип провинциального учителя рисования — длинные волосы, бархатная куртка, взгляд «не от мира сего». Такой типаж сохранен нам в русской художественной литературе, в картинах Владимира Маковского. Так себе люди, чаще всего неудавшиеся художники, мало умеющие сами и мало имеющие чему учить других.

Были, понятно, и исключения. Например А. Агин преподавал в провинциальной гимназии, и многие выученики Московского училища живописи, ваяния и зодчества учили гимназистов по всей России. Встретил ведь В. И. Суриков в далеком Красноярске прекрасного педагога Николая Васильевича Гребнева, которого всю жизнь вспоминал, и всегда с благодарностью. Еще в начале прошлого века А. Ступин затеял в Арзамасе школу живописи. Были художники и в Астрахани и в Вятке, и не просто оттуда родом, а прожившие там всю жизнь. И неплохие художники!

Но очень часто даже талантливый человек, ежели не удавалось ему вырваться в Москву, в Петербург, в каком-либо заштатном городишке вел незавидную жизнь. Искусство его оказывалось никому не нужным, совершенствоваться он не мог. Сколько ярких и замечательных дарований загублено в старой провинциальной глуши!

Мне много приходилось и приходится странствовать — такова уж профессия пейзажиста. И ныне в какой город ни попади, непременно в нем окажется союз или отделение союза художников, непременно уговорят посетить добрый десяток мастерских, и всюду ключом кипит художественная жизнь. И самое слово «провинция» давно устарело. Нет провинции — еще и еще раз скажешь, посетив открывшуюся в Москве очередную выставку художников Российской федерации. Эта выставка не уместилась в залах Московского товарищества художников, ей отвели и выставочные залы Оргкомитета Союза советских художников СССР. В залах Товарищества, где проходило торжественное открытие, отобраны лучшие вещи, но и в залах Оргкомитета выставка нисколько не хуже.

Умную, хорошую картину, раскрывающую одну из страниц русского революционного движения, написал свердловчанин Б. Волков. Картина называется «И. В. Сталин и Я. М. Свердлов в Туруханской ссылке». В образах сумел добиться художник выразительности и силы, картина удалась по тону, написана мастерски — свободно и вместе с тем материально.

Серьезная работа Е. Самсонова — «Великий страж революции», посвященная Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Это именно страж революции, суровый и беспощадный к врагам. Но художнику следовало бы еще поработать, добиться большей глубины мысли в своем произведении. И слишком односторонне решение образа — в нем не хватает присущей Дзержинскому высокой человечности. Отсюда и неудовлетворенность зрителя.

М. Антонян из Ярославля, как и в прошлом году, показал полотно «Прощание с В. И. Лениным», которое переписано живописцем заново. Трудная картина — на ней десятки людей. Теперь повелось такие сюжеты решать бригадами. Антонян взялся один. Он передал мужественную скорбь народа. Но живопись картины все еще не удовлетворяет, и она, если можно так выразиться, чересчур спокойная, как бы застывшая.

Ощущение жизни, ее живое восприятие — вот что главное на этой выставке. Пусть не всегда и не во всем умело, но зорко и пристально, не из головы, а от жизни — от завода, фабрики, строительства, колхоза — работают художники. В картине Л. Фаттахова (Казань) рожь написана несколько небрежно. Пейзаж воспринимается с оговоркой, но есть правда в людях — девушка с рулеткой, старик, Герой Социалистического Труда,— мы их встречали в жизни, видим на картине, мы им верим! А это уже много. Только вот человек с лупой, нагнувшийся над колосом, явно позирует.

Молодой художник Н. Данилин из Московской области написал привлекательную картину «Подшутили». В ней есть то, что подкупает в любом произведении искусства,— жизнь. Сюжет незатейлив: девушки работают на снегозадержании, ставят щиты из досок; парень возит в санях щиты; девушки пошутили, бросили в него снежком. Вот и все. Но художник сумел рассказать это тепло, мягко, с юмором. И образы есть, и действие, и смотреть приятно. Эта картина напоминает рассказы Сергея Антонова, так же просто и в то же время настоящее искусство. И если у Антонова отличный язык, то в картине Данилина живопись уверенная.

М. Лихачев из Воронежа свою картину написал на тот же сюжет. У Лихачева она называется «Комсомольцы на снегозадержании».

Л. Фаттахов. ХЛЕБА СОЗРЕЛИ.

Н. Данилин. ПОДШУТИЛИ.

Композиция почти одинаковая, только у Лихачева лошадь, везущая сани, и парень, шагающий рядом, расположены слева, а у Данилина — справа. У Данилина девушки, подшутившие над парнем, размещены слева, а у Лихачева — справа. И даже девушки похоже выглядывают из-за спины старшей подруги. Раз в сто лет, но все-таки бывает такое совпадение!

И на этой выставке, как и на предыдущих, художники берут, как правило, сюжеты, в которых все мажорно, все правильно, ничего отрицательного. Единственное учреждение, где в живописи конфликт, так сказать, принят на вооружение,— это школа (напомним, что «Обсуждение двойки» С. Григорьева происходит в школе). И на настоящей выставке единственная конфликтная вещь— тоже на школьную тему: «Провинилась» ижевского живописца Д. Ходырева. Экспонировали эту вещь неудобно, в узком проходе, но около нее все время зрители. Художник изобразил школьницу лет одиннадцати в коричневом платье и темном переднике. Находится она не в классе, как положено, а за дверью. Набедокурила — и вывели из класса. На лице девочки написано все, что она переживает,— тут еще не совсем прошедшее озорное настроение, и стыд, и страх — вдруг по коридору пройдет директор,— и навертывающиеся слезы, и желание вернуться в класс. Дверь осталась приоткрытой, и видна подруга, которую вызвали к доске. Да, тяжелые минуты...

Можно упрекнуть художника в том, что ноги девочки нарисованы плохо, что вторую девочку у доски следовало внимательнее просмотреть по натуре, но общее впечатление от картины приятное,— удачно выполненный жанр.

Жанр прочно утвердился в нашей живописи. Сегодня художники имя Владимира Егоровича Маковского произносят с уважением, у него учатся. Это хорошо. Но учатся не до конца. Маковский понимал под жанром не просто бытовую картинку, он старался изображать сцены, насыщенные большим внутренним смыслом, из каждой его картины можно вывести мораль. И смотрел он широко.

И вот перед нами картина кемеровских живописцев А. Кирчанова и П. Чернова «Свадьба шахтера». А зачем она написана? Почему взято именно это событие, а не юбилей почетного шахтера или торжество у шахтеров по случаю получения знамени? Чем привлекла свадьба автора? Только лишь тем, что посередине картины можно написать молодых?

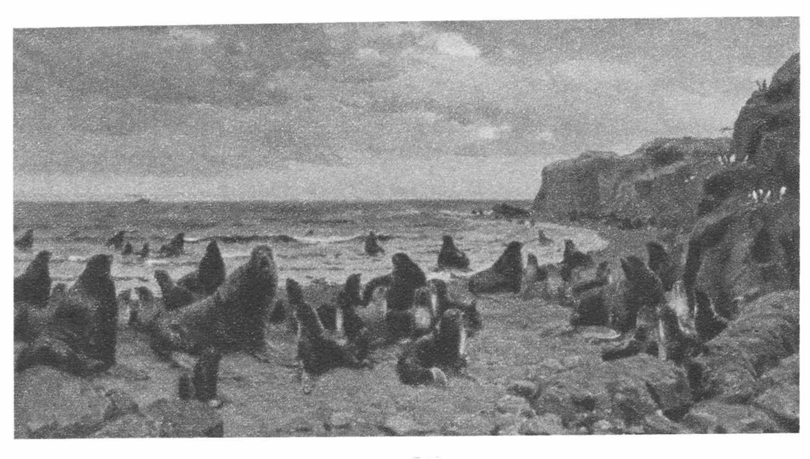

Н. Крюков. ВОЛОГОДСКИЕ КРУЖЕВНИЦЫ.

Быть может, изобилием стола и хорошими костюмами гостей? Но всего этого мало. И авторы поэтому не могли не увлечься «колористическим» решением темы. Все полотно залито неприятным розовым светом, придающим слащавость.

Нельзя не отметить, что в картину вложен большой труд. Мы видим: невеста — хорошая девушка. Так неужели за нею, кроме счастливого жениха, никто не ухаживал? Быть может, такой неудачник тоже пришел на свадьбу, выпил и пригорюнился? Ведь это же жизнь, друзья мои,— напишите такого вот пригорюнившегося, и картина сразу заиграет... Это, к примеру, конечно.

Н. Крюков из Вологды представил «Вологодских кружевниц». Испокон веков вяжут в Вологде кружева, но художник сумел заметить новое — не с унылой припевкой, а радостно, весело работают мастерицы. Они заканчивают кружевной ковер к XIX партийному съезду, и хочется им, чтоб все умение, что многими годами накапливалось, воплотилось в этой работе. Интересная картина, хотя и не вполне завершенная.

Б. Шах-Назаров. КОТИКОВЫЙ ПЛЯЖ.

Несколько наивную, но очень привлекательную картину выставил А. Заусаев из Свердловска — «Певец Урала». В ней изображен Бажов на Думной горе, наблюдающий природу. Пейзаж в картине подстать бажовским сказам — былинно-сказочный, и сам Бажов точно из народной сказки,— добрый, славный дед. Только рисунок слаб, больше надо работать с натуры: натура — жестокий учитель. Надо писать то, что видишь,— никогда голова художника не даст всего богатства жизни, что вокруг.

Приятна жанровая работа архангельского мастера Д. Свешникова. Она называется «На Крайнем Севере», и изображена на ней железная дорога, пришедшая в полярные края. К приходу поезда собралось местное население. Сколько радости!

Удачное полотно, жанр с пейзажем, у ивановского живописца М. Малютина — «Вечером» — после купанья. Много в нем настроения.

Д. Свешников прислал картину из Архангельска, а Б. Шах-Назаров с другого конца советской земли — из Южно-Сахалинска. Картина Б. Шах-Назарова — одна из лучших на выставке. Художник изобразил «Котиковый пляж». У моря на скалистом берегу расположились лоснящиеся морские звери. Они отлично вписаны в пейзаж. И пейзаж автор хорошо чувствует.

Пейзажей на выставке и много и немного. Много потому, что на десятках полотен написаны леса, холмы и реки. И в то же время только на нескольких полотнах эти леса, холмы, реки согреты влюбленностью автора в природу. Большинство полотен написаны, что называется, сухой, казенной прозой, а язык пейзажа — стихи, или, если проза, так тургеневская, чеховская...

Б. Рязов — известный сибирский художник. У него красивые вещи, интересные по сюжету, но слабее прошлогодних. Попрежнему серьезно и с успехом работает

Д. Свешников. НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ.

К. Щекотов. ВАСЮГАНСКИЕ БОЛОТА.

Е. Скитальцев. НА РЕЙДЕ.

А. Полюшенко. А. Шиндыков, который несколько лет назад очень любопытно начинал, мало подвинулся вперед. Его «Рыбинское море» — пейзаж неплохой, но от Шиндыкова, чудесно написавшего когда-то сельскую электростанцию, можно было бы ожидать большего. Удались пейзажи А. Чурину.

О. Коровин. Из иллюстраций к сказам Бажова.

Задерживаешься у картины «Парники» Х. Сандлера. В стеклах отражается солнце. Мотив неизбитый, и написано недурно. А. Бурак из Свердловска представлен серией пейзажей, и среди них — «На угольном разрезе», «Освоение новых земель». Эти, пожалуй, из самых лучших вещей на выставке. В новом пейзаже с машинами, которых так боятся художники, автор сумел подметить и передать его красоту, донести до зрителя масштаб преобразовательных работ.

Н. Кузнецов из Казани написал картину «Москва. Третий километр»,— хвалить бы да хвалить ее, если бы не некоторая ее схожесть с известной вещью Б. Яковлева «Транспорт налаживается». А кистью Кузнецов владеет хорошо, и зимний день, небо, воздух, и электровоз, и стальные ленты железнодорожного пути исполнены на нужном уровне.

И еще ряд удач. Приятный этюд у пятигорского художника Б. Бессонова — «Река Мста». Есть и другие незаурядные вещи: Н. Беляев — «Полдень», М. Агеев — «Волжские просторы»; пейзажи Ю. Васильева, А. Каманина. Только Каманину хочется пожелать преодолеть излишнее стремление к красивости. Эта же красивость портит и картину Е. Скитальцева из Калининграда. Он умеет передать романтику моря, умеет наблюдать море.

Совсем немного на выставке портретов. Пожалуй, заслуживает упоминания портретная живопись С. Ротницкого из Казани.

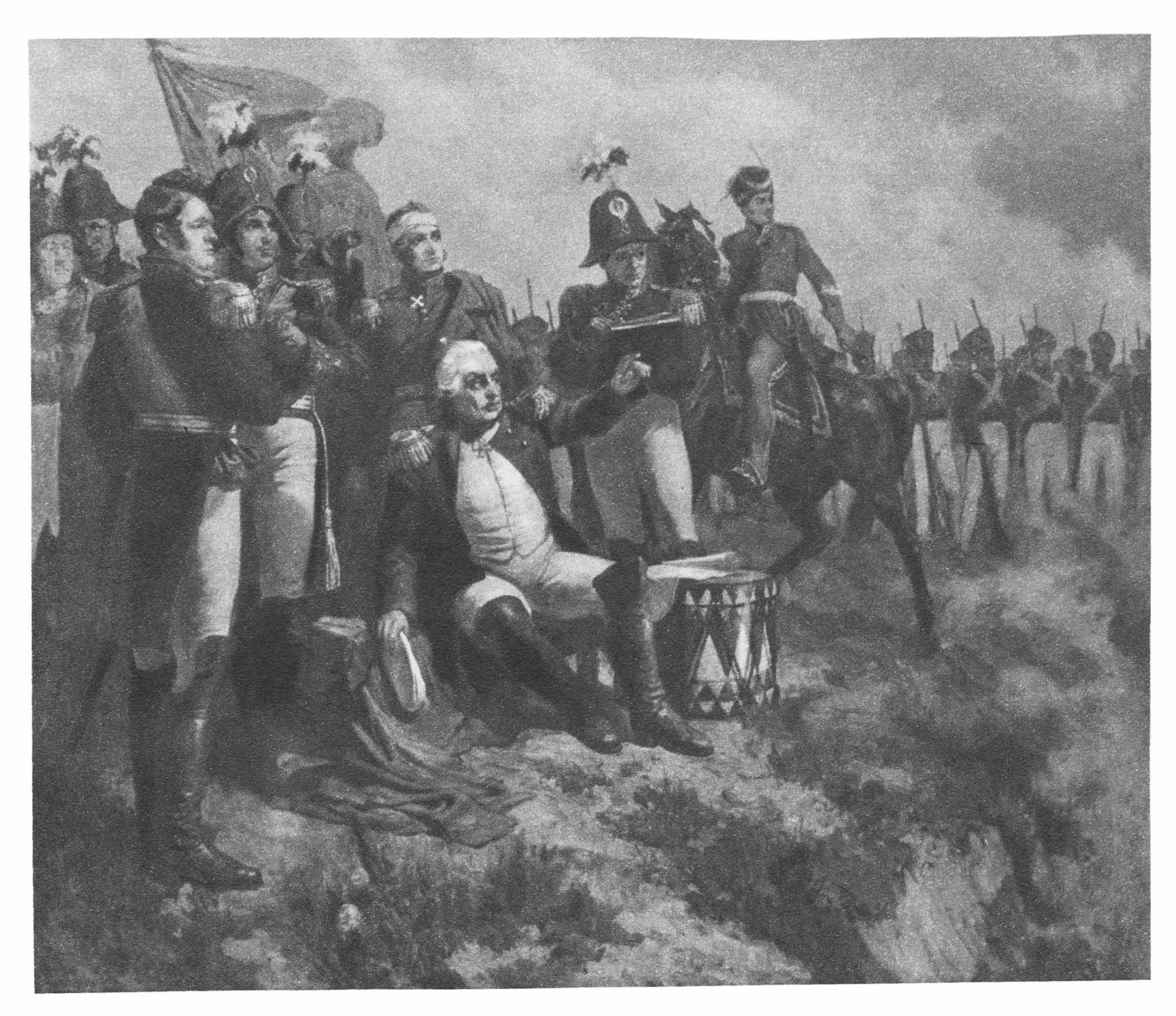
Исторические произведения не из лучших среди экспонатов. А. Шепелюк, один из наших талантливых художников, отлично владеющий живописным мастерством, на этот раз выступил с полотном «М. И. Кутузов в день Бородинского сражения». Убедителен жест Кутузова, заставляющий зрителя домыслить величественную панораму боя, много энергии в фигуре Ермолова, но хотелось бы большей чеканности письма. Чувствуется — многое в картине написано от себя, не хватает непосредственного ощущения жизни.

Картина А. Леликова (Ярославль) о Некрасове, мне думается, не вышла. Некрасов в охотничьем костюме менее всего походит на великого поэта. Вспомним Крамского. У него Некрасов в белом, чуть ли не больничном халате, и все-таки это Некрасов! Не удовлетворяет и работа саранского живописца В. Илюхина, рассказывающего о встрече Суворова с Ушаковым.

Зато нравится посетителям маленькая картина Н. Гвоздева «В. И. Ленин в марксистском кружке». В ней много искреннего, трогательного. Автор ее не художник, а рабочий. Но картина никак не самодеятельная. Это ли не свидетельство талантливости нашего народа и его возросшей культуры!

Мы назвали уже не один десяток вещей. Эдак статья рискует превратиться в каталог. А ведь никак нельзя не сказать о картинах: В. Куракина (Рязань) — «Пионервожатая отчитывается на педсовете»; В. Рябинина (Челябинск) — «Допрос революционерки Сони Кривой»; И. Аристова — «Два детства»; Е. Щербакова (Калуга) — «Колхозная бригада охотников»; Н. Мазуренко (Владивосток) — «Быль о «Варяге»; Н. Качинского (Пятигорск) — «На новой трассе»; К. Максимова — «Домик в Сольвычегодске, где жил в ссылке И. В. Сталин». Нельзя не упомянуть интересные карикатуры П. Зори из Саратова, не сказать о превосходных иллюстрациях к сказам Бажова свердловчанина О. Коровина.

Словом, большая и полезная выставка! Много хороших вещей, хороших художников!

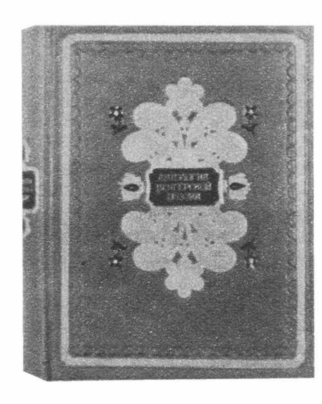

А. Шепелюк. М. И. КУТУЗОВ В ДЕНЬ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ.

Сокровищница венгерской поэзии

Наше знакомство с венгерской поэзией обычно не шло дальше творчества нескольких поэтов, в особенности Шандора Петефи. Однако у него были и замечательные предшественники и чудесные продолжатели.

Поэтому надо всячески приветствовать выход «Антологии венгерской поэзии». Это первая книга, достаточно полно знакомящая советского читателя с творчеством многочисленных венгерских поэтов.

...Вот одно из первых дошедших до наших дней патриотических стихотворений. В этом произведении, относящемся к XVI веку, звучит грусть о родине, страдающей под игом турок и немцев.

Проклятый турок взял
весь наш мадьярский
юг,
А немец взял весь
Верх...—

восклицает автор — Петер Борнемисса.

И так — страница за страницей — перед нами проходит, словно живая, история Венгрии. Эта история наполнена страданиями народа. С севера и юга наступали враги, один другого злее. Казалось, не было конца несчастьям, обрушившимся на мадьяр. Ференц Кёльчеи восклицал:

Бог, мадьяра не карай!
Мы от бедствий стонем!
Руку помощи подай,
В море скорби тонем!

Йожеф Этвёш писал:

То, что народ
претерпевает молча,
Во мне вскипает, песнями
звеня,
Так не дивись, что
столько горя, желчи,
Тоски и муки в песнях
у меня.

Народ Венгрии мужественно боролся за свободу. Устами своих поэтов он выражал уверенность в том, что светлое будущее непременно придет. «Мы заслужили право жить тысячелетьем мук»,— говорил Михай Вёрёшмарти.

Лучшие поэты Венгрии принимали участие в борьбе. Они жили одной жизнью с народом. И все, что отражает борьбу за счастье народа, является лучшим в поэзии и по форме и по содержанию.

Венгерские поэты откликались не только на события, которые случались на их родине. Все наиболее важное в международной жизни привлекало их пристальное внимание. Йожеф Киш, например, посвятил боевые стихи броненосцу «Потемкин». «Да, с парнями твоими я рядом пойду»,— говорил поэт, выражая мысли своего народа.

«Антология» — это как бы широкое живописное полотно, отобразившее славную историю венгерской поэзии. Познакомившись с книгой, читатель откроет для себя многих превосходных поэтов, ранее известных ему мало или вовсе не известных, особенно таких, как Витез Михай Чоконаи, Михай Вёрёшмарти, Эндре Ади.

Большая заслуга составителя «Антологии» в том, что венгерская поэзия представлена здесь разносторонне. Тут и боевая политическая поэзия, и любовная лирика, и отрывки из эпических произведений, и зарисовки, в которых красочно отображен венгерский пейзаж. Любовь к жизни и веселью, тяга к шутке, сдобренной метким народным словцом,— вот что отличает произведения большинства венгерских поэтов. В этом смысле они живо перекликаются с народной поэзией, образцы которой помещены в конце книги. Вот как поет народ о нерадивой женщине, которую в шутку именует «барышней»:

Барышня козу доила,
В грязь подойник
уронила.
Крошка ведь, слабы
ручонки,
Сорок лет всего
девчонке...

У нее в светелке чисто,
Только сору ведер
триста.
Крошка ведь, слабы
ручонки,
Сорок лет всего
девчонке...

Это жизнелюбие, этот оптимизм, этот юмор, свойственные венгерскому народу даже в пору самых тяжелых бед и нашедшие яркое воплощение в его поэзии, очень привлекают при чтении книги.

«Антология» включает произведения виднейших поэтов современной Венгрии: Анатоля Гидаша, Дьюлы Ийеша, Золтана Зелка, Тамаша Ацела и других, а также стихи самых молодых поэтов народной Венгрии: Петера Куцки, Ласло Ф. Надя, Ференца Юхаса.

В стихах современных венгерских поэтов звучит горячая признательность советским людям, великому Сталину, освободившим Венгрию от ига фашизма. Поэты поют о Сталине, который

Нынче на высоком
пьедестале
Держит знамя правды
и побед.

«Имя Сталина»
Лайоша Кони

Когда читаешь стихи поэтов прошлого, знакомишься с их мечтами о светлом будущем, радостно сознавать, что мечты эти воплощены сегодня в трудовых делах венгерского народа.

Ныне он сам хозяин своей страны. Мрачные времена монархии Габсбургов и кровавые годы режима Хорти канули в вечность. Стихи поэтов народной Венгрии — верных сынов своей родины — проникнуты верой в окончательную победу сил мира и демократии во всем мире.

Плуг идет, и борозды
Друг за другом,
Словно книга пишется
Этим плугом.
Пишет книгу радости
На просторе
Тот, кому встречалося
Только горе.

Эти строки принадлежат Дьюле Ийешу.

Истинная поэзия учит, как надо по-настоящему жить и бороться, она верно отображает ход истории и не только его отображает, но и движет ее вперед. Такая поэзия вечно молода. Лучшие образцы венгерской поэзии, ее более чем четырехвековое развитие еще и еще раз подтверждают, что поэтическое творчество, создаваемое для народа и ради счастья народа, никогда не стареет.

В создании «Антологии» приняли участие Н. Тихонов, М. Исаковский, С. Маршак и другие наши поэты и переводчики.

Книге предпослана обстоятельная статья Анатоля Гидаша. В ней читатель почерпнет очень много сведений не только о поэзии, но также об истории и культуре венгерского народа.

Прекрасная, очень нужная книга! И как жаль, что мы не имеем еще подобных книг по поэзии других братских народов. Нет еще «Антологий» китайской, польской, румынской, чехословацкой, болгарской, албанской поэзии. Думается, что пора нашим издательствам серьезно продумать этот вопрос и в ближайшие же год — два издать антологии поэзии демократических стран. Это будет чудесным подарком советскому читателю.

Георгий ГУЛИА

Антология венгерской поэзии. Составление и редакция переводов А. Красновой. ГИХЛ. М. 1952. 562 стр.

Коротко о книгах

Старейший современный румынский писатель Михаил Садовяну известен советским читателям как автор повести «Митря Кокор», удостоенной в 1950 году Золотой медали мира.

Литературная деятельность Садовяну длится уже более полувека. Его многочисленные произведения — романы, повести, рассказы — составляют десятки томов.

Гослитиздат выпустил сборник рассказов и повестей М. Садовяну. Центральная тема книги, как и всего творчества писателя,— жизнь крестьянства. В книге представлены главным образом ранние произведения Садовяну, написанные в большинстве своем еще до первой мировой войны.

Читатель запомнит искалеченную старую крестьянку, которая, ползая на коленях, жнет пшеницу на поле помещика, отрабатывая долг за сына, взятого в армию (рассказ «По дороге в Хырлэу»); умирающего крестьянина, жестоко избитого боярином (рассказ «Вор»); постепенную гибель бедняка Иона Урсу, ушедшего в город на поиски заработка (повесть «Ион Урсу»). Наряду с фигурами этих задавленных и безропотно гибнущих людей писатель создает и другие образы. Таковы два крестьянских парня из рассказа «Эмигранты в Бразилию» и Петраке из рассказа «Тень» — сильные и мужественные люди, выразители пока еще стихийного протеста против угнетателей. А последнее произведение сборника, «Митря Кокор», написанное в 1949 году, рассказывает не только о прошлых страданиях и муках румынского крестьянства, но и о вставшей для него заре новой, свободной жизни, о первых днях народно-демократической Румынии.

Кто автор «Путешествия критики»

Два года назад в букинистическом магазине мое внимание привлекла старая, изрядно потрепанная книга. Переплета и титульного листа не было. Но так как она представляла собою письма путешественника, а литература «путешествий» меня интересовала, я купил ее.

При чтении я обнаружил в середине книги тщательно сложенный и подклеенный титульный лист: «Путешествие критики или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большей частию сам был очевидным свидетелем. Сочинение С. фон Ф., Москва, в типографии С. Селивановского, 1818». Такая книга была неизвестна историкам литературы — ни в одном из курсов по истории русской литературы она не упоминалась. Даже специальная литература, посвященная «путешествиям», книгу эту не зарегистрировала. Только однажды, в работе В. Евгеньева «Писатели — борцы с крепостной неволей» (1914), была она упомянута, но интереса исследователей и специалистов не привлекла.

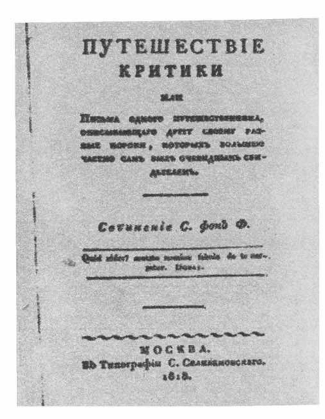
Книга же представляет несомненный интерес. Написанная в годы господства в литературе карамзинско-сентиментального направления, она была открыто направлена против этого течения, зло пародировала идиллические сочинения Карамзина (в частности, «Письма русского путешественника») и его учеников. В канун выступлений декабристов и Пушкина автор «Путешествия критики» смело обличал дворян-помещиков, дворян-чиновников. При этом, показав действительное положение крепостных, их безмерные страдания под властью помещиков, которые «сосут кровь крестьян», «секут их беспрестанно», и гневно заклеймив порядки в стране, где «белый торгует белым», автор сумел передать и возраставшую в народе ненависть к «господам».

Автор книги — ученик великих русских просветителей Радищева, Новикова, Фонвизина. Именно с просветительских позиций обрушивается он на карамзинскую литературу, на помещичьи порядки в России. И самая форма «путешествия» тоже использовалась просветителями («Отрывок путешествия в *** И *** Т ***» Новикова, «Письма из Франции» Фонвизина и, наконец, радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву»).

В одной из глав, обращаясь к лучшим людям России с призывом мужественно противостоять насилию и несправедливости, обличать беззакония и преступления, чинимые дворянами-чиновниками, путешественник заявляет: «Как приятно слушать прямого сына России, когда он с твердым, решительным русским духом, без лести и прикрас говорит русскую правду!» Такой правдой было и самое «Путешествие критики».

Кто же автор этой замечательной книги, укрывшийся за инициалами С. фон Ф.? Мы так мало знаем о прогрессивной литературе начала XIX века, что было бы чрезвычайно важно раскрыть имя человека, развивавшего традиции русских просветителей в первые десятилетия этого века вместе с Крыловым, Гнедичем, Ф. Глинкой, Пниным, Борном, Попугаевым.

Я внимательно просмотрел «Опыт российской библиографии» В. Сопикова, хорошо зарегистрировавшего издания этой эпохи. Надо было найти автора, имя которого начиналось бы с буквы

ПУТЕШЕСТВІЕ
КРИТИКИ

Сочиненіе С. фонъ Ф.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1818.

«С», фамилия — с «Ф» да притом имела бы характерную приставку «фон». И вот я прочел, что в 1808 году в Москве вышла книга «План географии или Практическое изъяснение термина и естественное изображение географии»; автором ее был учитель Савелий фон Ферельцт.

После этого я занялся просмотром словарей. В одном из них («Уроженцы и деятели Владимирской губернии») я нашел биографию Ферельцта, узнав и его отчество: Карлович. Биограф Смирнов подтверждал, что «План географии» сочинил именно Ферельцт. Также сообщалось, что библиограф Рогожин, автор «Материалов для русской библиографии XVIII и начала XIX вв.» (1902), обнаружил в делах Московского Цензурного комитета за 1797 год указание на то, что в комитет поступило на рассмотрение сочинение Ферельцта «Сифроа и Женевия или Изобличенная невинность», драма в пяти действиях, которая и была разрешена к постановке и печати. Среди печатных изданий этой драмы обнаружить не удалось.

Итак, учитель Савелий Ферельцт занимался и художественной литературой. Казалось, оснований для выдвижения гипотезы было достаточно. Но в то же время во всех собранных материалах не было никаких прямых свидетельств о принадлежности ему сочинения «Путешествие критики».

В прошлом, 1951 году Московский университет наконец переиздал книгу, предпослав ей предисловие профессора А. В. Кокарева. А. В. Кокарев сообщил, что автором «Путешествия критики» был С. П. Фонвизин — племянник известного писателя. Правда, никаких доказательств приведено не было; исследователь ограничился лишь многозначительным намеком: есть «некоторые основания предполагать», что автором является действительно С. Фонвизин.

Дело запуталось. Для подтверждения моей версии требовались прямые документальные доказательства. Где же искать их? Возможно, следы безымянной книги могли остаться во время прохождения ее через цензуру? Часть дел Московского Цензурного комитета оказалась в Ленинградском историческом архиве. Обнаружив их, я поручил студентке университета Е. Рыбиной просмотреть дела за 1810 год.

И через несколько недель передо мною лежала книга, в которую заносились все поступившие в Московский Цензурный комитет рукописи. В одной из записей, сделанных в 1810 году, в графе «Название рукописей», стояло: «Путешествие критики», в графе «Автор» — «Сав. фон Ферельцт — учитель».

Г. МАКОГОНЕНКО

ГОЛОС С ТРИБУН

Заметки футбольного зрителя

Марк ДОНСКОЙ

Очень часто приходилось летом и осенью слушать по радио репортаж о футбольном состязании: «Наш микрофон установлен на московском стадионе «Динамо».

Удивительное ощущение у слушателей от подобных передач.

Комментатор выразительно передавал все перипетии борьбы. Вы слышали и о тактике и о стратегии.

Комментатор,— несомненно, хороший режиссер и артист. В его передаче страстная спортивная борьба все время зрительно возникает перед слушателями. И слушатели переживают, сердцем «болеют» (отсюда и происходит слово «болельщик») за любимую свою команду.

И как жалеют слушатели, что не удалось им присутствовать на стадионе! Особенно это чувствуешь, когда из репродуктора слышатся душераздирающие крики:

— Удар, удар, еще раз удар!

Как часто бьют по воротам в... передачах по радио. И как досадно бывает убедиться в обратном, когда сидишь на трибуне и смотришь на игру.

И видишь тогда, что мало волнующих моментов, мало или совсем нет ударов по воротам, а есть какие-то неточные, безалаберные тычки по мячу, которые добродушный комментатор считает ударами.

Мы не упрекаем комментаторов в обмане. Отнюдь нет. Очевидно, взволнованные крики «Удар, удар, еще удар!» больше выражают их желание, разделенное слушателями и зрителями, чем фотографию того, что происходит на поле.

А желаем мы все, чтобы наш советский футбол был сильным, атлетическим, красивым видом спорта, чтобы футболисты играли умно, тактично, умело, чтобы били они по воротам часто, точно, результативно.

Некоторые любители футбола могут меня справедливо упрекнуть: «Как это нет сильных ударов? О... о!.. Еще какие удары бывают! Мяч долетает до двадцатого ряда трибун! А высокие какие! А далекие какие! Особенно, когда нужно «потянуть» время».

Да, к сожалению, этакое бывает.

Но не до шуток нам. Закончен футбольный сезон. Спущены флаги на стадионах. Мы покинули трибуны теперь уже до следующего сезона. Невольно оглядываешься и вспоминаешь прошлое. И тут нужно сказать: многомиллионный советский зритель ушел со стадионов разочарованный. Он недоволен игрой наших футболистов, недоволен техникой игры, неумелым обращением с мячом, недоволен тактикой, которая была хороша несколько лет назад, но остановилась в своем развитии, остыла, даже несколько закостенела, стала примитивной, тормозящей развитие советского футбола.

А ведь играть наши команды, безусловно, могли бы лучше, во много раз лучше!

Некоторые, очень немногие, коллективы сделали шаг вперед. Это можно было заметить. Но подавляющее большинство наших сильнейших клубов даже этого робкого шага не сделало.

Для многих были неожиданными выход на первое место московской команды «Спартак» и на второе — киевской команды «Динамо», выигрыш «Кубка СССР» коллективом «Торпедо».

Мне кажется, что это закономерно.

«Возрастной ценз» этих команд говорит об очень важном факте.

Только в розыгрыше «Кубка СССР» приняло участие более 17 тысяч коллективов. Сотни тысяч молодых спортсменов пришли на футбольные поля. А кто их видит?

Наши руководители футбола, наши тренеры пропускают мимо своих глаз, не останавливают своего внимания на этой молодой армии футболистов.

Тренеры чего-то не увидели, ошиблись.

Когда думаешь о наших тренерах, то невольно вспоминаешь слова М. И. Калинина:

«Выдающийся русский педагог Ушинский говорил, что одно дело — нести знания, учить, а другое дело — воспитывать. Причем воспитывать, по его мнению, гораздо труднее, чем учить... Чтобы действительно воспитывать, для этого надо не только хорошо знать свое дело, но иметь еще чистую душу. Под «душой» Ушинский понимал моральный облик воспитателя, его нравственность или то, что еще называется совестью».

Стало быть, воспитывать гораздо труднее, чем учить. Конечно, некоторые наши тренеры умеют учить. Но большинство не умеет воспитывать. И любят, очень любят учить уже «апробированных», известных игроков, любят «находить» уже сформировавшихся мастеров. Короче говоря, любят придти на готовое.

И когда уже «апробированный» готовый игрок «найден», тогда начинают его учить. Каждый учит по-своему, пересказывая, по существу, то, что «найденному» игроку давно известно.

В самом деле, много ли можно назвать команд, игроки которых с детских, юношеских лет воспитывались, а затем продолжали бы играть в классных командах под руководством одного и того же тренера?

Ведь к началу сезона не знаешь, кто будет играть за какой клуб, кто будет тренировать какую команду?

В этом году все состязания на первенство страны и решающие на «Кубок СССР» проходили на столичных стадионах. Очевидно, все внимание руководителей футбола и тренеров было обращено на игры, происходящие в Москве.

А что же там, на множестве футбольных полей нашей периферии, что с теми сотнями тысяч спортсменов, из которых выходят мастера?

Об этом никто не знает. Все внимание «готовым» мастерам, «готовым» командам. Известное имя подавляло инициативу, закрывало путь для молодых в команду мастеров. С «готовыми» мастерами хлопот меньше, да и ответственности. Что сделает молодой, еще не известно, а со знаменитым полегче. Ох, это полегче да поспокойнее!

Да позволено будет привести некоторые факты, как мне кажется, очень интересные.

Знаменитый центр нападения страны П. Исаков начал играть с двенадцати лет. Спустя четыре года шестнадцатилетним юношей он играл в первоклассных командах. В двадцать три года Исаков выступал за «Сборную Москвы» и был бессменным центром нападения во всех международных встречах.

Отличный центр нападения Г. Федотов начал играть, когда ему было двенадцать лет. В шестнадцать — выступал за первоклассную команду, а в двадцать два года — за «Сборную Москвы», во всех международных встречах

Талантливый спортсмен В. Бобров в двадцать три года точными ударами посылал мячи в ворота лондонской команды «Челси».

Пятнадцатилетним мальчиком начал играть в детской команде «Спартак» В. Демин, а уже в двадцать два года он играл в первоклассной команде и выступал в международных встречах. Полузащитник О. Тимаков в семна-

Момент состязания «Спартак» (Москва) — «Зенит» (Ленинград). Мяч в сетке ворот ленинградцев.

Фото А. Бочинина

дцать лет играл за первую команду «Спартак»; отличный футболист В. Трофимов в двадцать лет уже играл за команду мастеров «Динамо».

Очень рано начали играть в первоклассных командах В. Карцев, В. Блинков, М. Якушин, М. Семичастный, Л. Соловьев, А. Леонтьев и другие.

Как-то само собой получилось, что мы собрали блестящую команду, средний возраст игроков которой не превышал двадцати трех лет.

Могут возразить, что названные футболисты играли в разное время. Нет. За небольшим исключением все они выступали в одно время.

Советский зритель, естественно, недоумевает: неужели среди десятков тысяч футболистов мы не можем составить даже десять сборных команд, которые с блеском представляли бы советский футбол?

Беспокойный зритель спрашивает: почему наши ведущие команды стали хуже играть?

Очень много и хитро говорили о тактике футбольного состязания. Очевидно, под тактикой подразумевали простое умение вести борьбу, коллективную борьбу. Правильно. Но позвольте мне возразить тем тренерам, которые вульгарно трактуют понятие «коллективной игры». Нам кажется, что не может быть команды высокого класса, если ее футболисты не достигли совершенства в индивидуальной игре. Для коллективных действий необходимы совершенные индивидуальные действия.

К сожалению, даже отличные спортсмены классных команд воспитаны только на игре в «пас».

Скорей отдай мяч товарищу, как можно скорей избавься от него — таков принцип. У многих уже выработался условный рефлекс — боязнь мяча. Некоторые научились виртуозно избавляться от мяча — пусть ответственность за «поведение мяча» несет сосед. По эфиру несутся крики «Удар, удар, удар!», а на поле мяч спокойно переходит «из ног в ноги».

Очень досадно видеть, как талантливый игрок, получив мяч, не стремится вперед, а топчется на месте и размышляет, кому бы его переадресовать. Это снижает темп, красоту и результативность. И все это вместо того, чтобы красиво обмануть соперника, быстро уйти от него вперед, — вперед, только вперед! — вступить в борьбу, послать мяч в ворота или передать его партнеру, если он в более выгодном положении, и только в этом случае.

Слов нет, футбол — игра коллективная, но разве быстрая, техническая обработка мяча, обводка, обманное движение, умение делать рывки не направлены на коллективные усилия команды? Разве не коллективно играли М. Бутусов, П. Канунников, С. Ильин и многие другие «индивидуалы»?

Когда Сергей Ильин делал рывок по краю, Канунников обводил нескольких соперников, а Бутусов «таранил» защиту и с 30 метров точно и сильно бил в углы ворот, — разве это мешало коллективной игре? Нет, не мешало. Мы сторонники блеска индивидуальной игры в коллективных действиях команды.

Зритель хочет видеть красивую, мужественную коллективную борьбу, в которой каждый игрок будет показывать образцы индивидуального умения обращаться с мячом — бежать с ним, обводить, обманывать, точно посылать его по правильному адресу.

При современном темпе игры от спортсмена требуется очень большая выносливость. Игрок должен быть так подготовлен, чтобы выдержать девяносто минут состязания, а если понадобится, и еще тридцать минут. Но мы часто видим, как темп состязания затухает задолго до последнего свистка судьи, видим, как хорошие мастера мало бегают, стараются выбрать такое место, где можно было бы отдохнуть (это на футбольном-то поле в момент борьбы!). «В чем дело? — думает зритель.— Почему игрок стоит? Может быть, болен?»

...Академик Артоболевский любит поиграть в теннис. Как приятно видеть пожилого человека на спортивной площадке! В нашей стране молодость не покидает стариков. Существуют разные виды спорта для разных возрастов. Разработаны специальные упражнения для детей и для стариков.

Но футбол — игра молодых, игра большой физической нагрузки. Мне кажется, что не все тренеры это понимают, хотя прошедший сезон, успех «Спартака», киевского «Динамо» и московского «Торпедо» еще и еще раз ставят вопрос о молодости.

Мы хотим видеть красивую, сильную, наступательную игру. И пусть не думают, что красота — единственный признак хорошей игры. Красота состоит из разных элементов, и главным из них является мужество.

Вячеслав Соловьев играет очень красиво, технично, но он необычайно «вежлив» и с мячом и с соперниками, он не идет на силовую борьбу.

Мне скажут: «Позвольте, вы же за грубую игру!» Нет, спокойно ответим мы, в футболе силовая игра закономерна, необходима и предусмотрена правилами.

При определенном положении можно толкать любого игрока, и даже вратаря, и даже на «неприкосновенной» его площадке. Трус в футбол играть не может.

Сергей Соловьев внешне играл не очень красиво, но игра его была мужественна, он весь отдавался борьбе, и в этом была его прелесть. В. Трофимов играет мужественно и красиво.

Если наши тренеры обратят серьезное внимание на индивидуальную игру своих воспитанников, улучшат технику их обращения с мячом, «освежат» тактику футбола, «омолодят» свои команды, чтобы рядом с известными мастерами играли молодые мастера, тогда задачи, стоящие перед советским футболом, будут в значительной степени решены.

Наши зрители уверены, что будущий год принесет нам успехи. Эта уверенность основана на большой организующей силе нашего спорта.

Миллионы физкультурников — неисчерпаемый резерв. Здесь таятся сотни, тысячи мастеров, рекордсменов и чемпионов.

Руководителям, тренерам, наставникам футбола этого нельзя забывать.

Нужно учесть ошибки, устранить их, смелее выдвигать молодежь. Тогда советский зритель, советский человек благодарностью и уважением ответит за благородные усилия, тогда советский футбол будет поднят на высоту, достойную нашей великой Родины, могучей спортивной державы.

Экзамен на мастерство

Г. ИЛЬИЧЕВА

Фото С. Репина

При взгляде на горную вершину бывалый альпинист почти сразу намечает возможные пути восхождения. Вот отходит гребень, вот спускается вниз к леднику желоб. Но есть горы, перед которыми даже опытный спортсмен останавливается в недоумении: слишком неприступно выглядят отвесные сбросы, заглаженные скалы, нагромождение ледяных глыб...

Перед шестеркой восходителей прямо над горизонтальным плато Чалаата почти отвесно поднималась огромная мрачная, никем еще не пройденная стена Чатын-тау. Обращенная прямо на север, она лишь на считанные минуты освещалась косыми вечерними лучами. Белизна свежевыпавшего снега еще резче оттеняла угольной чернотой скал, покрытых местами коркой льда.

Путь по крутому заснеженному желобу, казавшийся самым легким, был категорически отвергнут: даже без бинокля были видны почти непрерывно летящие по нему камни. Зато слева от желоба скалы выглядели доступнее, чем в остальных местах. Решено было по ним и подниматься к вершине.

Путь был очень труден. Уже кончался первый день подъема, а нельзя было найти подходящего места для ночлега.

Наконец выбрано место — пологий заснеженный уступ. После четырех часов напряженной работы была расчищена и достроена площадка, где с трудом установлены две палатки.

На второй день отвесные, местами нависающие скалы преграждают путь восходителям.

— Эти скалы — ключ ко всей стене,— коротко сказал руководитель группы Борис Гарф.

Сколько времени нужно человеку, чтобы преодолеть участок в 70 метров? Бегун пробежит его за 7—8 секунд, даже самый неторопливый пешеход тратит на него не более двух минут. Но здесь, на предельно трудных скалах, альпинистам для этого нужно несколько часов.

Первым поднимается Алексей Романович. Снизу кажется непонятным, как он сохраняет равновесие на едва заметной полочке. Но вот забит скальный крюк, и, держась за него левой рукой, Алексей забивает второй. Так, подтягиваясь к крючьям, он продвигается шаг за шагом. Метр — остановка, еще полметра — опять остановка. Вот он скрылся за поворотом.

К вечеру третьего дня группа достигла вершины, а еще через два дня участники десятой альпиниады Московского университета радостно приветствовали своих друзей — победителей стены Чатын-тау.

Впервые сложнейший стенной маршрут высшей категории трудности был пройден группой, состоящей в основном из молодых восходителей. Только руководитель группы мастер спорта Гарф начал свой спортивный путь еще в довоенные годы. Трое его спутников — Юрий Широков, Константин Туманов и Алексей Романович — впервые побывали в горах в 1946 году. Недавно занимается альпинизмом Александр Балдин. А самый молодой участник восхождения, Сергей Репин, получил значок альпиниста в 1947 году. За 5—6 лет спортсмены прошли дистанцию от зачетного восхождения до маршрута международного класса. Экзамен на мастерство был сдан на «отлично».

Все трудности остались позади. Руководитель группы Б. Гарф читает записку, оставленную предыдущими восходителями. Слева направо: Ю. Широков, К. Туманов, Б. Гарф, А. Балдин, А. Романович.

ВОЗРОЖДЕНИЕ «КУТУЗОВСКОЙ ИЗБЫ»

Фрагмент картины «Кутузовская изба» до реставрации.

После реставрации (картина полностью).

В Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве долгие годы выставлялась известная картина «Кутузовская изба» работы выдающегося русского пейзажиста А. К. Саврасова. На полотне была изображена простая крестьянская изба в Филях, в которой, как предполагалось, после Бородинского сражения великий русский полководец фельдмаршал М. И. Кутузов созвал заседание военного совета. Картина в числе других иллюстрировала этот исторический эпизод Отечественной войны 1812 года, нашедший яркое отражение в гениальном творении Л. Н. Толстого «Война и мир».

Несколько лет назад картина «Кутузовская изба» случайно сильно пострадала от огня; лак и слои краски вздулись множеством пузырей, покрывших почти весь холст.

Авторитетные специалисты считали картину безнадежно погибшей, находя невозможным ее восстановление. Однако старший реставратор-художник Государственной центральной художественно - реставрационной мастерской В. О. Кириков взялся вернуть к жизни памятник искусства, предложив для этого свой оригинальный метод работы.

Каждый пузырек (а их было тысячи) он подверг самой скрупулезной обработке. Сперва особыми жидкими составами размягчил спекшиеся пузыри, затем, не снимая с грунта, укреплял на холсте лаковые и красочные слои, после чего укладывал их на прежнее место на грунте и холсте саврасовского оригинала.

Этот первый этап реставрации занял много времени, потребовал кропотливого труда и почти ювелирной по тонкости работы. Закончив его, В. О. Кириков перешел ко второму этапу — удалению перегоревшего лака, под которым сохранился авторский красочный слой картины.

Вся работа выполнена на высоком техническом и художественном уровне.

Так, усилиями талантливого мастера картина была спасена. Нужно отметить, что подобного характера работа была сделана впервые в практике реставрации произведений живописи.

В скором времени картина «Кутузовская изба» начнет в музее Л. Н. Толстого свою вторую жизнь.

Г. МАРКОВ

Из почты «Огонька»

Необычный зверь на Чукотке

Наша киногруппа жила в поселке Лаврентия. Однажды зашел к нам знакомый охотник.

— Пришел рассказать вам интересную новость,— сказал он.— В Нунямо убили какого-то морского зверя. Что за зверь, никто не знает. Никогда не видели такого на Чукотке. Даже старики не помнят.

— Какие приметы? — спросили мы.

— Зверь черного цвета, с густым и мягким мехом. Вот такой длины,— он отметил от стены расстояние метра в три,— и такой ширины,— развел руки охотник.— Голова и передние лапы, как у собаки, а задние не лапы, а ласты, покрыты короткими волосами.

Мы начинаем вспоминать всех редких морских животных. Приметы не сходятся.

Сколько мы ни гадали и ни рядили, но вынуждены были признаться, что такого зверя тоже никогда не видели и не знаем.

Через несколько дней приехавший из Нунямо охотник зверобойного колхоза «Красная заря» чукча Этытегин сдал на пушную базу шкуру редкого зверя. Она выглядела так, как нам описал ее знатный охотник. Только длина была преувеличена. Но все-таки шкура, покрытая густым и шелковистым мехом темнобурого цвета, была около двух метров длиной. Из двух таких шкурок можно было бы сшить дамское манто. Пока мы рассматривали прекрасный мех, владелец шкуры — Этытегин — сидел в стороне и молча покуривал трубку. Ему надоело в сотый раз рассказывать одну и ту же историю, поэтому рассказ его был крайне лаконичен:

— Иду по берегу моря с винтовкой. Вижу: какой-то зверь плывет. На нерпу не похож, на лахтака тоже. Долго думать нельзя: уйдет. Выстрелил — попал вот сюда.

Охотник показал на маленькую дырочку около глаза зверя, зашитую тонкой жилой.

Специалист-пушник на базе вынужден был заглянуть в справочник, чтобы безошибочно определить название редкого зверя.

Это оказался прекрасный экземпляр калана, или морской выдры.

Хищнически истребленный в прошлом столетии, калан теперь — большая редкость. Добыча его запрещена. Шкуры этого редкого зверя поступают только случайно, добытые охотниками по незнанию этого зверя — в районах, где калан не водится. Так случилось и на этот раз.

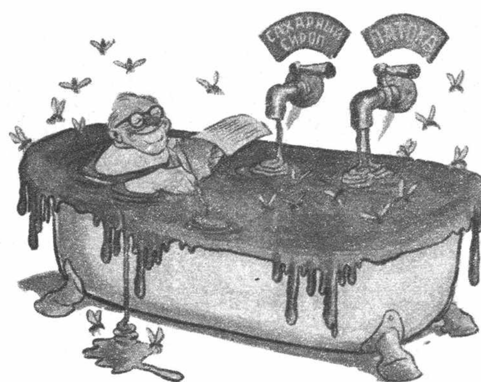
Охотник колхоза «Красная заря» Этытегин со шкурой убитого им калана.

Вяч. ГУЛИН,
кинооператор

Чукотка.
Поселок Лаврентия.

Литературные эпиграммы

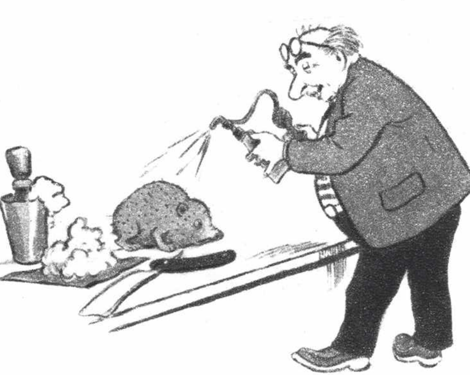
Рисунки Е. Ведерникова

«Сахарная болезнь»

В его рассказах — каждый знает—
В избытке сахар (соли нет!)...
Ему, бесспорно, угрожает
Литературный диабет.

→

↑

«Иглобоязненный» редактор

С пером сатирика-задиры
Теоретически дружа,
Он жаждет... ласковой сатиры —
Все ищет бритого ежа!

↑

Расточительный баснописец

Он в день по льву на басни тратит.
Боюсь, что в будущем году
Наступит крах: зверей не хватит
В зоологическом саду!

←

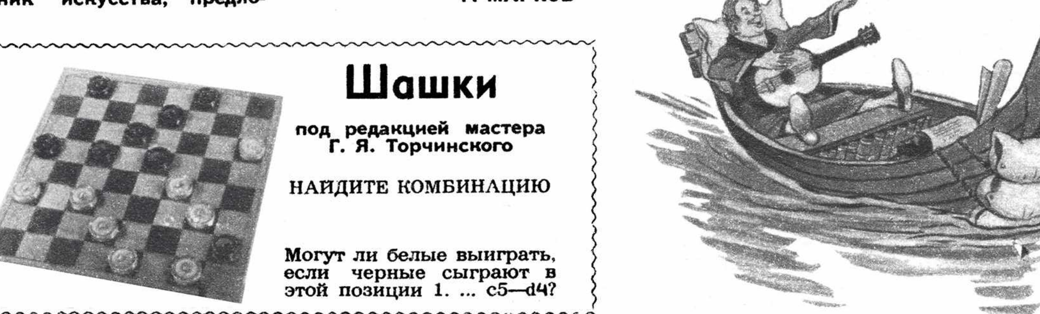
Верность принципу

Любя в искусстве тишь да гладь,
Он не замедлил (вот двулик-то!)
«Конфликт» неискренне
признать —
Лишь только б не было
конфликта!..

Эмиль КРОТКИЙ

Шашки

под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

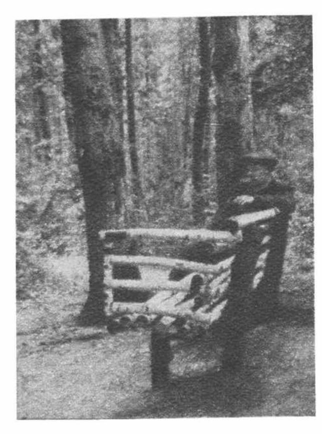
НАЙДИТЕ КОМБИНАЦИЮ

Могут ли белые выиграть, если черные сыграют в этой позиции 1. ... c5—d4?

Из прошлого

Лесные посадки в Ясной Поляне

О том, что Толстой насадил плодовый сад и что он сажал леса, сохранились записи его близких и гостей. Однако размера этих посадок и их значения никто не представлял. Сам Толстой методично записывал в дневниках: «сажал лес». Софья Андреевна писала, что он посадил «много» лесов. Сестра ее, Татьяна Кузьминская, отметила, что «яблочный сад и посадки лесов (в Ясной Поляне) процветали и обессмертили память Льва Николаевича в хозяйстве».

Любимая скамейка в «Елочках», посаженных Л. Толстым.

Только тщательное изучение старых планов и архивных материалов помогло установить, что Толстой посадил за свою жизнь 180 гектаров леса и поднял площадь лесов Ясной Поляны со 174 до 440 гектаров. Засаживались лесом не только бросовые земли, не годные под сельскохозяйственное пользование, но и выгоны, луга, пашни. Ко времени смерти Толстого леса покрыли половину его имения.

Сильно увлекшись посадкой лесов в 1857 году и видя, как уничтожаются тульские засечные леса, окружавшие Ясную Поляну, Толстой со своим всегдашним воодушевлением составил проект восстановления вырубаемых государственных лесов и повез его в Петербург к министру государственных имуществ, чтобы превратить свой проект в законоположение. На введение его в Тульской губернии он смотрел как на опыт, считал нужным распространить его в дальнейшем на другие части России.

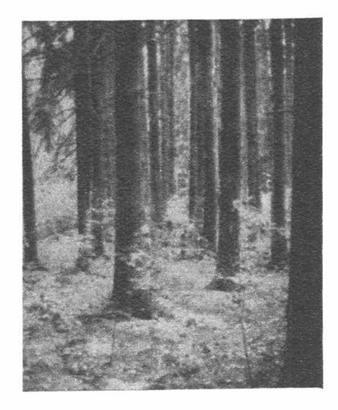
Толстой ошибся, предполагая, что беседа с министром приведет к утверждению проекта. Проект пошел установленным порядком, и ученый комитет не утвердил его.

В защиту своих взглядов Толстой написал обстоятельную записку, в которой от вопросов техники переходил к освещению экономического значения для государства предлагаемых мероприятий, но почему-то не отправил ее, а у себя в Ясной Поляне занялся в широком размере посадками леса.

В посадках Толстого видна система. Он начал с обсадки лесом склонов оврагов, а потом перешел на речки. Обсадил лесом оба берега реки Кочака с примыкающими к ней оврагами и затем реку Воронку.

Чем руководствовался Толстой, насаждая леса, мы не знаем, но совершенно очевидно, что он использовал почвозащитное и, возможно, водоохранное свойства леса. Как и во всей своей деятельности, он смотрел на мир, как на прекрасный и радостный, «который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

Осенью 1897 года С. А. Толстая так описала прогулку по преображенным берегам реки Воронки: «...мы ходили сегодня далеко гулять. Что за красота была! Шли елочками, потом вдоль посадки и речки, вышли к купанью, прошли в большие елки и кругом вернулись лесной дорогой. Эти переливы из светло-желтого и во всех тонах к зеленому и часто красному и темнобурому листвы осенней — необыкновенно красивы. А там где елки, эти темные высокие елки, случайно выросли молодые березы, редкий лист самого светлого желтого цвета сквозит на темном фоне прозрачным кружевом...»

Ели, посаженные в 1890—1895 годах.

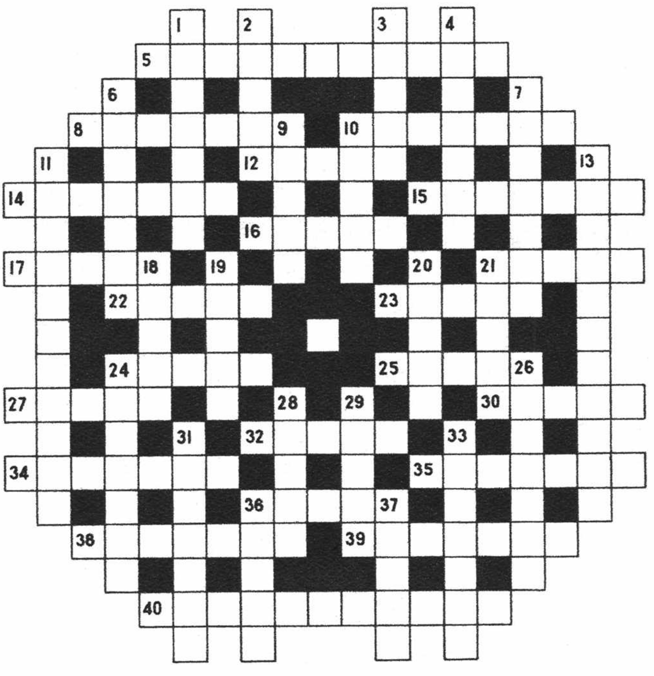
Большое счастье — видеть свои посадки выросшими и наслаждаться ими. Это счастье испытали Толстой и его близкие. И нам он оставил свою Ясную Поляну еще более прекрасной и радостной, чем она была при нем.

Профессор
К. С. СЕМЕНОВ

Ясная Поляна.

В этом номере помещены репродукции картин И. Е. Репина «Проводы новобранца», Г. Г. Мясоедова «Косцы», А. Д. Кившенко «Сортировка перьев» и четыре страницы акварелей В. С. Климашина.

КРОССВОРД

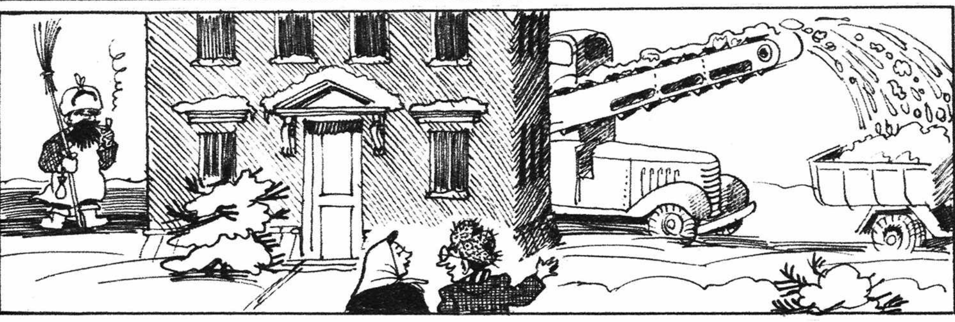
По горизонтали:

5. Орудие для рыхления почвы. 8. Артиллерийское стрельбище. 10. Руководящий выборный орган. 12. Гриб. 14. Вулкан в Италии. 15. Человек, преданный своему народу, любящий свое отечество. 16. Алгебраический термин. 17. Часть шахты. 21. Рыба. 22. Трикотажная ткань. 23. Река во Франции. 24. Последовательный ряд предметов, обладающих общими признаками. 25. Краска. 27. Автономная область Китая. 30. Разряд, подразделение в различных классификациях. 32. Каркас, костяк. 34. Рассказ А. П. Чехова. 35. Продукт перегонки нефти. 36. Мысль, приводимая в доказательство. 38. Русский художник. 39. Песня А. А. Алябьева. 40. Система приемов возделывания сельскохозяйственных культур.

По вертикали:

1. Химический элемент, щелочной металл. 2. Рассказ И. С. Тургенева. 3. Город во Вьетнаме. 4. Армянский композитор. 6. Герой романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 7. Пристройка к дому. 9. Точка небесной сферы. 10. Вид крыши. 11. Невмешательство. 13. Выдающийся русский композитор XVIII—XIX веков. 18. Станок артиллерийского орудия. 19. Русский ученый-химик. 20. Пенистая волна. 21. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Полтава». 24. Драгоценный металл. 26. Музыкальный инструмент. 28. Один из древнейших русских городов. 29. Ледяная глыба. 31. Приток Волги. 33. Персонаж из пьесы А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся». 36. Небольшая разведывательная группа. 37. Производственное сооружение.

Изошутка Ю. Черепанова

Уход за олеандрами

Ответ читательнице
А. В. ЮМАТОВОЙ. Псков

Зимой, в период покоя, олеандры необходимо содержать при низкой комнатной температуре, например, на полу, подложив под кадки деревянные подставочки и придвинув растения поближе к окну. В теплом и слабо освещаемом помещении олеандры слабеют, на них обычно нападает тля. От тли избавляются, смазав растение крепким раствором зеленого мыла. Через полчаса раствор надо начисто смыть водой.

Поливку олеандров производить осторожно и не более трех—четырех раз в течение всей зимы.

Молодые олеандры — пересаживать ежегодно, а старые — только через два — три года. Земля должна быть питательная и рыхлая, например, глинистая дерновая, парниковая и лиственная в равных долях, с добавлением небольшого количества крупнозернистого промытого песка.

С наступлением весны поливку олеандров усиливают. Щедрая поливка олеандров в пору их цветения обязательна. После цветения кусты коротко обрезать, оставляя однолетние сильные побеги. Появившиеся поздней осенью бутоны удалять.

П. ЧУМАК

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

7. Година. 9. Омоним. 10. Пифагор. 11. Низами. 12. Гамбит. 13. Решение. 14. Панова. 17. Сандал. 20. Опера. 22. Балахна. 23. Парапет. 25. Веста. 26. Павиан. 30. Отвага. 33. Артишок. 34. Ратмир. 35. Токарь. 36. Выделка. 37. Лирика. 38. Виадук.

По вертикали:

1. Лозина. 2. «Динамо». 3. Рапира. 4. Боргес. 5. Боцман. 6. Синица. 8. Варенец. 15. Негатив. 16. Веранда. 18. Асфальт. 19. Дилемма. 20. Огнев. 21. Агава. 24. Эсминец. 27. Анализ. 28. Измаил. 29. Нарвал. 30. Октава. 31. Вокзал. 32. Гурзуф.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 07721. Подп. к печ. 3/XII 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 935. Заказ 2689. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

МОДЫ

ВЕЧЕРНИЕ НАРЯДНЫЕ ПЛАТЬЯ

4. Вечернее платье из пан-бархата. Отрезной лиф, собранный спереди у выреза, отделан по линии выреза и пройм руликом, перехваченным золотыми нитками. Короткие рукава собраны по окату. Юбка прямая, слегка присборенная кустиками у талии. Сзади по талии вшит свободный кусок ткани, заложенный складками.

Модель ателье № 34 треста «Мосиндодежда».

Автор модели — Е. С. Котова.

5. Вечернее платье из белого пан-бархата. Отрезной лиф, слегка удлиненный спереди, стянут на боку шнуром из ткани платья. Под кокеткой, собранной на плечах, втачен волан из органди или накрахмаленного шифона, отделанный по краю вышивкой аппликацией из блестящего белого шелка. Юбка прямая, четырехшовная.

Модель ателье № 25 треста «Мосиндодежда».

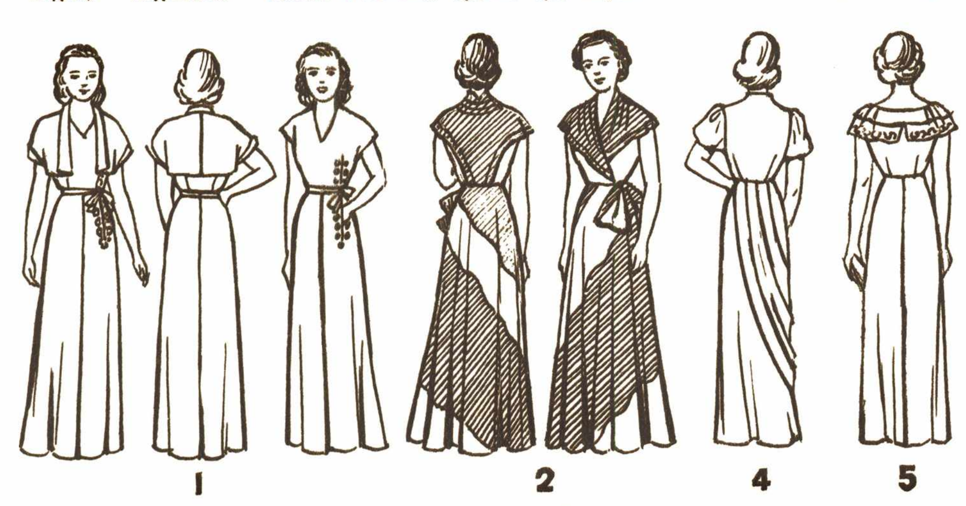
Автор модели — В. Ю. Корж.

1. Вечернее платье из тяжелого темного шелка. Лиф отрезной с короткими цельнокроенными рукавами. Юбка четырехшовная, с мягкими складками по линиям швов. Пояс, завязывающийся сбоку, подшит белым блестящим шелком. Платье отделано вышивкой белыми и серебряными нитками. Поверх платья надевается накидка, подшитая белым шелком, которую можно носить в виде фигаро с белыми отворотами или в виде пелеринки, завязывающейся спереди.

2. Вечернее платье из вискозного креп-сатина. Верхняя часть лифа, подкроенная вместе с серединой спинки, настрочена на бока отлетным краем. Три параллельные складки, застроченные сзади по линии горловины, спереди от плеча расходятся. Расклешенная косая юбка состоит из чередующихся широких полос блестящей и матовой ткани.

Модели ателье № 25 треста «Мосиндодежда».

Автор моделей — В. Ю. Корж.

3. Нарядное платье из вискозного креп-сатина. По талии застрочены вытачки, переходящие спереди в рельефные швы. Широкий косой пояс, втаченный в вытачки, завязывается на боку большим бантом. На рукавах покроя реглан вверху от горловины застрочены складочки, расходящиеся на воротнике, выкроенном вместе с рукавами.

Модель ателье № 34 треста «Мосиндодежда».

Автор модели — Е. С. Котова.

ЦЕНА 3 РУБ.